

Эзотерическое христианство или малые мистерии

Анни Безант

Esoteric Christianity, or The Lesser Mysteries

Annie Besant

Электронная книга проекта "Гутенберг" об Эзотерическом христианстве, или Малых мистериях

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Эзотерическое христианство, или Малые Мистерии

Автор: Анни Безант

Дата выхода: 16 октября 2008 г. [Электронная книга № 26938]

Последнее обновление: 25 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсерами выступили Тьерри Альберто, Эрика Хиллс, Генри Крейг и команда онлайн-редакторов по адресу <https://www.pgdp.net>

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО, ИЛИ МАЛЫЕ МИСТЕРИИ" ***

Примечание переписчика: Многие слова в этой книге с неправильным написанием (например, самскрит / Sanskrit) сохранены как в оригинале.

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО ИЛИ МАЛЫЕ МИСТЕРИИ.

АВТОР АННИ БЕЗАНТ.

[ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ]

Теософское издательское общество.

Лондон и Бенарес.

1905.

Приступая к созерцанию тайн знания, мы будем придерживаться знаменитого и почтенного правила традиции, начинающегося с происхождения вселенной, излагая те моменты физического созерцания, которые необходимо предварять, и устраняя все, что может быть препятствием на пути; так что ухо может быть подготовлено к восприятию традиции гнозиса, почва очищена от сорняков и подготовлена для посадки виноградника; ибо конфликт предшествует конфликту, и тайны предшествуют тайнам.—S. Климент Александрийский.

Пусть этого примера будет достаточно для тех, у кого есть уши. Ибо не требуется раскрывать тайну, но только указать, чего достаточно.—*Там же*.

Имеющий уши слышать да слышит. —*Св. Матфей*.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Цель этой книги - предложить определенные направления размышлений относительно глубоких истин, лежащих в основе христианства, истин, которые обычно упускаются из виду и слишком часто отрицаются. Великодушное желание поделиться со всеми тем, что ценно, распространять бесценные истины, никого не лишая просветления истинным знанием привело к рвению без разбора, которое оплошило христианство и представило его учения в форме, которая часто отталкивает сердце и отчуждает интеллект. Повеление "проповедовать Евангелие всей твари" [1]— хотя, по общему признанию, подлинность его сомнительна — было истолковано как запрещающее обучение гнозису для немногих и, по-видимому, стерло менее популярное высказывание того же Великого Учителя: "Не давайте того, что свято, псам и не бросайте жемчуга перед свиньями". [2]

Этой ложной сентиментальности, которая отказывается признавать очевидное неравенство в интеллекте и нравственности и тем самым низводит учение высокоразвитых людей до уровня, достижимого наименее развитыми, принося высшее в жертву низшему таким образом, что наносит ущерб обоим, не было места в мужественном здравом смысле первых христиан. Святой Климент Александрийский говорит совершенно прямо, упомянув о Мистериях: "Даже сейчас я боюсь, как говорится, "бросать жемчуг перед свиньями, чтобы они не растоптали его ногами, не повернулись и не растерзали нас". Ибо трудно донести по—настоящему чистые и прозрачные слова об истинном Свете до свинячьих и неподготовленных слушателей". [3]

Если истинное знание, гнозис, снова должно стать частью христианских учений, оно может быть только при старых ограничениях, и идея нивелирования способностей наименее развитых должна быть определенно отвергнута. Только обучение, выходящее за рамки понимания малоразвитых людей, может открыть путь к восстановлению тайных знаний, и изучение Меньших Тайн должно предшествовать изучению Больших. Более великие никогда не будут опубликованы через печатный станок; они могут быть переданы только Учителем ученику, "из уст в уши". Но Меньшие Тайны, частичное раскрытие глубоких истин, могут быть восстановлены даже сейчас, и такая книга, как настоящая, призвана очертить их и показать *природу* учений, которыми необходимо овладеть. Там, где даны только намеки, спокойная медитация на истины, на которые намекают, заставит их очертания стать видимыми, и более ясный свет, полученный при продолжении медитации, постепенно покажет их более полно. Ибо медитация успокаивает низший ум, всегда занятый размышлениями о внешних объектах, и когда низший ум спокоен, только тогда он может быть озарен Духом. Таким образом, знание духовных истин должно быть получено изнутри, а не извне, от божественного Духа, храмом которого мы являемся [4] а не от внешнего Учителя. Эти вещи "духовно распознаются" тем божественным внутренним Духом, тем

"разумом Христа", о котором говорит Великий Апостол, [5] и этот внутренний свет изливается на низший разум.

Это путь Божественной Мудрости, истинной Теософии. Это не является, как думают некоторые, разбавленной версией индуизма, или буддизма, или даосизма, или какой-либо особой религии. Это такое же эзотерическое христианство, как и эзотерический буддизм, и оно в равной степени принадлежит всем религиям, но не принадлежит исключительно ни одной. Это источник предложений, сделанных в этом небольшом томе, для помощи тем, кто ищет Свет — тот "истинный Свет, который озаряет каждого человека, приходящего в мир", [6] хотя у большинства еще не открылись на это глаза. Оно не несет Света. Оно только говорит: "Узрите Свет!" Ибо так мы слышали. Оно обращается только к тем немногим, кто жаждет большего, чем дают им экзотерические учения. Для тех, кто полностью удовлетворен экзотерическими учениями, это не предназначено; ибо зачем навязывать хлеб тем, кто не голоден? Для тех, кто голоден, пусть это будет хлеб, а не камень.

Содержание.

Предисловие,	vii
Глава I.	
Скрытая сторона религий.	1
Глава II.	
Скрытая сторона христианства.	36
Глава III.	
Скрытая сторона христианства. (заключение)	69
Глава IV.	
Исторический Иисус.	120
Глава V.	
Мифический Христос.	145
Глава VI.	
Мистический Христос.	170
Глава VII.	
Искупление.	193
Глава VIII.	
Воскресение и Вознесение.	231
Глава IX.	
Троица.	253
Глава X.	
Молитва.	276
Глава XI.	
Прощение грехов.	301

Глава XII.	
Таинства.	324
Глава XIII.	
Таинства.	346
Глава XIV.	
Откровение.	369
Послесловие.	386
Указатель.	388
Сносок.	405

ЭЗОТЕРИЧЕСКОЕ ХРИСТИАНСТВО.

Глава I.

СКРЫТАЯ СТОРОНА РЕЛИГИЙ.

Многие, возможно, большинство, кто увидит название этой книги, сразу же прочтут его и будут отрицать, что существует что-то ценное, что можно справедливо назвать "Эзотерическим христианством". Существует широко распространенная и притом популярная идея о том, что в связи с христианством не существует такого понятия, как оккультное учение, и что "Мистерии", Меньшие или Большие, были чисто языческим институтом. Само название "Тайны Иисуса", столь привычное для ушей христиан первых веков, вызвало бы шок у их современных последователей, и, если бы оно было произнесено как обозначающее особый и определенный институт в Ранней Церкви, вызвало бы недоверчивую улыбку. Фактически стало предметом хвастовства, что у христианства нет секретов, что все, что оно может сказать, оно говорит всем, и всему, чему оно может научить, оно учит всех. Предполагается, что его истины настолько просты, что "идуший своим путем человек, даже глупец, не может в них ошибиться", и "простое Евангелие" стало расхожей фразой.

Поэтому необходимо ясно доказать, что, по крайней мере, в Ранней Церкви христианство ни на йоту не отставало от других великих религий в обладании скрытой стороной и что оно охраняло, как бесценное сокровище, секреты, открытые в своих Мистериях лишь немногим избранным. Но прежде чем сделать это, было бы неплохо рассмотреть весь вопрос об этой скрытой стороне религий и понять, почему такая сторона должна существовать, если религия хочет быть сильной и стабильной; ибо таким образом, ее существование в христианстве будет казаться предрешенным, а ссылки на нее в трудах Отцов церкви будут казаться простыми и естественными, а не удивительными и непонятными. Как исторический факт, существование этого эзотеризма доказуемо; но также можно показать, что с интеллектуальной точки зрения это необходимость.

Первый вопрос, на который мы должны ответить, таков: какова цель религий? Они даны миру людьми, более мудрыми, чем массы людей, которым они дарованы, и предназначены для

ускорения человеческой эволюции. Чтобы делать это эффективно, они должны достигать отдельных людей и влиять на них. Сейчас не все люди находятся на одном и том же уровне эволюции, но эволюцию можно представить как восходящий градиент, на котором в каждой точке находятся люди. Наиболее высокоразвитые намного превосходят наименее развитых как по интеллекту, так и по характеру; способность понимать и действовать одинаково различна на каждом этапе. Следовательно, бесполезно давать всем одно и то же религиозное учение; то, что помогло бы интеллектуальному человеку, было бы совершенно непонятно глупцу, в то время как то, что повергло бы святого в экстаз, оставило бы преступника нетронутым. С другой стороны, если учение подходит для помощи неразумным, то для философа оно невыносимо грубо и тошнотворно, в то время как то, что искупает вину преступника, совершенно бесполезно для святого. И все же все типы нуждаются в религии, чтобы каждый мог подняться к жизни более высокой, чем та, которую он ведет, и ни один тип или уровень не должен быть принесен в жертву какому-либо другому. Религия должна быть такой же постепенной, как эволюция, иначе она не достигнет своей цели.

Далее следует вопрос: каким образом религии стремятся ускорить эволюцию человека? Религии стремятся развить нравственную и интеллектуальную природу и помочь духовной природе раскрыться. Рассматривая человека как сложное существо, они стремятся соответствовать ему в каждой точке его строения и, следовательно, нести послания, подходящие для каждого, учения, адекватные самым разнообразным человеческим потребностям. Поэтому учения должны быть адаптированы к каждому разуму и сердцу, к которому они адресованы. Если религия не достигает разума и не овладевает им, если она не очищает и не вдохновляет эмоции, она потерпела неудачу в достижении своей цели, насколько это касается человека, к которому она обращена.

Таким образом, она не только обращается к разуму и эмоциям, но и стремится, как уже было сказано, стимулировать раскрытие духовной природы. Это отвечает тому внутреннему импульсу, который существует в человечестве и который постоянно толкает расу вперед. Ибо глубоко в сердце каждого — часто прикрытое преходящими условиями, часто погруженное в насущные интересы и тревоги — существует постоянный поиск Бога. "Как олень бежит за ручьями, так и олень бежит" [7] человечество после Бога. Иногда поиск прерывается на пробел, и тоска, кажется, исчезает. В цивилизации и в мышлении повторяются фазы, когда этот зов человеческого Духа к божественному — ищущий свой источник, как вода стремится к своему уровню, позаимствовав сравнение у Джордано Бруно, — это стремление человеческого Духа к тому, что сродни ему во вселенной, части к целому, кажется утихшим, исчезнувшим; тем не менее это стремление появляется вновь, и тот же крик снова раздается из Духа. Растоптанная на время, явно уничтоженная, какой бы ни была тенденция, она возникает снова и снова с неугасимой настойчивостью, она повторяется снова и снова, независимо от того, как часто ее заставляют замолчать; и таким образом она оказывается врожденной тенденцией человеческой природы, ее неискоренимой составляющей. Те, кто торжествующе заявляют: "Вот! он мертв!", обнаруживают, что он снова стоит перед ними с неизменной жизненной силой. Те, кто строит, не обращая на это внимания, обнаруживают, что их хорошо построенные здания раскалываются, как от землетрясения. Те, кто считает, что это переросло границы дозволенного, обнаруживают, что на смену его отрицанию приходят самые дикие суеверия. Это настолько неотъемлемая часть человечества, что у человека *будет* какой-то ответ на свои вопросы; скорее ложный ответ, чем никакого. Если он не может найти религиозную истину, он

скорее примет религиозное заблуждение, чем отсутствие религии, и скорее примет самые грубые и неуместные идеалы, чем признает, что идеала не существует.

Таким образом, религия удовлетворяет эту жажду и, ухватившись за составляющую человеческой природы, которая ее порождает, тренирует, укрепляет, очищает и направляет к ее надлежащему завершению — единению человеческого Духа с божественным, чтобы "Бог мог быть всем во всем". [8]

Следующий вопрос, который встречается нам в нашем исследовании, таков: каков источник религий? В наше время на этот вопрос было дано два ответа — сравнительных мифологов и сравнительных религиоведов. Оба основывают свои ответы на общей основе признанных фактов. Исследования неоспоримо доказали, что религии мира заметно схожи в своих основных учениях, в том, что у них есть Основатели, демонстрирующие сверхчеловеческие силы и необычайный моральный подъем, в их этических предписаниях, в использовании ими средств для соприкосновения с невидимыми мирами и в символах, с помощью которых они выражают свои ведущие верования. Это сходство, доходящее во многих случаях до идентичности, доказывает — согласно обеим вышеупомянутым школам — общее происхождение.

Но о природе этого общего происхождения между двумя школами идут споры. Специалисты по сравнительной мифологии утверждают, что общим источником является общее невежество и что самые возвышенные религиозные доктрины являются просто утонченными выражениями грубых и варварских догадок дикарей, первобытных людей относительно самих себя и своего окружения. Анимизм, фетишизм, поклонение природе, солнцепоклонство - вот составляющие первобытной грязи, из которой выросла великолепная лилия религии. Кришна, Будда, Лао-цзы, Иисус - высокоразвитые, но прямые потомки вертлявого знахаря дикарей. Бог - это составная фотография бесчисленных Богов, которые являются олицетворениями сил природы. И так далее. Все это суммируется во фразе: религии — это ответвления от общего ствола - человеческого невежества.

Специалисты по сравнительному религиоведению считают, с другой стороны, что все религии берут свое начало из учений Богословов, которые время от времени передают различным народам мира такие части фундаментальных истин религии, какие люди способны воспринять, всегда обучая одной и той же морали, прививая использование сходных средств, используя одни и те же значимые символы. Религии дикарей — анимизм и остальные - являются вырождением, результатом упадка, искаженными и карликовыми потомками истинных религиозных верований. Поклонение Солнцу и чистым формам поклонения природе были в свое время благородными религиями, в высшей степени аллегоричными, но полными глубокой истины и знания. Великие Учителя — как утверждают индуисты, буддисты и некоторые сторонники сравнительного религиоведения, такие как теософы, — образуют прочное Братство людей, которые поднялись за пределы человечества, которые появляются в определенные периоды, чтобы просветить мир, и которые являются духовными хранителями человеческой расы. Эту точку зрения можно резюмировать фразой: "Религии — это ответвления от общего ствола - Божественной Мудрости".

Об этой Божественной Мудрости говорят как о Мудрости, Гнозисе, Теософии, и некоторые в разные эпохи мира так желали подчеркнуть свою веру в это единство религий, что предпочитали эклектичное название "Теософ" любому более узкому обозначению.

Об относительной ценности утверждений этих двух противоположных школ следует судить по убедительности доказательств, представленных каждой из них. Появление дегенеративной формы благородной идеи может быть очень похоже на появление утонченного продукта грубой идеи, и единственным методом принятия решения между дегенерацией и эволюцией было бы изучение, по возможности, промежуточных и отдаленных предков. Доказательства, приводимые верующими в Мудрость, именно такого рода. Они утверждают: что Основатели религий, судя по записям их учений, были намного выше уровня среднего человечества; что Священные Писания религий содержат моральные предписания, возвышенные идеалы, поэтические устремления, глубокие философские утверждения, к которым даже не приближаются по красоте и возвышенности более поздние труды в тех же религиях — то есть, что старое выше нового, вместо того, чтобы новое было выше старого; что невозможно доказать процесс очищения и усовершенствования, который якобы является источником нынешних религий, тогда как можно привести множество случаев вырождения из чистых учений; что даже среди дикарей, если внимательно изучить их религии, можно обнаружить много следов возвышенных идей, идей, которые явно превышают производственные возможности самих дикарей.

Эта последняя идея была развита мистером Эндрю Лэнгом, которого — судя по его книге *Создании религии*— следует отнести к специалисту по сравнительному религиоведению, а не к сравнительному мифологу. Он указывает на существование общей традиции, которая, как он утверждает, не могла быть выработана самими дикарями, поскольку они являются людьми, чьи обычные верования являются самыми грубыми, а разум - малоразвитым. Под грубыми верованиями и деградировавшими взглядами Он показывает возвышенные традиции возвышенного характера, затрагивающие природу Божественного Существа и Его отношения с людьми. Божества, которым поклоняются, по большей части являются самыми настоящими дьяволами, но за всем этим стоит смутное, но величественное, всепоглощающее Присутствие, редко или никогда не называемое по имени, но о котором шепчутся как об источнике всего, как о силе, любви и благодати, слишком нежном, чтобы вызывать ужас, слишком добром, чтобы требовать мольбы. Такие идеи явно не могли быть постигнуты дикарями, среди которых они встречаются, и они остаются красноречивыми свидетелями откровений, сделанных неким великим Учителем — смутные предания о котором, как правило, также можно обнаружить, — который был Сыном Мудрости и передал некоторые из ее учений в давно ушедшую эпоху.

Причина и, по сути, оправдание точки зрения специалистов по сравнительной мифологии очевидны. Они повсюду находили низкие формы религиозных верований, существующие среди диких племен. Считалось, что это сопровождает общее отсутствие цивилизации. Считая, что цивилизованные люди развиваются из нецивилизованных, что может быть более естественным, чем рассматривать цивилизованную религию как эволюционирующую из нецивилизованных? Это первая очевидная идея. Только более позднее и глубокое изучение может показать, что современные дикари не являются типами наших предков, а являются дегенерировавшими отпрысками великих цивилизованных племен прошлого, и что человек в младенчестве не был оставлен расти необученным, но был воспитан старшими, от которых он получил свое первое руководство как в религии, так и в цивилизации. Эта точка зрения подтверждается такими фактами, как те, на которых остановился Ланг, и вскоре поднимет вопрос: "Кто были эти старейшины, предания о которых встречаются повсюду?"

Продолжая наше исследование, мы подходим к следующему вопросу: каким людям были даны религии? И здесь мы сразу подходим к трудностям, с которыми приходится сталкиваться каждому Основателю религии, о которых уже говорилось как о имеющих отношение к основной цели самой религии, ускорению человеческой эволюции, из чего следует, что Он должен учитывать все уровни развивающегося человечества. Люди находятся на всех стадиях эволюции, от самых варварских до наиболее развитых; встречаются люди с высоким интеллектом, но также и с наиболее неразвитой ментальностью; в одном месте существует высокоразвитая и сложная цивилизация, в другом - грубое и простое государственное устройство. Даже внутри любой данной цивилизации мы находим самые разные типы — самых невежественных и самых образованных, самых вдумчивых и самых беспечных, самых духовных и самых жестоких; и все же до каждого из этих типов нужно добраться, и каждому нужно помочь там, где он находится. Если эволюция истинна, то эта трудность неизбежна, и божественный Учитель должен встретиться с ней лицом к лицу и преодолеть ее, иначе Его работа потерпит неудачу. Если человек развивается так же, как развивается все вокруг него, эти различия в развитии, эти различные уровни интеллекта должны быть характеристикой человечества повсюду и должны быть предусмотрены в каждой из религий мира.

Таким образом, мы оказываемся лицом к лицу с положением, что у нас не может быть одного и того же религиозного учения даже для одной нации, а тем более для одной цивилизации или для всего мира. Если существует только одно учение, то большое число тех, кому оно адресовано, полностью избежат его влияния. Если ее сделать подходящей для тех, чей интеллект ограничен, чья мораль элементарна, чье восприятие притуплено, чтобы она могла помогать и тренировать их и, таким образом, давать им возможность развиваться, это будет религия, совершенно неподходящая для тех людей, живущих в той же стране, составляющих часть той же цивилизации, которые обладают острым и утонченным моральным восприятием, ярким и утонченным интеллектом и развивающейся духовностью. Но если, с другой стороны, помочь этому последнему классу, если дать интеллекту философию, которую он может считать достойной восхищения, если утончить тонкое моральное восприятие еще больше, если дать возможность зарождающейся духовной природе развиваться до совершенства, тогда религия будет настолько духовной, настолько интеллектуальной и нравственной, что, когда она будет проповедоваться первому классу, она не затронет их умы или сердца, она будет для них цепочкой бессмысленных фраз, неспособных пробудить их скрытый интеллект или дать им какой-либо мотив для поступков. поведение, которое поможет им вырасти в более чистую мораль.

Рассматривая, таким образом, эти факты, касающиеся религии, принимая во внимание ее объект, ее средства, ее происхождение, природу и различные потребности людей, которым она адресована, признавая эволюцию духовных, интеллектуальных и нравственных способностей в человеке и потребность каждого человека в таком обучении, которое подходит для стадии эволюции, на которой он находится, мы приходим к абсолютной необходимости разнообразного и поэтапного религиозного обучения, такого, которое удовлетворит эти различные потребности и поможет каждому человеку на его месте.

Есть еще одна причина, по которой эзотерическое учение желательно в отношении определенного класса истин. В высшей степени справедливо в отношении этого класса утверждение, что "знание - это сила". Публичное распространение глубоко интеллектуальной философии, достаточной для тренировки и без того высокоразвитого интеллекта и привлечения

на свою сторону возвышенных умов, никому не может повредить. Ее можно проповедовать без колебаний, ибо она не привлекает невежд, которые отворачиваются от нее как от сухой, чопорной и неинтересной. Но есть учения, которые имеют дело с устройством природы, объясняют непонятные законы и проливают свет на скрытые процессы, знание которых дает контроль над природными энергиями и позволяет его обладателю направлять эти энергии на определенные цели, подобно тому, как химик имеет дело с производством химических соединений. Такое знание может быть очень полезным для высокоразвитых людей и может значительно увеличить их способность служить расе. Но если бы эти знания были обнародованы миру, ими могли бы злоупотребить, точно так же, как знаниями о тонких ядах злоупотребляли в средние века Борджиа и другие. Оно перешло бы в руки людей с сильным интеллектом, но нерегулируемыми желаниями, людей, движимых разделяющими инстинктами, стремящихся к обретению собственного "я" и безразличных к общему благу. Их привлекла бы идея обретения сил, которые подняли бы их над общим уровнем и отдали бы обычное человечество в их власть, и они поспешили бы приобрести знания, которые возвышают их обладателей до сверхчеловеческого ранга. Обладая им, они стали бы еще более эгоистичными и утвердились бы в своей отделенности, их гордость была бы подпитана, а чувство отчужденности усилилось, и таким образом они неизбежно были бы загнаны на дорогу, ведущую к дьяволопоклонству, на Путь Левой Руки, целью которого является изоляция, а не единение. И они не только сами пострадали бы в своей внутренней природе, но и стали бы угрозой для Общества, уже достаточно пострадав от рук людей, чей интеллект более развит, чем их совесть. Отсюда возникает необходимость утаивать определенные учения от тех, кто морально еще непригоден для их получения; и эта необходимость давит на каждого Учителя, способного передать такие знания. Он желает передать его тем, кто будет использовать силы, которые оно дает, для общего блага, для ускорения человеческой эволюции; но он в равной степени не желает быть участником передачи его тем, кто хотел бы использовать его для собственного возвеличивания за счет других.

И это не вопрос только теории, согласно Оккультным записям, которые содержат подробности событий, упомянутых в Книге Бытия vi. и далее. Это знание в те древние времена и на континенте Атлантида давалось без каких-либо жестких условий относительно морального возвышения, чистоты и бескорыстия кандидатов. Тех, кто был интеллектуально подготовлен, обучали точно так же, как в наши дни людей обучают обычным наукам. Затем была дана столь властно требуемая ныне гласность, в результате чего люди стали гигантами в знании, но также и гигантами во зле, пока земля не застонала под своими угнетателями и крик растоптанного человечества не разнесся по мирам. Затем произошло разрушение Атлантиды, погружение этого огромного континента под воды океана, некоторые подробности которого даны в еврейских Писаниях в рассказе о Ноевом потопе и в индуистских Писаниях дальнего Востока в рассказе о Вайвасвате Ману.

После того опыта, когда стало ясно, насколько опасно позволять нечистым рукам овладевать знанием, которое является силой, великие Учителя наложили жесткие условия в отношении чистоты, бескорыстия и самоконтроля на всех кандидатов для такого обучения. Они категорически отказываются передавать знания такого рода любому, кто не согласится с жесткой дисциплиной, направленной на устранение разделенности чувств и интересов. Они измеряют моральную силу кандидата даже в большей степени, чем его интеллектуальное развитие, поскольку само обучение будет развивать интеллект, в то время как оно оказывает давление на моральную природу. Гораздо лучше, чтобы невежды осудили Великих за их

предполагаемый эгоизм в сокрытии знаний, чем чтобы Они ввергли мир в еще одну атлантическую катастрофу.

Так много теории мы излагаем как имеющую отношение к необходимости скрытой стороны во всех религиях. Когда от теории мы переходим к фактам, мы, естественно, спрашиваем: существовала ли эта скрытая сторона в прошлом, являясь частью религий мира? Ответ должен быть немедленным и безоговорочным утвердительным; каждая великая религия претендовала на обладание скрытым учением и заявляла, что оно является хранилищем теоретического мистического, а затем и практического мистического, или оккультного, знания. Мистическое объяснение популярного учения было общедоступным и излагало последнее как аллегория, придавая грубым и иррациональным утверждениям и историям значение, доступное интеллекту. За этим теоретическим мистицизмом, как и за популярным, далее существовал практический мистицизм, скрытое духовное учение, которое передавалось только при определенных условиях, условиях известных и опубликованных, которые должен выполнять каждый кандидат. Святой Климент Александрийский упоминает об этом разделении Мистерий. После очищения, по его словам, "следуют Малые Мистерии, которые имеют некоторую основу для обучения и предварительной подготовки к тому, что последует; и Великие Мистерии, в которых не остается ничего, что можно было бы узнать о Вселенной, но только созерцать и постигать природу и вещи". [9]

Эта позиция не может быть оспорена в отношении древних религий. Мистерии Египта были славой этой древней страны, и благороднейшие сыны Греции, такие как Платон, отправлялись в Саис и в Фивы, чтобы получить посвящение у египетских Учителей Мудрости. Митраистские мистерии персов, Орфические и вакхические мистерии и более поздние элевсинские полумистерии греков, Мистерии Самофракии, Скифии, Халдеи известны, по крайней мере, по названию, как слова нарицательные. Даже в крайне разбавленном виде Элевсинские мистерии высоко ценятся самыми выдающимися людьми Греции, такими как Пиндар, Софокл, Исократ, Плутарх и Платон. Особенно они считались полезными в отношении *посмертного* существования, поскольку Посвященный узнавал то, что обеспечивало его будущее счастье. Сопатер далее утверждал, что Посвящение устанавливало родство души с божественной Природой, и в экзотерическом гимне Деметре содержатся скрытые ссылки на святого младенца, Якха, и на его смерть и воскресение, о которых говорится в Мистериях. [10]

От Ямвлиха, великого теурга третьего и четвертого веков нашей эры, многое можно узнать о цели Мистерий. Теургия была магией, "последней частью священной науки", [11] и практиковалась в Великих Мистериях для вызова появления высших Существ. Теорию, на которой основывались эти Мистерии, можно очень кратко сформулировать так: Есть Единый, предшествующий всем существам, неподвижный, пребывающий в уединении Своего собственного единства. Из Этого возникает Верховный Бог, Саморожденный, Благо, Источник всех вещей, Корень, Бог Богов, Первопричина, раскрывающий Себя в Свет. [12] От Него исходит Умопостигаемый Мир, или идеальная вселенная, к нему принадлежат Вселенский Разум, *Разум* и бестелесные или умопостигаемые Боги. Отсюда Мировая Душа, к которой принадлежат "божественные интеллектуальные формы, присутствующие в видимых телах Богов". [13] Затем следуют различные иерархии сверхчеловеческих существ, Архангелов, Архонтов (Правителей) или Космократоров, Ангелов, Даймонов и т.д. Человек - существо низшего порядка, родственное им по своей природе и способное познать их; это знание было достигнуто в Мистериях, и оно привело к единению с Богом. [14] В Мистериях излагаются эти доктрины,

"развитие от всего сущего и регресс к Единому и полное господство Единого", [15] и, далее, эти различные Существа были вызваны и появлялись иногда для того, чтобы учить, иногда одним своим присутствием возвышать и очищать. "Боги, - говорит Ямвлих, - будучи благожелательными и благоприятствующими, передают свой свет теургам в небывалом изобилии, призывая их души к себе, обеспечивая им союз с самими собой и приучая их, пока они еще находятся в теле, отделяться от тел и возвращаться к своему вечному и понятному принципу". [16] Для "души, имеющей двойную жизнь, одна из которых соединена с телом, а другая отделена от всего тела", [17] крайне необходимо научиться отделять ее от тела, чтобы таким образом оно могло соединиться с Богами своей интеллектуальной и божественной частью и познать подлинные принципы знания и истины умопостижаемого мира. [18] "Присутствие Богов, действительно, придает нам здоровье тела, добродетель души, чистоту интеллекта и, одним словом, возвращает все в нас к своей истинной природе. Оно показывает то, что не является телом, как тело взорам души, через взоры тела". [19] Когда появляются Боги, душа получает "освобождение от страстей, трансцендентное совершенство и энергию, еще более превосходную, и приобщается к божественной любви и огромной радости". [20] Этим мы обретаем божественную жизнь и становимся на самом деле божественными. [21]

Кульминационным моментом Мистерий было то, что Посвященный становился Богом, либо через единение с божественным Существом вне его, либо через осознание божественного "Я" внутри себя. Это называлось экстазом и было состоянием, которое индийские йоги называли бы высшим Самадхи, когда грубое тело находится в трансе, а освобожденная душа осуществляет свой собственный союз с Великим Единым. Этот "экстаз" не является собственно так называемой способностью, это состояние души, которое преобразует ее таким образом, что затем она воспринимает то, что ранее было скрыто от нее. Это состояние не будет постоянным до тех пор, пока наш союз с Богом не станет необратимым; здесь, в земной жизни, экстаз - всего лишь вспышка.... Человек может перестать быть человеком и стать Богом; но человек не может быть Богом и человеком одновременно". [22] Плотин утверждает, что он достигал этого состояния "но уже трижды".

Точно так же Прокл учил, что единственное спасение души - вернуться к своей интеллектуальной форме и, таким образом, вырваться из "круга зарождения, из обильных скитаний" и достичь истинного Бытия, "к однородной и простой энергии периода одинаковости, вместо обильного блуждающего движения периода, который характеризуется различием". Эта жизнь, к которой стремятся те, кто посвящен Орфеем в Мистерии Вакха и Прозерпины, и это результат практики очистительных, или катарсических, добродетелей. [23]

Эти добродетели были необходимы для Великих Мистерий, поскольку они касались очищения тонкого тела, в котором работала душа, выйдя из грубого тела. Политические или практические добродетели относились к обычной жизни человека и в некоторой степени требовались, прежде чем он мог стать кандидатом даже в такую Школу, как описана ниже. Затем следовали катарсические добродетели, с помощью которых очищалось тонкое тело, тело эмоций и низшего разума; в-третьих, интеллектуальные, принадлежащие к Авгеидам, или световой форме интеллекта; в-четвертых, созерцательные, или парадигматические, с помощью которых осуществлялся союз с Богом. Порфирий пишет: "Тот, кто заряжается энергией в соответствии с практическими добродетелями, является достойным человеком; но тот, кто заряжается энергией в соответствии с очищающими добродетелями, является ангельским человеком или также хорошим даймоном. Тот, кто заряжает энергией в соответствии с интеллектуальными

добродетелями, является Богом; но тот, кто заряжает энергией в соответствии с парадигматическими добродетелями, является Отцом Богов". [24]

Архангельские и другие иерархии также давали много наставлений в Мистериях, и Пифагор, великий учитель, получивший посвящение в Индии и давший "знание сущего" своим посвященным ученикам, как говорят, обладал таким знанием музыки, что мог использовать ее для обуздания самых диких страстей людей и просветления их умов. Примеры этого приводятся Ямвлихом в его *Жизни Пифагора*. Представляется вероятным, что титул Теодидакта, данный Аммонию Саккасу, учителю Плотина, относился не столько к возвышенности его учения, сколько к этим божественным наставлениям, полученным им в Мистериях.

Некоторые из используемых символов объяснены Ямвлихом, [25] который предлагает Порфирию убрать из своей мысли образ символизируемой вещи и достичь ее интеллектуального значения. Таким образом, "трясина" означала все, что было телесным и материальным; "Бог, сидящий над лотосом" означал, что Бог превзошел как трясину, так и интеллект, символизируемые лотосом, и утвердился в Самом Себе, будучи восседающим. Если "плыть на корабле", то изображалось Его правление миром. И так далее. [26] Об этом использовании символов Прокл отмечает, что "орфический метод был направлен на раскрытие божественных вещей с помощью символов, метод, общий для всех авторов божественных знаний". [27]

Пифагорейская школа в Великой Греции была закрыта в конце VI века до н.э. из-за преследований гражданской власти, но существовали и другие общины, поддерживавшие священную традицию. [28] Мид утверждает, что Платон интеллектуализировал его, чтобы защитить от растущей профанации, а элевсинские обряды сохранили некоторые из его форм, утратив свою сущность. Неоплатоники унаследовали от Пифагора и Платона, и их труды должны быть изучены теми, кто хотел бы понять что-то о величии и красоте, сохраненных для мира в Мистериях.

Сама пифагорейская школа может служить разновидностью навязываемой дисциплины. По этому поводу Мид приводит много интересных подробностей, [29] и отмечает: "Античные авторы согласны с тем, что эта дисциплина преуспела в создании высочайших образцов не только чистейшего целомудрия и сентиментальности, но также простоты манер, деликатности и вкуса к серьезным занятиям, которым не было равных. Это признают даже христианские писатели". В Школе были внешние ученики, ведущие семейную и общественную жизнь, и приведенная выше цитата относится к ним. Во внутренней школе было три степени — первая для Слушателей, которые два года учились в тишине, делая все возможное, чтобы усвоить учения; вторая степень была математической, где преподавались геометрия и музыка, природа числа, формы, цвета и звука; третья степень была физической, которые осваивали космогонию и метафизику. Это привело к истинным Мистериям. Кандидаты в Школу должны быть "с незапятнанной репутацией и довольным нравом".

Тесная идентичность методов и целей, преследуемых в этих различных Мистериях, и методов и задач Йоги в Индии очевидна для самого поверхностного наблюдателя. Нет, однако, необходимости предполагать, что народы древности черпали вдохновение из Индии; все они в равной степени черпали вдохновение из одного источника - Великой ложи Центральной Азии, которая посылала своих Посвященных во все страны. Все они проповедовали одни и те же доктрины и применяли одни и те же методы, ведущие к одним и тем же целям. Но между

Посвященными всех наций существовало большое взаимодействие, и у них были общий язык и общая символика. Таким образом, Пифагор путешествовал среди индийцев и получил в Индии высокое Посвящение, а Аполлоний Тианский позже последовал по его стопам. Совершенно индийскими как по фразе, так и по мысли были предсмертные слова Плотина: "Теперь я стремлюсь вернуть "Я" внутри себя ко Всеобщему "я". [30]

Среди индусов строго соблюдался долг обучать высшему знанию только достойных. "Глубочайшая тайна конца знания... это не должно быть объявлено тому, кто не является сыном или учеником и кто не спокоен душой". [31] Итак, снова после наброска Йоги мы читаем: "Встаньте! пробудитесь! отыскав Великих, слушайте! Идти по этой дороге так же трудно, как по острому лезвию бритвы. Так говорят мудрые". [32] Преподаватель необходим, для письменного преподавания одного этого недостаточно. "Цель познания" состоит в том, чтобы познать Бога — не только верить; стать единым с Богом — не только поклоняться издалека. Человек должен познать реальность божественного Существования, а затем знать — а не только смутно верить и надеяться, — что его собственное сокровенное "Я" едино с Богом и что цель жизни - осознать это единство. Если религия не может привести человека к этому осознанию, она всего лишь "как звучащая медь или кимвал". [33]

Также утверждалось, что человек должен научиться покидать грубое тело: "Пусть человек с твердостью отделяет ее [душу] от своего собственного тела, как стебель травы от своей оболочки". [34] И это было написано! "В золотой высочайшей оболочке обитает безупречный, неизменный Брахман; Это сияющий белый Свет светов, известный познавшим Себя". [35] "Когда провидец видит золотистого Творца, Господа, Духа, чье лоно - Брахман, тогда, отбросив заслуги и недостатки, безупречный, мудрый достигает высшего единения". [36]

Евреи также не были лишены своих тайных знаний и своих Школ Посвящения. Общество пророков в Найофе под председательством Самуила [37] сформировали такую Школу, и устное обучение передавалось ими. Подобные школы существовали в Вефиле и Иерихоне, [38] и в *согласовании* [39] есть следующее интересное примечание: "Школы или Колледжи пророков это первые [школы], о которых у нас есть какие-либо упоминания в Священном Писании; где дети пророков, то есть их ученики, вели уединенный и аскетичный образ жизни, занимались изучением, медитацией и чтением закона Божьего.... На смену этим Школам, или Обществам, пророков пришли синагоги". *Каббала*, содержащая полуобщественное учение, в ее нынешнем виде является современной компиляцией, частью которой является работа раввина Моисея де Леона, умершего в 1305 году нашей эры. Она состоит из пяти книг: "Бахир", "Зоар", "Сефер Сефирот", "Сефер Йецира" и "Аш Мецарет", и утверждается, что она передавалась устно с очень древних времен — по историческому счету. Доктор Уинн Уэсткотт говорит, что "древнееврейская традиция относит древнейшие части "Зоара" к дате, предшествующей строительству второго Храма"; и говорят, что раввин Симеон бен Йохай записал некоторые из них в первом веке нашей эры. описан Сааджей Гаоном, умершим в 940 году н.э., как "очень древний". [40] Некоторые фрагменты древнего устного учения были включены в *Каббалу* в ее нынешнем виде, но истинная архаическая мудрость евреев остается под опекой нескольких истинных сынов Израиля.

Каким бы кратким ни был этот план, его достаточно, чтобы показать существование скрытой стороны в религиях мира за пределами христианства, и теперь мы можем рассмотреть вопрос, было ли христианство исключением из этого универсального правила.

Глава II.

СКРЫТАЯ СТОРОНА ХРИСТИАНСТВА.

а) Свидетельство Священных Писаний.

Убедившись, что религии прошлого в один голос утверждали, что у них есть скрытая сторона, что они являются хранителями "Мистерий", и что это утверждение было подтверждено стремлением величайших людей к посвящению, мы должны теперь выяснить, стоит ли христианство вне этого круга религий и единственное, у кого нет гнозиса, предлагая миру только простую веру, а не глубокое знание. Если бы это было так, это действительно было бы печальным фактом, доказывающим, что христианство предназначено только для определенного класса, а не для всех типов людей. Но то, что это не так, мы сможем доказать вне всяких рациональных сомнений.

И это доказательство - то, в чем христианский мир в это время острее всего нуждается, ибо самый цветок христианского мира гибнет из-за недостатка знаний. Если удастся восстановить эзотерическое учение и привлечь терпеливых и серьезных учеников, пройдет совсем немного времени, и оккультизм также будет восстановлен. Ученики Меньших Мистерий станут кандидатами в Великие, и с обретением знаний снова придет авторитет учения. И действительно, потребность в этом велика. Ибо, глядя на окружающий нас мир, мы обнаруживаем, что религия на Западе страдает от тех самых трудностей, с которыми теоретически мы должны были бы столкнуться. Христианство, утратив свое мистическое и эзотерическое учение, теряет свою власть над большим числом наиболее высокообразованных людей, и частичное возрождение в течение последних нескольких лет связано с повторным введением некоторых мистических учений. Каждому студенту последних сорока лет прошлого столетия очевидно, что толпы вдумчивых и нравственных людей ускользнули из церквей, потому что учения, которые они там получали, возмущали их интеллект и потрясали их нравственное чувство. Бесполезно утверждать, что широко распространенный агностицизм того периода коренился либо в отсутствии морали, либо в преднамеренной извращенности ума. Каждый, кто внимательно изучит представленные явления, признает, что люди с сильным интеллектом были изгнаны из христианства грубостью излагаемых им религиозных идей, противоречиями в авторитетных учениях, взглядами на Бога, человека и вселенную, которые не мог бы принять ни один подготовленный разум. Нельзя также сказать, что в основе бунта против догм Церкви лежала какая-либо моральная деградация. Повстанцы были не слишком плохи для своей религии; напротив, именно религия была слишком плоха для них. Бунт против популярного христианства был вызван пробуждением и ростом совести; именно совесть, а также разум восстали против учений, позорящих как Бога, так и человека, которые представляли Бога тираном, а человека по сути злым, обретающим спасение через рабское подчинение.

Причина этого бунта заключалась в постепенном падении христианского учения до так называемой простоты, так что самые невежественные могли быть в состоянии понять его. Протестантские религиозные деятели громкогласно утверждали, что не следует проповедовать

ничего, кроме того, что каждый может постичь, что слава Евангелия заключается в его простоте и что ребенок и необразованный человек должны быть способны понять его и применять в жизни. Достаточно верно, если бы под этим подразумевалось, что существуют некоторые религиозные истины, которые могут постичь все, и что религия терпит неудачу, если она оставляет самых низших, самых невежественных, самых тупых за пределами своего возвышающего влияния. Но ложно, совершенно ложно, если под этим понимать, что в религии нет истин, которые невежды не могли бы понять, что она настолько бедна и ограничена, что ей нечему научить, что было бы выше мыслей неразумных или моральной компетенции деградировавших. Ложь, фатально ложь, если таков смысл; ибо по мере того, как эта точка зрения распространяется, занимая кафедры и звуча в церквях, многие благородные мужчины и женщины, чьи сердца наполовину разбиты, когда они разрывают узы, связывающие их с их ранней верой, уходят из церквей и оставляют свои места, чтобы их заполнили лицемеры и невежды. Они переходят либо в состояние пассивного агностицизма, либо — если они молоды и полны энтузиазма — в состояние активной агрессии, не веря, что это может быть высшим, что возмущает в равной степени интеллект и совесть, и предпочитая честность открытого неверия одурманиванию интеллекта и совести по указке авторитета, в котором они не признают ничего божественного.

Изучая таким образом мысль нашего времени, мы видим, что вопрос о скрытом учении в связи с христианством приобретает жизненно важное значение. Выживет ли христианство как *the* религия Запада? Неужели для того, чтобы прожить столетия будущего и продолжать играть определенную роль в формировании мышления развивающихся западных рас? Если оно хочет жить, оно должно восстановить утраченные знания и снова получить свои мистические и оккультные учения; оно должно снова выступить как авторитетный учитель духовных истин, облеченный единственным авторитетом, который чего-либо стоит, авторитетом знания. Если эти учения будут восстановлены, их влияние вскоре проявится в более широких и глубоких взглядах на истину; догмы, которые сейчас кажутся простыми оболочками и оковами, снова будут рассматриваться как частичное отражение фундаментальных реальностей. Во-первых, эзотерическое христианство вновь появится в "Святом месте", в Храме, так что все, кто способен принять его, смогут следовать его опубликованным направлениям мысли; и, во-вторых, оккультное христианство снова спустится в Адитум, обитая за Завесой, которая охраняет "Святая Святых", в которую может входить только Посвященный. Тогда оккультное учение снова будет доступно тем, кто готов принять его в соответствии с древними правилами, тем, кто в наши дни желает соответствовать древним требованиям, предъявляемым ко всем тем, кто хотел бы познать реальность и истину духовных вещей.

Еще раз обратимся к истории, чтобы увидеть, было ли христианство уникальным среди религий тем, что не имело внутреннего учения, или же оно походило на все другие в обладании этим скрытым сокровищем. Такой вопрос является вопросом доказательств, а не теории, и должен решаться на основании авторитета существующих документов, а не простого *ipse dixit* современных христиан.

Фактически, и "Новый Завет", и писания ранней Церкви делают одни и те же заявления относительно владения Церковью такими учениями, и из них мы узнаем факт существования Мистерий, называемых Мистериями Иисуса, или Тайной Царства, условия, налагаемые на кандидатов, кое-что об общем характере данных учений и другие детали. Некоторые места в "Новом Завете" остались бы совершенно неясными, если бы не свет, пролитый на них

определенными высказываниями Отцов и Епископов Церкви, но в этом свете они стали ясными и вразумительными.

Это действительно было бы странно, если бы было иначе, когда мы рассматриваем направления религиозной мысли, оказавшие влияние на первобытное христианство. Связанная с евреями, персами и греками, окрашенная древними верованиями Индии, глубоко окрашенная сирийской и египетской мыслью, эта позднейшая ветвь великой религиозной ветви не могла поступить иначе, как заново утвердить древние традиции и передать западным расам все сокровище древнего учения. "Вера, однажды переданная святым", действительно лишилась бы своей главной ценности, если бы жемчужина эзотерического учения, переданная на Запад, была утеряна.

Первое свидетельство, подлежащее рассмотрению, - это "Новый Завет". Для нашей цели мы можем отложить в сторону все спорные вопросы, связанные с различными прочтениями и разными авторами, которые могут быть решены только учеными. Критическая наука может многое сказать о возрасте рукописей, о подлинности документов и так далее. Но нам не нужно беспокоиться об этом. Мы можем принять канонические Писания как показывающие, во что верила ранняя Церковь относительно учения Христа и Его непосредственных последователей, и посмотреть, что они говорят о существовании тайного учения, данного лишь немногим. Убедившись в словах, вложенных в уста Самого Иисуса и рассматриваемых Церковью как имеющие высший авторитет, мы обратимся к писаниям великого апостола С. Павла; затем мы рассмотрим заявления, сделанные теми, кто унаследовал апостольскую традицию и руководил Церковью в течение первых веков нашей эры. Следуя этой непрерывной линии традиций и письменных свидетельств, можно утверждать, что у христианства была скрытая сторона. Далее мы обнаружим, что Малые Мистерии мистической интерпретации можно проследить на протяжении веков до начала 19 века, и что, хотя после исчезновения Мистерий не существовало Школ мистицизма, признанных подготовительными к Посвящению, все же великие Мистики время от времени достигали низших стадий экстаза своими собственными постоянными усилиями, которым, несомненно, помогали невидимые Учителя.

Слова Самого Учителя ясны и определены и, как мы увидим, были процитированы Оригеном как относящиеся к тайному учению, сохранившемуся в Церкви. "И когда Он остался один, бывшие около Него с двенадцатью спросили у Него притчу. И Он сказал им: "Вам дано познать тайну царства Божьего, но для тех, кто находится вовне, все это совершается в притчах". И позже: "Многими такими притчами изрек Он им слово, насколько они были способны его слышать. Но Он не говорил им без притчи; и когда они остались одни, Он объяснил все Своим ученикам". [41] Отметьте значимые слова "когда они были одни" и фразу "те, кто без". То же самое и в версии Святого Матфея: "Иисус отпустил народ и вошел в дом; и пришли к Нему ученики Его". Эти учения, данные "в доме", сокровенный смысл Его наставлений, якобы передавались от учителя к учителю. Следует отметить, что Евангелие дает аллегорическое мистическое объяснение тому, что мы называли Малыми Мистериями, но более глубокий смысл, как было сказано, был дан только Посвященным.

И снова Иисус говорит даже Своим апостолам: "Мне еще многое нужно сказать вам, но вы не можете вынести этого сейчас". [42] Некоторые из них, вероятно, были сказаны после Его смерти, когда Он был замечен Своими учениками, "говорящими о вещах, относящихся к царству Божьему". [43] Ни одно из них не было публично зарегистрировано, но кто может

поверить, что ими пренебрегли или забыли, а не передали по наследству как бесценное достояние? В Церкви существовало предание, что Он посещал Своих апостолов в течение значительного периода времени после Своей смерти, чтобы дать им наставления — факт, на который будет сослан позже, — и в знаменитом гностическом трактате "*Пистис София*" мы читаем: "Когда Иисус воскрес из мертвых, Он провел одиннадцать лет, беседуя со Своими учениками и наставляя их". [44] Затем есть фраза, которую многие хотели бы смягчить и объяснить: "Не давайте того, что свято, собакам и не бросайте жемчуга перед свиньями" [45] — заповедь, которая действительно имеет общее применение, но считалась ранней Церковью относящейся к тайным учениям. Следует помнить, что в древние времена эти слова звучали не так резко, как сейчас; ибо слова "собаки" — как и "вульгарные", "нечестивые" — применялись теми, кто принадлежал к определенному кругу, ко всем, кто находился за его пределами, будь то общество, ассоциация или нация, — как евреи ко всем язычникам. [46] Иногда оно использовалось для обозначения тех, кто находился вне круга Посвященных, и мы находим, что в этом смысле оно использовалось в ранней Церкви; к тем, кто не был посвящен в Мистерии, считалось, что они находятся за пределами "царства Божьего" или "духовного Израиля", применялось это название.

Существовало несколько названий, исключая термин "Тайна" или "Мистерии", используемых для обозначения священного круга Посвященных или связанных с Посвящением: "Царство", "Царство Божье", "Царство Небесное", "Узкий путь", "Тесные врата", "Совершенный", "Спасенный", "Жизнь вечная", "Жизнь", "Второе рождение", "Малютка", "Малое дитя". Значение становится ясным из-за использования этих слов в раннехристианских писаниях, а в некоторых случаях даже за пределами христианства. Таким образом, термин "Совершенные" использовался ессеями, в общинах которых было три категории: неофиты, Братья и Совершенные — последние были Посвященными; и в этом смысле он обычно используется в старых писаниях. "Маленький ребенок" было обычным именем для кандидата, только что прошедшего инициацию, *то есть* только что принявшего свое "второе рождение".

Когда мы знаем это применение, многие неясные и в остальном резкие отрывки становятся понятными. "Тогда один сказал Ему: Господи, разве мало тех, кто будет спасен? И Он сказал им: старайтесь войти тесными воротами; ибо многие, говорю я вам, будут стремиться войти и не смогут". [47] Если это применить обычным протестантским способом к спасению от вечного адского огня, утверждение становится невероятным, шокирующим. Ни один Спаситель мира не может утверждать, что многие будут стремиться избежать ада и попасть на небеса, но не смогут этого сделать. Но применительно к узким вратам Посвящения и к спасению от перерождения это совершенно верно и естественно. Итак, еще раз: "Входите тесными вратами; ибо широки врата и широк путь, ведущие к погибели, и многие идут по ним; потому что тесны врата и узок путь, ведущий к жизни; и немногие находят их". [48] Предупреждение, которое непосредственно следует за этим, против лжепророков, учителей темных Мистерий, наиболее уместно в этой связи. Ни один изучающий не может не заметить знакомого звучания этих слов, используемых в том же смысле в других писаниях. "Древний узкий путь" знаком всем; путь, "по которому трудно ступить, как по острому лезвию бритвы", [49] уже упоминалось; переход "от смерти к смерти" тех, кто следует усыпанным цветами путем желаний, кто не знает Бога; ибо только те люди становятся бессмертными и спасаются от широкой пасти смерти, от постоянно повторяющегося разрушения, кто оставил все желания. [50] Намек на смерть, конечно же, относится к повторяющимся рождениям души в грубом материальном существовании, которые всегда рассматриваются как "смерть" по сравнению с "жизнью" в высших и тонких мирах.

Эти "Тесные Врата" были воротами Посвящения, и через них кандидат входил в "Царство". И всегда было и должно быть правдой, что лишь немногие могут войти в эти врата, хотя мириады — чрезвычайно "великое множество, которого никто не мог сосчитать", [51] немало — входят в счастье небесного мира. Так же говорил другой великий Учитель почти тремя тысячелетиями ранее: "Среди тысяч людей едва ли кто-то стремится к совершенству; из успешных стремящихся едва ли кто-то знает меня по сути". [52] Ибо Посвященных мало в каждом поколении, цвет человечества; но в этом заявлении не произносится мрачный приговор о вечном горе подавляющему большинству человеческой расы. Спасенные - это, как учил Прокл, [53] те, кто вырвался из круга порождений, внутри которого заключено человечество.

В этой связи мы можем вспомнить историю молодого человека, который пришел к Иисусу и, обращаясь к Нему как к "Доброму Учителю", спросил, как он может обрести вечную жизнь — общепризнанное освобождение от перерождений через познание Бога. [54] Его первым ответом было обычное экзотерическое предписание: "Соблюдайте заповеди". Но когда молодой человек ответил: "Все это я хранил с юности моей", - тогда к этой совести, свободной от всякого знания греха, пришел ответ истинного Учителя: "Если ты хочешь быть совершенным, пойди и продай то, что имеешь, и раздай бедным, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за мной". "Если ты хочешь быть совершенным", будь членом Царства, бедность и послушание должны быть приняты. И затем Своим собственным ученикам Иисус объясняет, что богатый человек вряд ли может войти в Царство Небесное, поскольку такой вход труднее, чем верблюду пройти сквозь игольное ушко; с людьми такого входа быть не могло, с Богом все было возможно. [55] Только Бог в человеке может преодолеть этот барьер.

Этот текст по-разному объяснялся, очевидно, что невозможно понять его поверхностный смысл, что богатый человек не может достичь состояния счастья после смерти. В это состояние может войти как богатый человек, так и бедняк, и всеобщая практика христиан показывает, что они ни на мгновение не верят, что богатство ставит под угрозу их счастье после смерти. Но если взять истинное значение Царства Небесного, то мы имеем выражение простого и непосредственного факта. Ибо то знание о Боге, которое есть Вечная Жизнь [56] не может быть получено, пока все земное не будет отдано, не может быть изучено, пока все не будет принесено в жертву. Человек должен отказаться не только от земного богатства, которое отныне может проходить только через его руки как управляющего, но он должен отказаться и от своего внутреннего богатства, поскольку он считает его своим собственным по отношению к миру; пока он не разденется догола, он не сможет пройти через узкие врата. Таково всегда было условие Посвящения, и "бедность, послушание, целомудрие" были обетом кандидата.

"Второе рождение" - еще один хорошо известный термин для обозначения Посвящения; даже сейчас в Индии высшие касты называются "дваждырожденными", и церемония, которая делает их дваждырожденными, является церемонией Посвящения - действительно, простой оболочкой в наши дни, но "образцом вещей на небесах". [57] Когда Иисус обращается к Никодиму, Он заявляет, что "Если человек не родится свыше, он не может увидеть Царствия Божьего", и об этом рождении говорится как о рождении "от воды и Духа"; [58] это первое Посвящение; более позднее - посвящение "Святым Духом и огнем", [59] крещение Посвящаемого в зрелом возрасте, поскольку первым является крещение при рождении, которое приветствует его как "Малое Дитя", вступающее в Царство. [60] Насколько хорошо этот образ был знаком иудейским

мистикам, показывает удивление, проявленное Иисусом, когда Никодим споткнулся о Его мистическую фразеологию: "Ты ли учитель Израиля и не знаешь всего этого?" [61]

Еще одна заповедь Иисуса, которая остается "суровым изречением" для его последователей: "Итак, будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный". [62] Обычный христианин знает, что он не может подчиниться этой заповеди; полный обычных человеческих слабостей, как он может стать совершенным, как совершенен Бог? Видя невозможность поставленной перед ним задачи, он спокойно откладывает ее в сторону и больше не думает об этом. Но рассматриваемый как венец многих жизней, направленных на постоянное совершенствование, как триумф Бога внутри нас над низшей природой, он находится в пределах досягаемости, и мы вспоминаем слова Порфирия о том, что человек, достигший "парадигматических добродетелей, является Отцом Богов", [63] и что в Мистериях были приобретены эти добродетели.

Святой Павел следует по стопам своего Учителя и говорит в точности в том же смысле, но, как и следовало ожидать от его организационной работы в Церкви, с большей ясностью. Учащийся должен внимательно прочитать главы ii. и iii., и стих 1 главы iv. Первого Послания к Коринфянам, помня при чтении, что эти слова адресованы крещеным и причастившимся членам Церкви, полноправным членам с современной точки зрения, хотя Апостол и назвал их младенцами и плотянами. Они не были оглашенными или неопитами, но мужчинами и женщинами, которые полностью обладали всеми привилегиями и обязанностями членства в Церкви, признавались Апостолом отделенными от мира и ожидали, что они не будут вести себя как мирские люди. Фактически, они обладали всем, что современная Церковь дает своим членам. Давайте резюмируем слова Апостола:

"Я пришел к вам, неся божественное свидетельство, соблазняя вас не человеческой мудростью, но силой Духа. Воистину, "мы изрекаем мудрость среди совершенных", но это не человеческая мудрость. "Мы изрекаем мудрость Божью в тайне, даже скрытую мудрость, которую Бог предопределил еще до возникновения мира", и которую не знает никто даже из князей этого мира. Вещи этой мудрости находятся за пределами человеческого мышления, "но Бог открыл их нам Своим Духом ... глубокие вещи Божьи", "которым учит Святой Дух". [64] Это духовные вещи, которые может распознать только духовный человек, в котором есть разум Христа. "И я, братья, не мог говорить с вами как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе.... Вы не могли этого вынести, не можете и сейчас. Ибо вы все еще плотские". "Как мудрый мастер-строитель". [65] Я зложил основание" и "вы - храм Божий, и Дух Божий обитает в вас". "Пусть человек так отзывается о нас, как о служителях Христа и распорядителях Тайн Божьих".

Может ли кто—нибудь, читая этот отрывок — и все, что было сделано в кратком изложении, - это выделить основные моменты, - не признать тот факт, что Апостол обладал божественной мудростью, данной в Мистериях, которую его последователи в Коринфе еще не смогли воспринять? И обратите внимание на повторяющиеся технические термины: "мудрость", "мудрость Божья в тайне", "сокровенная мудрость", известная только "духовному" человеку, о которой говорят только среди "совершенных", мудрость, из которой были исключены недуховные, "младенцы во Христе", "плотские", известная "мудрому мастеру-строителю", "распорядителю Тайн Божьих".

Снова и снова он обращается к этим Тайнам. В письме к эфесским христианам он говорит, что "через откровение", через разоблачение, была "открыта мне Тайна" и, следовательно, его

"знание в Тайне Христа"; все могли знать о "общении в Тайне". [66] Об этой Тайне, которую Он повторил Колоссянам, он был "сделан служителем", "Тайна, которая была сокрыта от веков и поколений, но теперь открыта Его святым"; не миру и даже не христианам, а только Святым. Им была открыта "слава этой Тайны"; и в чем же она заключалась? "Христос в вас" — знаменательная фраза, которая, как мы вскоре увидим, принадлежала к жизни Посвященного; таким образом, в конечном итоге каждый человек должен научиться мудрости и стать "совершенным во Христе Иисусе". [67] Этим Колоссянам он велит молиться, "чтобы Бог открыл нам дверь высказывания, чтобы поведать тайну Христа", [68] отрывок, на который Св. Климент ссылается как тот, в котором апостол "ясно открывает, что знание принадлежит не всем". [69] Так же он пишет своему любимому Тимофею, предлагая ему выбрать своих дьяконов из тех, кто хранит "Тайну веры в чистой совести", эту великую "Тайну благочестия", которую он узнал, [70] знание которого было необходимо учителям Церкви.

Сейчас С. Тимофей занимает важное положение, поскольку представляет следующее поколение христианских учителей. Он был учеником Святого Павла и был назначен им руководить частью Церкви. Как мы узнаем, он был посвящен в Мистерии самим Святым Павлом, и на это делается ссылка, а технические фразы еще раз служат подсказкой. "Это поручение Я возлагаю на тебя, сын Тимофей, согласно пророчествам, которые были о тебе прежде", [71] торжественное благословение Инициатора, который допустил кандидата; но присутствовал не один Инициатор: "Не пренебрегай даром, который есть в тебе, который был дан тебе по пророчеству, через возложение рук Святого Духа". Пресвитерия", [72] старших братьев. И он напоминает ему ухватиться за ту "вечную жизнь, к которой ты также призван, и исповедовал доброе исповедание перед многими свидетелями" [73] — обет нового Посвященного, данный в присутствии Старших Братьев и собрания Посвященных. Данное тогда знание было священным поручением, о котором так настойчиво призывает Святой Павел: "О Тимофей, храни то, что вверено твоему доверию" [74] — не знание, которым обычно обладают христиане, относительно которого на Святом Тимофее не лежало особых обязательств, но священный залог, переданный ему как Посвященному и необходимый для благополучия Церкви. Позже Святой Павел снова возвращается к этому, подчеркивая высшую важность вопроса таким образом, который был бы преувеличен, если бы знание было общим достоянием христиан: "Крепко держись формы здоровых слов, которые ты слышал обо мне.... То доброе, что было вверено тебе, храни Духом Святым, обитающим в нас" [75] — самое серьезное заклинание, какое только могут произнести человеческие уста. Далее, его долгом было обеспечить надлежащую передачу этого священного наследия, чтобы оно могло быть передано будущему и Церковь никогда не осталась бы без учителей: "То, что ты слышал обо мне от многих свидетелей" — священные устные учения, данные на собрании Посвященных, которые засвидетельствовали точность передачи, — "то же самое передай верным людям, которые смогут учить и других". [76]

Знание — или, если предпочтительнее это выражение, предположение — о том, что Церковь обладала этими скрытыми учениями, проливает поток света на разрозненные замечания, сделанные Св. Павлом о себе, и когда они собраны вместе, мы получаем очерк эволюции Посвященного. Св. Павел утверждает, что, хотя он уже был среди совершенных, посвященных — ибо он говорит: "Поэтому давайте, все, кто будут совершенными, будем мыслить таким образом" — он еще не "достиг", действительно, еще не был полностью "совершенным", ибо он еще не завоевал Христа, он еще не достиг цели. "высокое призвание Бога во Христе", "сила Его воскресения и участие в Его страданиях стали сообразными Его смерти"; и он боролся, говорит он, "если бы я каким-либо способом мог достичь воскресения мертвых". [77] Ибо это было

Посвящение, которое освобождало, которое делало Посвящаемого Совершенным Мастером, Воскресшим Христом, окончательно освобождая Его от "мертвых", от человечества внутри круга зарождения, от уз, приковывающих душу к грубой материи. Здесь мы снова сталкиваемся с рядом технических терминов, и даже поверхностный читатель должен понимать, что "воскресение мертвых", о котором здесь говорится, не может быть обычным воскресением современного христианина, предполагаемым неизбежным для всех людей и, следовательно, очевидно, не требующим какой-либо особой борьбы со стороны кого-либо для его достижения. Фактически, само слово "достичь" было бы неуместно при упоминании универсального и неизбежного человеческого опыта. Согласно современным христианским взглядам, Святой Павел не мог избежать *этого* воскресения. Что же тогда было за воскресение, для достижения которого он прилагал такие напряженные усилия? И снова единственный ответ приходит из Мистерий. В них Посвященный, приближающийся к Посвящению, освобождающему от цикла перерождений, круга зарождения, назывался "страдающим Христом"; он разделял страдания Спасителя мира, был мистически распят, "сообразован с Его смертью", а затем достиг воскресения, общения с прославленным Христом, и после этого смерть не имела над ним власти. [78] Это была "награда", к которой стремился великий Апостол, и он призывал "всех, кто совершенен", *не обычного верующего*, стремиться таким образом. Пусть они не довольствуются тем, что приобрели, но все равно идут вперед.

Это сходство Посвященного с Христом действительно является самой основой Великих Мистерий, как мы увидим более подробно, когда будем изучать "Мистического Христа". Посвященный больше не должен был смотреть на Христа как на нечто постороннее ему самому: "Хотя мы и познали Христа по плоти, но отныне мы Его больше не знаем". [79]

Обычный верующий "облекся во Христа"; "все те из вас, кто был крещен во Христа, облеклись во Христа". [80] Тогда они были "младенцами во Христе", о которых уже говорилось, а Христос был Спасителем, к которому они обращались за помощью, зная Его "по плоти". Но когда они победили низшую природу и больше не были "плотскими", тогда они должны были вступить на более высокий путь и сами стать Христом. То, чего он сам уже достиг, было стремлением Апостола к своим последователям: "Дети мои, ради которых Я мучаюсь в рождении свыше, пока не сформируется Христос *в вас*". [81] Он уже был их духовным отцом, "родившим вас через Евангелие". [82] Но теперь "снова" он был как родитель, как их мать, чтобы привести их ко второму рождению. Затем в душе родился младенец Христос, Святое Дитя, "сокровенный человек сердца"; [83] Посвященный, таким образом, стал этим "Маленьким Ребенком"; отныне он должен был лично проживать жизнь Христа, пока не станет "совершенным человеком", возрастая "в меру роста полноты". о Христе". [84] Затем он, как это делал Святой Павел, восполнил страдания Христа в своей собственной плоти, [85] и всегда носил "смерть Господа Иисуса в теле", [86] чтобы он мог истинно сказать: "Я распят со Христом: тем не менее я живу; но не я, а Христос живет во мне". [87] Так страдал сам Апостол; так он описывает себя. И когда борьба заканчивается, как отличается спокойный тон триумфа от напряженных усилий предыдущих лет: "Теперь я готов принять предложение, и время моего ухода не за горами. Я вел добрую борьбу, я завершил свой путь, я сохранил веру; отныне для меня уготован венец праведности". [88] Это был венец, данный "побеждающему", о котором вознесенный Христос сказал: "Я сделаю его столпом в храме Бога Моего; и он уже не выйдет оттуда". [89] Ибо после "Воскресения" Посвященный становится Совершенным Человеком, Мастером, и Он больше не выходит из Храма, но из него служит мирам и направляет их.

Прежде чем завершить эту главу, возможно, стоит отметить, что сам Святой Павел одобряет использование теоретического мистического учения для объяснения исторических событий, записанных в Священных Писаниях. Написанная в нем история не рассматривается им как простая запись фактов, происходивших на физическом плане. Истинный мистик, он видел в физических событиях тени универсальных истин, когда-либо раскрывающихся в высших и внутренних мирах, и знал, что события, выбранные для сохранения в оккультных писаниях, были такими, которые были типичными, объяснение которых могло бы послужить человеческому обучению. Таким образом, он берет историю Авраама, Сары, Агари, Измаила и Исаака и, говоря: "все это аллегория", переходит к мистическому истолкованию. [90] Ссылаясь на бегство израильтян из Египта, он говорит о Красном море как о крещении, о манне и воде как о духовной пище и духовном питье, о скале, из которой текла вода, как о Христе. [91] Он видит великую тайну союза Христа и Его Церкви в человеческих отношениях мужа и жены и говорит о христианах как о плоти и костях тела Христова. [92] Автор Послания к Евреям аллегоризирует всю еврейскую систему богослужения. В Храме он видит образец небесного Храма, в Первосвященнике он видит Христа, в жертвоприношениях - приношение непорочного Сына; священники Храма - всего лишь "пример и тень небесного", небесного священства, служащего в "истинной скинии". Таким образом, в главах iii.-x. разработана наиболее сложная аллегория, и автор утверждает, что Святой Дух таким образом обозначал более глубокий смысл; все это было "фигурой для того времени".

При таком взгляде на священные писания не утверждается, что описанных событий не было, а только то, что их физическое воплощение было делом второстепенной важности. И такое объяснение является раскрытием Малых Тайн, мистического учения, которому позволено быть дарованным миру. Это не просто игра воображения, как думают многие, а результат истинной интуиции, позволяющей видеть узоры на небесах, а не только тени, отбрасываемые ими на экран земного времени.

ГЛАВА III.

СКРЫТАЯ СТОРОНА ХРИСТИАНСТВА(заключение).

(б) Свидетельство Церкви.

Хотя, возможно, некоторые были бы готовы признать, что Апостолы и их непосредственные преемники обладали более глубокими знаниями о духовных вещах, чем те, которые были распространены среди окружающих их масс верующих, немногие, вероятно, захотят сделать следующий шаг и, покинув этот заколдованный круг, принять в качестве хранилища своих священных знаний Тайны Ранней Церкви. Тем не менее, у нас есть Святой Павел, обеспечивающий передачу неписаного учения, сам иницирующий Святого Тимофея и поручающий Святому Тимофею, в свою очередь, иницировать других, которые должны снова передать его еще кому-то. Таким образом, мы видим, что о четырех последовательных поколениях учителей говорится в самих Священных Писаниях, и они с лихвой перекрывают писателей Ранней Церкви, которые свидетельствуют о существовании Мистерий. Ибо среди них есть ученики самих Апостолов, хотя наиболее определенные утверждения принадлежат тем, кто

был удален от Апостолов одним промежуточным учителем. Теперь, как только мы начинаем изучать писания Ранней Церкви, мы сталкиваемся с фактами, что там есть намеки, которые понятны только благодаря существованию Мистерий, а затем утверждения о том, что Мистерии существуют. Этого, конечно, можно было ожидать, учитывая тот момент, на котором Новый Завет оставляет этот вопрос, но удовлетворительно найти факты, соответствующие ожиданиям.

Первыми свидетелями являются те, кого называют Апостольскими Отцами, учениками Апостолов; но от их писаний сохранилось очень мало, и это оспаривается. Не будучи написанными противоречиво, утверждения не столь категоричны, как у более поздних авторов. Их письма предназначены для ободрения верующих. Поликарп, епископ Смирны и соученик Игнатия Иоанновского, [93] выражает надежду, что его корреспонденты "хорошо разбираются в священных Писаниях и что от вас ничего не скрыто; но мне эта привилегия пока не предоставлена" [94]-запись, по—видимому, до достижения полной Инициализации. Варнава говорит о передаче "некоторой части того, что я сам получил", [95] и после мистического толкования Закона заявляет, что "тогда мы, правильно понимая Его заповеди, объясняем их так, как задумал Господь". [96] Игнатий, епископ Антиохийский, ученик Святого Иоанна, [97] говорит о себе как о "еще несовершенном в Иисусе Христе". Ибо теперь я начинаю быть учеником, и я говорю с вами как соученики", [98] и он говорит о них как о "посвященных в тайны Евангелия с Павлом, святым, принявшим мученическую смерть". [99] Снова он говорит: "Могу ли я не писать вам о вещах, более полных тайны? Но я боюсь сделать это, чтобы не причинить вреда вам, которые всего лишь младенцы. Простите меня в этом отношении, чтобы вы, будучи не в состоянии воспринять их весомое значение, не были ими задушены. Ибо даже я, хотя я связан [для Христа] и способен понимать небесные вещи, ангельские чины и различные виды ангелов и воинств, различие между силами и владчествами, различия между престолами и властями, могущество зонов и превосходство херувимов и серафимов, возвышенность Духа, царство Господне и, прежде всего, несравненное величие Всемогущего Бога, - хотя я знаком с этими вещами, все же я никоим образом не совершенен и не являюсь таким человеком. ученик как Павел или Петр". [100] Этот отрывок интересен тем, что указывает на то, что организация небесных иерархий была одним из предметов, по которым давались наставления в Мистериях. Снова он говорит о Первосвященнике, Иерофанте, "которому было вверено святая святых и которому одному были доверены тайны Бога". [101]

Далее мы подходим к S. Климент Александрийский и его ученик Ориген, два писателя второго и третьего веков, которые больше всего рассказывают нам о Мистериях Ранней Церкви; хотя общая атмосфера полна мистических намеков, эти двое ясны и категоричны в своих утверждениях о том, что Мистерии были признанным институтом.

Теперь Святой Климент был учеником Пантена, и он говорит о нем и о двух других, предположительно Татиане и Феодоте, как о "сохраняющих традицию благословенного учения, происходящего непосредственно от святых апостолов Петра, Иакова, Иоанна и Павла", [102] его связь с самими апостолами, таким образом, состоит только из одного посредника. Он был главой Александрийской катехизической школы в 189 году нашей эры и умер около 220 года нашей эры. Ориген, родившийся около 185 года н.э., был его учеником, и он, возможно, самый ученый из Отцов Церкви и человек редчайшей нравственной красоты. Это свидетели, от которых мы получаем наиболее важные свидетельства о существовании определенных Мистерий в Ранней Церкви.

The *Строматы*, или Сборники, Святого Климента являются нашим источником информации о Мистериях его времени. Сам он говорит об этих трудах как о "сборнике гностических заметок, согласно истинной философии", [103], а также описывает их как записи учений, которые он сам получил от Пантенуса. Этот отрывок поучителен: "Господь... позволил нам сообщать об этих божественных Тайнах и об этом святом свете тем, кто способен их принять. Он, конечно, не раскрывал многим то, что не принадлежало многим; но тем немногим, кому Он знал, что они принадлежали, кто был способен воспринять их и сформироваться в соответствии с ними. Но тайные вещи доверяются речи, а не письму, как в случае с Богом. И если кто-нибудь скажет [104], что написано: "Нет ничего тайного, что не было бы открыто, и сокровенного, что не было бы раскрыто", пусть он также услышит от нас, что тому, кто слышит тайно, даже тайное будет открыто. Это то, что было предсказано этим оракулом. И тому, кто способен тайно наблюдать за тем, что ему передается, то, что скрыто, будет раскрыто как истина; и то, что скрыто для многих, покажется явным для немногих.... Тайны преподносятся мистически, чтобы то, что произносится, могло быть в устах говорящего; скорее, не в его голосе, а в его понимании.... Я хорошо знаю, что написание этих моих записных книжек слабо по сравнению с тем духом, полным благодати, который я имел честь услышать. Но это будет образ, который напечатает архетип тому, кто был поражен Тирсом ". Мы можем здесь упомянуть, что Тирс был жезлом, который носили Посвященные, и к кандидатам прикасались им во время церемонии Посвящения. Он имел мистическое значение, символизируя спинной мозг и шишковидную железу в Малых Мистериях и Жезл, известный оккультистам, в Больших. Следовательно, сказать "тому, кто был поражен Тирсом", было в точности то же самое, что сказать "тому, кто был посвящен в Мистерии". Климент продолжает: "Мы заявляем, что недостаточно объясняем тайные вещи — отнюдь нет, — но только для того, чтобы вызвать их в памяти, независимо от того, забыли ли мы что-нибудь или с целью не забыть. Я хорошо знаю, что многие вещи ускользали от нас с течением времени и остались ненаписанными.... Затем происходят некоторые вещи, о которых мы не помним, ибо сила, которая была в этих благословенных людях, была велика". Частый опыт общения с теми, кого учат Великие, ибо Их присутствие стимулирует и активизирует силы, которые обычно скрыты и которые ученик без посторонней помощи не может пробудить. "Есть также некоторые вещи, которые долго оставались незамеченными, которые теперь ускользнули; и другие, которые стерлись, исчезнув в самом разуме, поскольку такая задача нелегка для тех, кто не испытал ее; я возвращаю их к жизни в своих комментариях. Некоторые вещи я намеренно опускаю, осуществляя мудрый отбор, боясь написать то, о чем я остерегался говорить; не жалея — потому что это было неправильно, — но опасаясь за моих читателей, чтобы они не споткнулись, поняв их в неправильном смысле; и, как гласит пословица, мы оказались бы "протягивающими меч к ребенку". Ибо невозможно, чтобы написанное не ускользнуло [стало известным], хотя и оставалось неопубликованным мной. Но, будучи всегда вращающимися, используя один-единственный голос, голос писателя, они ничего не отвечают тому, кто задает вопросы помимо написанного; ибо они по необходимости нуждаются в помощи кого-либо, либо того, кто писал, либо кого-то другого, кто шел по его стопам. На некоторые вещи мой трактат намекнет; на некоторых он задержится; о некоторых он просто упомянет. Он будет пытаться говорить незаметно, выставляться тайно и демонстрировать молча". [105]

Этого отрывка, если бы он стоял отдельно, было бы достаточно, чтобы установить существование тайного учения в Ранней Церкви. Но он ни в коем случае не стоит особняком. В главе xii. в той же Книге I., озаглавленной "Тайны Веры, которые не должны быть разглашены

всем", Климент заявляет, что, поскольку его работу могут видеть не только мудрецы, "следовательно, необходимо сокрыть в Тайне изреченную мудрость, которой учил Сын Божий". Очищенный язык говорящего, очищенные уши слушающего - все это было необходимо. "Таковы были препятствия на пути моего письма. И даже сейчас я боюсь, как говорится, "бросать жемчуг перед свиньями, чтобы они не растоптали его ногами, не повернулись и не растерзали нас". Ибо трудно показать свиньям и неподготовленным слушателям действительно чистые и прозрачные слова, касающиеся истинного света. Ибо едва ли что-либо из того, что они могли услышать, могло быть более смехотворным для толпы, чем это; и, с другой стороны, никакие темы не могли быть более восхитительными или более вдохновляющими для людей благородной натуры. Но мудрые не произносят своими устами того, о чем они рассуждают на совете. "Но то, что вы слышите на ухо, - сказал Господь, - возвещайте домам"; повелевая им принять тайные предания истинного знания и излагать их громко и явно; и как мы слышали на ухо, так и передавать их тем, кому это необходимо; но не предписывая нам сообщать всем без различия то, что сказано им в притчах. Но в меморандумах есть только указание, что истина сеется редко и распространяется широко, чтобы она могла ускользнуть от внимания тех, кто собирает семена, как галки; но когда они найдут хорошего земледельца, каждое из них даст всходы и даст зерно".

Климент мог бы добавить, что "провозглашать по домам" означало провозглашать или разъяснять в собрании Совершенных, Посвященных, и ни в коем случае не кричать громко человеку на улице.

Он снова говорит, что те, кто "все еще слеп и нем, не имеют понимания или незамутненного и острого видения созерцательной души"... должны стоять вне божественного хора.... Поэтому, в соответствии с методом сокрытия, истинно священное Слово, истинно божественное и наиболее необходимое для нас, хранящееся в святилище истины, египтяне обозначали тем, что называлось у них *адита*, а евреи - завесой. Только посвященным ... был разрешен доступ к ним. Ибо Платон также считал недопустимым, чтобы "нечистое прикасалось к чистому". Отсюда пророчества и оракулы изрекаются в загадках, и Тайны не раскрываются сразу всем без исключения, но только после определенных очищений и предварительных инструкций". [106] Затем он подробно разбирает Символы, разъясняя пифагорейский, ивритский, египетский языки, [107] а затем замечает, что невежественный и необразованный человек не в состоянии их понять. "Но гностик постигает. Итак, не желательно, чтобы все вещи были открыты без разбора всем и каждому, или чтобы блага мудрости были сообщены тем, кто даже во сне не очистился душой (ибо не позволено вручать каждому случайному встречному то, что было добыто такими кропотливыми усилиями); также не следует разъяснять Тайны Слова непосвященным". У пифагорейцев и Платона, Зенона и Аристотеля были экзотерические и эзотерические учения. Философы учредили Мистерии, ибо "не было ли более полезным для святого и благословенного созерцания реальностей быть скрытыми?" [108] Апостолы также одобряли "сокрытие Тайн Веры", "ибо есть наставление совершенным", о чем говорится в Послании к Колоссянам i. 9-11 и 25-27. "Итак, с одной стороны, существуют Тайны, которые были сокрыты до времен Апостолов и были переданы ими так, как они получили от Господа, и, сокрытые в Ветхом Завете, были явлены святым. И, с другой стороны, есть "богатство славы тайны у язычников", которое есть вера и надежда во Христа; которые в другом месте он назвал "основанием". Он цитирует Святого Павла, чтобы показать, что это "знание принадлежит не всем", и говорит, ссылаясь на Евр. v и vi, что "несомненно, среди евреев были некоторые вещи, переданные неписаными"; а затем ссылается на Святого Варнаву, который говорит о Боге, "Который вложил в наши сердца мудрость и понимание Его тайн", и говорит, что "среди евреев

были некоторые вещи, переданные неписаными". говорит, что "лишь немногим дано понять эти вещи", как демонстрирующий "следы гностической традиции". "Посему наставление, открывающее сокровенное, называется просвещением, поскольку только учитель открывает крышку ковчега". [109] Далее, ссылаясь на Святого Павла, он комментирует свое обращение к Римлянам о том, что он "придет в полноте благословения Христова", [110] и говорит, что таким образом он обозначает "духовный дар и гностическую интерпретацию, присутствуя при этом, он желает передать их присутствующим как "полноту Христа, согласно откровению Тайны, запечатанной в веках вечности, но теперь проявленной в пророческих Писаниях" [111].... Но лишь немногим из них показано, что это за вещи, содержащиеся в Тайне. Следовательно, Платон справедливо говорит в "Посланиях, трактующих о Боге": "Мы должны говорить загадками; если скрижаль по какой-либо случайности прибудет на своих листьях морем или сушей, тот, кто читает, может остаться в неведении ". [112]

После тщательного изучения греческих авторов и исследования философии Святой Климент заявляет, что гнозис, "переданный и открытый Сыном Божиим, есть мудрость.... И сам Гнозис - это то, что дошло путем передачи до немногих, будучи передано неписаными Апостолами". [113] Дается очень длинное изложение жизни гностика, Посвященного, и Святой Климент завершает его словами: "Пусть этого примера будет достаточно для тех, у кого есть уши. Ибо не требуется раскрывать тайну, а только указывать на то, чего достаточно для тех, кто причастен к знанию, чтобы донести это до ума". [114]

Рассматривая Священное Писание как состоящее из аллегорий и символов и скрывающее смысл, чтобы стимулировать исследование и уберечь невежд от опасности. [115] С. Клемент, естественно, ограничивал высшие инструкции изученным. "Наш гностик будет глубоко изучен", [116] говорит он. "Теперь гностик должен быть эрудированным". [117] Те, кто приобрел готовность в результате предыдущей подготовки, могли овладеть более глубокими знаниями, ибо, хотя "человек может быть верующим без обучения, мы также утверждаем, что человеку невозможно без обучения понять то, что провозглашено в вере". [118] "Некоторые, считающие себя одаренными от природы, не желают прикасаться ни к философии, ни к логике; более того, они не желают изучать естественные науки. Они требуют только голой веры.... Поэтому я также называю истинно образованным того, кто все обращает к истине - так что из геометрии, музыки, грамматики и самой философии, отбирая то, что полезно, он защищает веру от посягательств.... Насколько необходимо тому, кто желает приобщиться к силе Божьей, философствовать на интеллектуальные темы". [119] "Гностик использует разделы обучения в качестве вспомогательных подготовительных упражнений". [120] С. Климент был далек от мысли, что учение христианства следует измерять невежеством необразованных. "Тот, кто знаком со всеми видами мудрости, будет в высшей степени гностиком". [121] Таким образом, хотя он приветствовал невежд и грешников и находил в Евангелии то, что соответствовало их нуждам, он считал, что только образованные и чистые были подходящими кандидатами для Мистерий. "Апостол, в отличие от гностического совершенства, называет общую веру *основанием*, а иногда *молоком*", [122] но на этом фундаменте должно было быть воздвигнуто здание гнозиса, и пища мужчин должна была сменить пищу младенцев. В том различии, которое он проводит, нет ни резкости, ни презрения, а только спокойное и мудрое признание фактов.

Даже хорошо подготовленный кандидат, образованный ученик, мог надеяться только на то, что шаг за шагом продвинется в постижении глубоких истин, раскрытых в Мистериях. Это ясно видно из его комментариев к видению Ермия, в которых он также дает некоторые намеки на

методы чтения оккультных трудов. "Разве также Сила, явившаяся Ерме в Видении в виде Церкви, не дала для переписывания книгу, которую она хотела сделать известной избранным? И это, по его словам, он переписал на букву, не найдя, как завершить слоги. И это означало, что Писание понятно всем, когда его воспринимают в соответствии с базовым чтением; и что это вера, которая занимает место зачатков. Поэтому также используется образное выражение "чтение по букве", в то время как мы понимаем, что гностическое раскрытие Священных Писаний, когда вера уже достигла продвинутого состояния, уподобляется чтению по слогам.... Теперь, когда Спаситель научил Апостолов неписаному толкованию написанного (Священных Писаний), оно было передано и нам, начертанным силой Божьей на новых сердцах, согласно обновлению книги. Таким образом, те, кто пользуется высочайшей репутацией среди греков, посвящают плод граната Гермесу, который, по их словам, есть речь, из-за его толкования. Ибо речь многое скрывает.... Поэтому история Моисея учит, что не только тем, кто просто читает, так трудно постичь истину, но что даже тем, чья прерогативой является познание истины, не дано созерцать ее сразу; пока мы не привыкнем взирать, как евреи на славу Моисея, а пророки Израиля - на видения ангелов, мы также не станем способны смотреть в лицо великолепию истины ". [123]

Можно было бы привести еще больше ссылок, но их должно быть достаточно, чтобы установить тот факт, что Святой Климент знал о Мистериях в Церкви, был посвящен в них и писал для пользы тех, кто также был посвящен в них.

Следующий свидетель - его ученик Ориген, этот самый яркий образец учености, мужества, святости, преданности, кротости и рвения, чьи труды остаются золотыми рудниками, где ученик может добыть сокровища мудрости.

В его знаменитой полемике с Цельсом были сделаны нападки на христианство, которые привели к защите христианской позиции, в которой часто делались ссылки на тайные учения. [124]

Цельс утверждал, в порядке нападок, что христианство было тайной системой, и Ориген опровергает это, говоря, что, хотя некоторые доктрины были секретными, многие другие были общедоступными, и что эта система экзотерических учений, принятая в христианстве, также была в широком использовании среди философов. Читатель должен отметить, что в следующей отрывке проводится различие между воскресением Иисуса, рассматриваемым в историческом свете, и "тайной воскресения".

"Более того, поскольку он [Цельс] часто называет христианскую доктрину тайной системой [верований], мы должны опровергнуть его и в этом пункте, поскольку почти весь мир лучше знаком с тем, что проповедуют христиане, чем с излюбленными мнениями философов. Ибо кто не знает о том, что Иисус был рожден от девы, и что Он был распят, и что Его воскресение является догматом веры многих, и что объявлено о грядущем всеобщем суде, на котором нечестивые будут наказаны по заслугам, а праведники получают должное вознаграждение? И все же Тайна воскресения, будучи непонятой, становится предметом насмешек среди неверующих. В этих обстоятельствах говорить о христианском учении как о *тайной* системе совершенно абсурдно. Но то, что должны существовать определенные доктрины, не ставшие известными массе, которые [раскрываются] после того, как были преподаны экзотерические, является особенностью не только христианства, но и философских систем, в которых одни истины экзотеричны, а другие эзотеричны. Некоторые из слушателей Пифагора были довольны его *ipse*

dixit; в то время как другие тайно обучались тем доктринам, которые считались непригодными для передачи непосвященным и недостаточно подготовленным ушам. Более того, все Мистерии, которые совершаются повсюду в Греции и варварских странах, хотя и держатся в секрете, не порочат их, так что напрасно он пытается оклеветать тайные доктрины христианства, видя, что он неправильно понимает их природу". [125]

Невозможно отрицать, что в этом важном отрывке Ориген четко относит христианские мистерии к той же категории, что и мистерии языческого мира, и утверждает, что то, что не рассматривается как дискредитация других религий, не должно становиться предметом нападок, когда встречается в христианстве.

Продолжая писать против Цельса, он заявляет, что тайные учения Иисуса были сохранены в Церкви, и конкретно ссылается на объяснения, которые Он дал Своим ученикам по поводу Своих притч, отвечая на сравнение Цельсом "внутренних тайн Церкви Божьей" с египетским поклонением животным. "Я еще не говорил о соблюдении всего, что написано в Евангелиях, каждое из которых содержит много доктрин, трудных для понимания не только толпой, но даже некоторыми наиболее умными людьми, включая очень глубокое объяснение притч, которые Иисус рассказывал "внешним", приберегая демонстрацию их полного значения для тех, кто перешел стадию экзотерического учения и кто приходил к Нему наедине в дом. И когда он придет к пониманию этого, он будет восхищаться причиной, по которой о одних говорят, что они "снаружи", а о других - "в доме". [126]

И он осторожно ссылается на "гору", на которую взойшел Иисус, с которой он снова спустился, чтобы помочь "тем, кто не смог последовать за Ним туда, куда ушли Его ученики". Это отсылка к "Горе посвящения", хорошо известной мистической фразе, поскольку Моисей также сделал Скинию по образцу, "показанному тебе на горе". [127] Позже Ориген снова ссылается на это, говоря, что Иисус показал себя совсем другим в своем реальном облике, когда был на "Горе", от того, что видели те, кто не мог "следовать за Ним на высоте". [128]

Точно так же в своем комментарии к Евангелию от Матфея, глава xv, посвященная эпизоду с сиро-финикийской женщиной, Ориген замечает: "И, возможно, также из слов Иисуса есть некоторые хлебы, которые можно давать только более разумным, например детям; а другие - как крошки с большого дома и стола знатных людей, которые могут быть использованы некоторыми душами, как собаки".

Цельс жалуется на то, что в Церковь приводили грешников, Ориген отвечает, что у Церкви были лекарства для тех, кто был болен, но также изучение и познание божественных истин для тех, кто был здоров. Грешников учили не грешить, и только когда было видно, что достигнут прогресс и люди "очищены Словом", "тогда и не раньше мы приглашаем их к участию в наших Мистериях". Ибо мы изрекаем мудрость среди тех, кто совершенен". [129] Грешники пришли, чтобы получить исцеление: "Ибо в божественности Слова есть некоторые помощники к исцелению тех, кто болен.... Другие, опять же, которые для чистых душой и телом являют "откровение Тайны, которая хранилась в секрете с начала мира, но теперь стала явной через Писания пророков" и "через явление Господа нашего Иисуса Христа", это "явление" открыто каждому из тех, кто совершенен, и которое просвещает разум в истинном знании вещей". [130] Подобные явления божественных Существ происходили, как мы видели, в языческих мистериях, и у Мистерий Церкви были столь же славные посетители. "Бог Слово, - говорит он, - был послан как врач грешникам, но как Учитель Божественных Тайн тем, кто уже чист и больше

не грешит". [131] "Мудрость не войдет в душу низкого человека и не поселится в теле, погрязшем в грехе"; следовательно, эти высшие учения даны только тем, кто "преуспевает в благочестии и во всякой добродетели".

Христиане не допускали нечистых к этому знанию, но говорили: "Тот, у кого чистые руки, и, следовательно, поднимает святые руки к Богу... пусть он придет к нам ... тот, кто чист не только от всякой скверны, но и от того, что считается меньшими прегрешениями, пусть будет смело посвящен в Тайны Иисуса, которые должным образом становятся известными только святым и непорочным". Поэтому также, прежде чем началась церемония Посвящения, тот, кто действует как Посвящающий, согласно заповедям Иисуса, Иерофанта, сделал знаменательное заявление "тем, кто очистился сердцем: Тот, чья душа долгое время не сознавала зла, особенно с тех пор, как он отдал себя исцелению Словом, пусть такой человек услышит учения, которые Иисус говорил наедине со Своими подлинными учениками ". Это было началом "посвящения тех, кто уже был очищен в священные Тайны". [132] Только такие могли познать реальности невидимых миров и могли войти в священные пределы, где, как и в древности, учителями были ангелы, и где знания давались зрением, а не только словами. Невозможно не быть пораженным тем, насколько тон этих христиан отличается от тона их современных преемников. У них совершенная чистота жизни, практика добродетели, исполнение божественного Закона во всех деталях внешнего поведения, совершенство праведности были — как и у язычников — только началом пути, а не концом. В наши дни считается, что религия славно достигла своей цели, когда создала Святых; тогда именно Святым она посвящала свои высочайшие силы и, принимая чистых сердцем, приводила их к Блаженному Видению.

Тот же факт тайного учения всплывает снова, когда Ориген обсуждает аргументы Цельса относительно мудрости сохранения обычаев предков, основанных на вере в то, что "различные части земли с самого начала были отведены различным руководящим Духам и, таким образом, распределены между определенными управляющими Силами, и таким образом осуществляется управление миром". [133]

Ориген, обратившись к выводам Цельса, продолжает: "Но поскольку мы считаем вероятным, что некоторые из тех, кто привык к более глубоким исследованиям, проникнутся этим трактатом, давайте рискнем изложить некоторые соображения более глубокого характера, передающие мистический и тайный взгляд на первоначальное распределение различных частей света между различными руководящими Духами". [134] Он говорит, что Цельс неправильно понял более глубокие причины, касающиеся устройства земных дел, некоторые из которых даже затронуты в греческой истории. Затем он цитирует Втор. xxxii. 8-9: "Когда Всевышний разделил народы, когда он рассеял сынов Адама, Он установил границы народа в соответствии с числом Ангелов Божьих; и уделом Господа был его народ Иаков, а Израиль - пуповина его наследия". Это формулировка Септуагинты, а не английской авторизованной версии, но она очень наводит на мысль о том, что титул "Господь" рассматривается только как титул Правящего Ангела евреев, а не "Всевышнего", *то есть* Бога. Эта точка зрения исчезла из-за невежества и, следовательно, неуместности многих утверждений, относящихся к "Господу", когда они переносятся на "Всевышнего", *например*, Судьи i. 19.

Затем Ориген рассказывает историю Вавилонской башни и продолжает: "Но об этих предметах можно было бы сказать многое, в том числе мистического характера; в соответствии с этим можно сказать следующее: "Хорошо хранить тайну царя", Товит xii. 7, чтобы учение о вхождении

душ в тела (но не учение о переселении из одного тела в другое) не стало достоянием всеобщего понимания, ни то, что свято, не было отдано собакам, ни то, что жемчуг бросают перед свиньями. Ибо такая процедура была бы нечестивой, будучи равносильной предательству таинственных заявлений Божьей мудрости.... Однако достаточно представить в стиле исторического повествования то, что призвано передать тайный смысл под покровом истории, чтобы те, у кого есть способности, могли сами разобраться во всем, что относится к предмету". [135] Затем он более полно излагает историю о Вавилонской башне и пишет: "Теперь, в следующем месте, если у кого-то есть способности, пусть он поймет, что в том, что принимает форму истории, и что содержит некоторые вещи, которые буквально верны, в то же время это передает более глубокий смысл ..." [136]

После попытки показать, что "Господь" был более могущественным, чем другие управляющие Духи в различных частях земли, и что он послал свой народ на наказание, живя под властью других сил, а затем вернул его обратно со всеми менее привилегированными нациями, которые могли быть привлечены, Ориген заканчивает словами: "Как мы уже отмечали ранее, эти замечания следует понимать как сделанные нами со скрытым смыслом, указывая на ошибки тех, кто утверждает ..." [137] как и Цельс.

После замечания, что "цель христианства в том, чтобы мы стали мудрыми", [138] Ориген продолжает: "Если вы обратитесь к книгам, написанным после времен Иисуса, вы обнаружите, что те массы верующих, которые слышат притчи, как бы "вне" и достойны только экзотерических доктрин, в то время как ученики наедине изучают объяснение притч. притчи. Ибо наедине со Своими собственными учениками Иисус открывал все, ставя выше множества людей тех, кто желал познать Его мудрость. И Он обещает тем, кто верит в Него, послать им мудрецов и книжников.... И Павел также в списке "Харизматов", дарованных Богом, поместил на первое место "Слово мудрости", на второе, как стоящее ниже него, "слово знания", на третье, и ниже, "веру". И поскольку он считал "Слово" более высоким, чем чудесные силы, он по этой причине ставит "чудотворения" и "дары исцелений" на более низкое место, чем дары Слова ". [139]

Евангелие действительно помогало невеждам, "но быть образованным, изучать лучшие мнения и быть мудрым - не помеха в познании Бога, а подспорье". [140] Что касается неразумных, то "я стараюсь улучшить и их в меру своих возможностей, хотя у меня не было бы желания создавать христианскую общину из таких материалов. Ибо я отдаю предпочтение тем, кто более умен и проницателен, потому что они способны постичь смысл трудных высказываний". [141] Здесь мы ясно изложили древнехристианскую идею, полностью совпадающую с соображениями, представленными в главе I. этой книги. В христианстве есть место для невежд, но оно предназначено не *только* для них, а содержит глубокие учения для "умных и проницательных".

Именно ради них он прилагает много усилий, чтобы показать, что еврейские и христианские Писания имеют скрытые значения, завуалированные историями, внешний смысл которых отталкивает их как абсурдных, намекающих на змея и древо жизни, а также на "другие последующие утверждения, которые сами по себе могли бы привести непредвзятого читателя к пониманию того, что все эти вещи имели, что вполне уместно, аллегорический смысл". [142] Многие главы посвящены этим аллегорическим и мистическим значениям, скрытым под словами Ветхого и Нового Заветов, и он утверждает, что Моисей, как и египтяне, передавал истории со скрытым значением. [143] "Тот, кто откровенно обращается с историями" — таков

общий канон толкования Оригена — "и хотел бы также уберечь себя от их навязывания, будет выносить свое суждение относительно того, с какими утверждениями он даст свое согласие, а что примет в переносном смысле, стремясь раскрыть значение авторов таких изобретений, и от каких утверждений он будет воздерживаться в своих убеждениях, как написанное для удовлетворения определенных людей. И мы сказали это в качестве предвосхищения всей истории, рассказанной в Евангелиях об Иисусе". [144] Большая часть его Четвертой книги занята иллюстрациями к мистическим объяснениям историй из Священных Писаний, и любой, кто желает продолжить изучение этой темы, может ознакомиться с ней.

В *"Принципах"* Ориген излагает это как общепринятое учение Церкви, "что Священные Писания были написаны Духом Божиим и имеют значение, не только такое, которое очевидно с первого взгляда, но и другое, которое ускользает от внимания большинства. Ибо те [слова], которые написаны, являются формами определенных Тайн и образами божественных вещей. Относительно которого во всей Церкви существует единое мнение, что весь закон действительно духовен; но что духовный смысл, который передает закон, известен не всем, а только тем, на кого ниспослана благодать Святого Духа в слове мудрости и знания". [145] Те, кто помнит то, что уже цитировалось, увидят в "Слове мудрости" и "слове знания" два типичных мистических наставления, духовное и интеллектуальное.

В Четвертой книге *"Принципов"* Ориген подробно объясняет свои взгляды на толкование Священного Писания. У него есть "тело", которое является "общим и историческим смыслом"; "душа", фигуральное значение, которое можно обнаружить при упражнении интеллекта; и "дух", внутреннее и божественное чувство, которое может быть познано только теми, кто обладает "разумом Христа". Он считает, что несообразные и невозможные вещи вводятся в историю, чтобы пробудить умного читателя и заставить его искать более глубокое объяснение, в то время как простые люди продолжали бы читать, не замечая трудностей. [146]

У кардинала Ньюмена в его *"Арианах Четвертого века"* есть несколько интересных замечаний о *Тайной дисциплине*, но из-за глубоко укоренившегося скептицизма девятнадцатого века он не может полностью поверить в "богатство славы Мистерии" или, вероятно, никогда ни на мгновение не задумывался о возможности существования таких великолепных реальностей. И все же он верил в Иисуса, и слова обетования Иисуса были ясны и определены: "Я не оставляю тебя без утешения; Я приду к тебе. Еще немного, и мир больше не увидит меня; но вы видите меня: поскольку я жив, вы тоже будете жить. В тот день вы узнаете, что Я в Отце Моем, и вы во мне, и Я в вас". [147] Обетование было полностью исполнено, ибо Он пришел к ним и научил их Своим Тайнам; в них они увидели Его, хотя мир больше не видел Его, и они познали Христа как в себе, и свою жизнь как Христову.

Кардинал Ньюман признает тайную традицию, переданную от апостолов, но он считает, что она состояла из христианских доктрин, позже обнародованных, забывая, что те, кому сказали, что они еще не готовы принять ее, были не язычниками и даже не обучаемыми катехуменами, а полноправными общающимися членами христианской Церкви. Таким образом, он утверждает, что эта тайная традиция позже была "авторитетно обнародована и увековечена в форме символов" и была воплощена "в символах веры ранних Соборов". [148] Но поскольку доктрины, содержащиеся в символах веры, четко изложены в Евангелиях и Посланиях, эта позиция совершенно несостоятельна, поскольку все они уже были разглашены всему миру; и по всем из них члены Церкви, несомненно, были тщательно проинструктированы. Повторяющиеся

заявления о секретности становятся бессмысленными, если их объяснить таким образом. Кардинал, однако, говорит, что все, что "не было таким образом аутентифицировано, будь то пророческая информация или комментарий к прошлым устройствам, исходя из обстоятельств дела, потеряно для Церкви". [149] Это очень вероятно, на самом деле, безусловно, верно, насколько это касается Церкви, но тем не менее это можно восстановить.

Комментируя Ириней, который в своем труде *Против ересей* уделяет большое внимание существованию апостольского предания в Церкви, кардинал пишет: "Затем он переходит к разговору о ясности и убедительности традиций, сохраняемых в Церкви, как содержащих ту истинную мудрость совершенных, о которой говорит Св. Павел и на которую претендовали гностики. И действительно, без формальных доказательств существования и авторитета в первобытные времена Апостольского предания ясно, что такое предание должно было существовать, если допустить, что апостолы беседовали, а их друзья обладали воспоминаниями, как и другие люди. Совершенно непостижимо, что они не были вынуждены расположить ряд богооткровенных доктрин более систематически, чем они записывают в Священном Писании, как только их новообращенные подверглись нападкам и искажениям еретиков; если только им не было запрещено это делать, предположение, которое не может быть поддержано. Их высказывания, приведенные таким образом, были бы сохранены как нечто само собой разумеющееся; вместе с теми другими тайными, но менее важными истинами, на которые, по-видимому, ссылается Святой Павел и которые более или менее признают ранние авторы, будь то относительно типов иудейской Церкви или предполагаемой судьбы христиан. И такие воспоминания об апостольском учении, очевидно, были бы обязательны для веры тех, кто был наставлен в них; если только нельзя предположить, что, хотя они и исходили от вдохновенных учителей, они не были божественного происхождения". [150] В части раздела, посвященной методу аллегоризации, он пишет в отношении жертвоприношения Исаака и т.п. Как "типичного для новозаветного откровения": "В подтверждение этого замечания позвольте заметить, что, по-видимому, была ГИПЕРССЫЛКА \ \ l ". в Церкви традиционное объяснение этих исторических типов, происходящее от Апостолов, но сохраняемое среди тайных доктрин, как опасное для большинства слушателей; и, конечно, Святой Павел в Послании к Евреям дает нам пример такой традиции, как существующей, так и тайной (даже если будет показано, что она еврейского происхождения), когда, сначала проверив себя и поставив под сомнение исповедуя веру своих братьев, он передает, не без колебаний, евангельский смысл повествования о Мелхиседеке в том виде, в каком оно представлено в книге Бытия". [152]

Социальные и политические потрясения, сопровождавшие ее умирание, теперь начали терзать обширную Римскую империю, и даже христиане были вовлечены в водоворот эгоистичных враждующих интересов. Мы все еще находим разрозненные упоминания об особых знаниях, переданных руководителям и учителям Церкви, о небесных иерархиях, наставлениях, данных ангелами, и так далее. Но нехватка подходящих учеников привела к тому, что Мистерии были ликвидированы как учреждение, о существовании которого всем известно, и преподавание давалось все более и более тайно тем все более редким душам, которые благодаря учености, чистоте и преданности показали себя способными воспринять его. Больше нельзя было найти школ, в которых давались предварительные учения, и с исчезновением этих школ "дверь была закрыта".

Тем не менее, в христианском мире можно проследить два потока, источником которых были исчезнувшие Мистерии. Один был потоком мистического обучения, вытекающим из Мудрости,

Гнозиса, передаваемого в Мистериях; другой был потоком мистического созерцания, в равной степени частью Гнозиса, ведущим к экстазу, к духовному видению. Это последнее, однако, оторванное от знания, редко достигало истинного экстаза и имело тенденцию либо буйствовать в низших областях невидимых миров, либо теряться среди пестрой толпы тонких сверхфизических форм, видимых как объективные проявления для внутреннего зрения — преждевременно вызванные постами, бдениями и напряженным вниманием, — но в основном порожденные мыслями и эмоциями видящего. Даже когда наблюдаемые формы не были внешними мыслями, они воспринимались сквозь искажающую атмосферу предвзятых идей и верований и, таким образом, становились в значительной степени ненадежными. Тем не менее, некоторые из видений были поистине небесными, и Иисус действительно время от времени являлся Своим преданным возлюбленным, и ангелы иногда скрашивали своим присутствием келью монаха и монахини, уединение восторженного преданного и терпеливого искателя Бога. Отрицать возможность таких переживаний значило бы наносить удар по самому корню того, "во что верили наиболее верно" во всех религиях и что известно всем оккультистам — общения между Духами, облаченными в плоть, и теми, кто облачен в более тонкие одеяния, соприкосновения разума с разумом через барьеры материи, раскрытия Божественности в человеке, верного знания о жизни за вратами смерти.

Оглядываясь на столетия, мы не находим времени, когда христианский мир оставался полностью лишенным тайн. "Вероятно, примерно в конце 5 века, как раз в то время, когда античная философия вымирала в школах Афин, спекулятивная философия неоплатонизма прочно обосновалась в христианской мысли благодаря литературным подделкам Псевдо-Дионисия. Доктрины христианства были к тому времени настолько прочно установлены, что Церковь могла без беспокойства относиться к их символическому или мистическому толкованию. Таким образом, автор *Theologica Mystica* и других работ, приписываемых Ареопагиту, продолжает развивать доктрины Прокла с очень небольшими изменениями в систему эзотерического христианства. Бог - это безымянный и сверхсущностный Единый, возвышенный над самой благостью. Следовательно, "негативная теология", которая восходит от твари к Богу, отбрасывая один за другим все определенные предикаты, ближе всего подводит нас к истине. Возвращение к Богу - это завершение всего сущего и цель, указанная христианским учением. Те же доктрины с большим церковным рвением проповедовал Максим Исповедник (580-622). Максим представляет собой едва ли не последнюю спекулятивную деятельность греческой церкви, но влияние псевдо-дионисийского письма было передано на Запад в девятом веке Эригеной, в спекулятивном духе которой зародились как схоластика, так и мистицизм средневековья. Эригена перевел Дионисия на латынь вместе с комментариями Максима, и его система, по существу, основана на них. Принимается негативная теология, и утверждается, что Бог - Существо, не имеющее предиката, стоящее выше всех категорий, и поэтому его не неправильно называть Ничем [*вопрос*, Ничто]. Из этого Ничто, или непостижимой сущности, вечно сотворен мир идей, или первопричин. Это Слово, или Сын Божий, в котором существуют все вещи, поскольку они обладают субстанциальным существованием. Все существование есть теофания, и как Бог есть начало всего сущего, так и Он есть конец. Эригена учит восстановлению всех вещей в форме дионисийского *адунацио* или *обожествления*. Это постоянные очертания того, что можно назвать философией мистицизма в христианские времена, и примечательно, с какими незначительными вариациями они повторяются из века в век". [153]

В одиннадцатом веке Бернар из Клерво (1091-1153 гг. н.э.) и Гуго из Сан-Виктора продолжают мистическую традицию, в следующем столетии - Ричард из Сан-Виктора, в тринадцатом - Серафический врач С. Бонавентура и великий С. Фома Аквинский (1227-1274 гг. н.э.). Фома Аквинский господствовал в Средневековой Европе не только благодаря силе своего характера, но и благодаря своей учености и благочестию. Он утверждает, что "Откровение" является одним из источников знания, Священное Писание и традиция являются двумя каналами, по которым оно течет, а влияние Псевдо-Дионисия, замеченное в его трудах, связывает его с неоплатониками. Вторым источником является Разум, и здесь каналами являются философия Платона и методы Аристотеля — последний союз, который не принес христианству ничего хорошего, поскольку Аристотель стал препятствием для продвижения высшей мысли, что проявилось в борьбе пифагорейца Джордано Бруно. Фома Аквинский был канонизирован в 1323 году нашей эры, и великий доминиканец остается воплощением союза теологии и философии — цели его жизни. Они принадлежат великой Церкви Западной Европы, подтверждая ее притязания на то, чтобы считаться носителем священного факела мистического учения. Вокруг нее также возникло множество сект, считавшихся еретическими, но содержащих истинные традиции священного тайного учения, катаров и многих других, преследуемых Церковью, ревниво относящейся к своему авторитету и опасавшейся, как бы священные жемчужины не попали в руки мирян. В этом столетии также святая Елизавета Венгерская блистает мягкостью и чистотой, в то время как Экхарт (1260-1329 гг. н.э.) проявляет себя достойным наследником александрийских школ. Экхарт учил, что "Божество - это абсолютная Сущность (Wesen), непознаваемая не только человеком, но и Самой Собой; Это тьма и абсолютная неопределенность, *Nicht* в отличие от *Ich*t, или определенного и познаваемого существования. И все же Это потенциальная возможность всех вещей, и Ее природа заключается в том, чтобы в триадическом процессе прийти к осознанию Себя как триединого Бога. Творение - это не временный акт, а вечная необходимость божественной природы. Экхарт любит повторять, что я так же необходим Богу, как Бог необходим мне. В моем знании и любви Бог знает и любит Самого Себя". [154]

За Экхартом в четырнадцатом веке следуют Джон Таулер и Николай Базельский, "Друг Бога в Оберланде". Из них возникло Общество Друзей Бога, истинных мистиков и последователей старой традиции. Мид отмечает, что Фома Аквинский, Таулер и Экхарт следовали псевдо-Дионисию, который следовал Плотину, Ямвлиху и Проклу, которые, в свою очередь, следовали Платону и Пифагору. [155] Так связаны друг с другом последователи Мудрости во все века. Вероятно, этот "Друг" был автором "*Немецкой теологии*", книги о мистическом благочестии, которой посчастливилось быть одобренной Штаупицем, генеральным викарием Августинского ордена, который рекомендовал ее Лютеру, и самим Лютером, который опубликовал ее в 1516 году н.э., как книгу, которая должна стоять сразу после *Библии* и трудов С. Августина Гиппонский. Другим "Другом" был Рейсбрук, чьему влиянию на Грута было обязано основание Братьев общей участи или Обычной жизни — Общества, которое должно остаться навсегда памятным, поскольку среди его членов был принц мистиков Томас Кемпис (1380-1471 гг. н.э.), автор бессмертного "*Подражания Христу*".

В пятнадцатом веке более чисто интеллектуальная сторона мистицизма выступает сильнее, чем экстатическая, столь доминирующая в обществах четырнадцатого века, и у нас есть кардинал Николай Кузанский, Джордано Бруно, принявший мученическую смерть странствующий рыцарь философии, и Парацельс, оклеветанный ученый, который черпал свои знания непосредственно из первоначального восточного источника, а не по греческим каналам.

Шестнадцатый век ознаменовался рождением Якоба Беме (1575-1624 гг. н.э.), "вдохновенного сапожника", истинно посвященного в безвестность, жестоко преследуемого непросвещенными людьми; а затем также появились Святая Тереза, сильно угнетенный и страдающий испанский мистик; и святой Иоанн Креста, пылающий пламенем глубокой преданности; и святой Франсуа де Салье. Мудрым был Рим, канонизировав их, мудрее Реформации, преследовавшей Беме, но дух Реформации всегда был крайне антимистическим, и где бы ни пронеслось ее дыхание, прекрасные цветы мистицизма увядали, как при сирокко.

Однако Рим, который, хотя и канонизировал умершую Терезу, жестоко преследовал ее при жизни, плохо обошелся с мадам де Гийон (1648-1717 гг. н.э.), истинным мистиком, и с Мигелем де Молиносом (1627-1696), достойным сидеть рядом со святым Иоанном Креста, который в семнадцатом веке продолжал проявлять высокую религиозность мистика, превратившись в особенно пассивную форму — квиетиста.

В этом же столетии возникла школа платоников в Кембридже, ярким примером которой может служить Генри Мор (1614-1687 гг. н.э.); также Томас Воган и розенкрейцер Роберт Фладд; также сформировалось Филадельфийское общество, и мы видим Уильяма Лоу (1686-1761 гг. н.э.), активного в восемнадцатом веке, и пересекающегося С. Мартина (1743-1803 гг. н.э.), чьи труды очаровали столько студентов девятнадцатого века. [156]

Также мы не должны упускать из виду Кристиана Розенкрейца (ум. в 1484 году н.э.), чье мистическое общество Розового Креста, появившееся в 1614 году, обладало истинным знанием, и чей дух возродился в "графе де С. Жермене", таинственной фигуре, которая появляется и исчезает во мраке, озаряемом зловещими вспышками, конца восемнадцатого века. Мистиками тоже были некоторые из квакеров, сильно преследуемой секты Друзей, ищущих озарения Внутренним Светом и всегда прислушивающихся к Внутреннему Голосу. И там было много других мистиков, "которых мир был недостойн", таких как восхитительная и мудрая мать Джулиана из Норвича четырнадцатого века, жемчужина христианского мира, слишком малоизвестная, но оправдывающая христианство перед миром.

И все же, благоговейно приветствуя этих Детей Света, рассеянных на протяжении веков, мы вынуждены признать в них отсутствие того союза острого интеллекта и высокой преданности, которые были спаяны воедино обучением Мистериям, и хотя мы восхищаемся тем, что они взлетели так высоко, мы не можем не пожелать, чтобы их редкие дары были развиты в рамках этой великолепной *disciplina arcani*.

Альфонс Луи Констан, более известный под своим псевдонимом Элифас Леви, довольно хорошо описал потерю Мистерий и необходимость их восстановления. "Великое несчастье постигло христианство. Предательство Мистерий ложными гностиками — ибо гностики, то есть те, кто знает, были Посвященными первоначального христианства — привело к отвержению Гнозиса и отчуждению Церкви от высших истин Каббалы, которые содержат все секреты трансцендентального богословия.... Пусть самая абсолютная наука, пусть высший разум снова станут достоянием лидеров народа; пусть жреческое искусство и королевское искусство возьмут двойной скипетр древних посвящений, и социальный мир снова выйдет из своего хаоса. Не сжигайте больше святых изображений; не разрушайте больше храмов; храмы и изображения необходимы людям; но изгоните наемников из дома молитвы; пусть слепые больше не будут лидерами слепых, восстановите иерархию разума и святости и признайте только тех, кто знает, учителями тех, кто верит". [157]

Примут ли Церкви сегодняшнего дня снова мистическое учение, Малые Мистерии, и таким образом подготовят своих детей к восстановлению Великих Мистерий, снова привлекая Ангелов в качестве Учителей и имея в качестве Иерофанта Божественного Учителя Иисуса? От ответа на этот вопрос зависит будущее христианства.

Глава IV.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХРИСТОС.

В первой главе мы уже говорили об идентичностях, существующих во всех религиях мира, и мы видели, что из изучения этих идентичностей в верованиях, символике, обрядах, церемониях, истории и памятных фестивалях возникла современная школа, которая связывает все это с общим источником в человеческом невежестве и примитивном объяснении природных явлений. Из этих идентичностей было извлечено оружие для нанесения ударов по каждой религии по очереди, и наиболее эффективные атаки на христианство и на историческое существование его Основателя были вооружены из этого источника. Приступая теперь к изучению жизни Христа, обрядов христианства, его таинств, его доктрин, было бы фатально игнорировать факты, приводимые в порядок сравнительными мифологами. При правильном понимании их можно сделать полезными, а не вредными. Мы видели, что Апостолы и их преемники очень свободно обращались с Ветхим Заветом как имеющим аллегорический и мистический смысл, гораздо более важный, чем исторический, хотя ни в коем случае не отрицая его, и что они без колебаний учили просвещенного верующего, что некоторые из историй, которые казались историческими, на самом деле были чисто аллегорическими. Пожалуй, нигде так не важно понимать это, как при изучении истории Иисуса, прозванного Христом, ибо, когда мы не распутываем переплетенные нити и не видим, где символы были приняты за события, аллегории - за истории, мы теряем большую часть поучительности повествования и большую часть его редчайшей красоты. Мы не можем слишком настаивать на том факте, что христианство приобретает, а не теряет, когда знание добавляется к вере и добродетели, согласно апостольскому предписанию. [158] Люди опасаются, что христианство ослабнет, когда разум изучит его, и что "опасно" признавать, что события, считающиеся историческими, имеют более глубокое значение мифического или мистического смысла. Напротив, оно усиливается, и изучающий с радостью обнаруживает, что драгоценная жемчужина сияет более чистым блеском, когда снимается покров невежества и видны ее многочисленные цвета.

В настоящее время существуют две школы мысли, резко противостоящие друг другу, которые спорят по поводу истории великого Учителя иврита. Согласно одной школе, в рассказах о Его жизни вообще нет ничего, кроме мифов и преданий — мифов и легенды, которые давались как объяснения определенных природных явлений, пережитки изобразительного способа обучения определенным фактам природы, запечатления в умах необразованных людей определенных грандиозных классификаций природных событий, которые были важны сами по себе и которые служили для нравственного воспитания. Те, кто поддерживает эту точку зрения, образуют четко определенную школу, к которой принадлежат многие люди с высоким образованием и сильным интеллектом, и вокруг них собираются толпы менее образованных людей, которые с грубой

горячностью подчеркивают более разрушительные элементы в своих заявлениях. Этой школе противостоят сторонники ортодоксального христианства, которые заявляют, что вся история Иисуса - это история, не запятнанная легендой или мифом. Они утверждают, что эта история - не что иное, как история жизни человека, родившегося около девятнадцати веков назад в Палестине, который прошел через все события, описанные в Евангелиях, и они отрицают, что эта история имеет какое-либо значение помимо божественной и человеческой жизни. Эти две школы находятся в прямом антагонизме: одна утверждает, что все является легендой, другая заявляет, что все является историей. Между ними лежит множество направлений, обычно называемых "свободомыслием", которые рассматривают историю жизни как частично легендарную, частично историческую, но не предлагают определенного и рационального метода интерпретации, адекватного объяснения сложного целого. И мы также находим в пределах христианской Церкви большое и постоянно растущее число верных и благочестивых христиан с утонченным интеллектом, мужчин и женщин, которые серьезны в своей вере и религиозны в своих устремлениях, но которые видят в евангельской истории нечто большее, чем историю одного божественного Человека. Они утверждают — защищая свою позицию на основе известных Священных Писаний, что история Христа имеет более глубокий и значительный смысл, чем лежит на поверхности; хотя они поддерживают исторический характер Иисуса, они в то же время заявляют, что Христос больше, чем человек Иисус, и имеет мистическое значение. В поддержку этого утверждения они указывают на такие фразы, как та, которую использовал Св. Павел: "Дети мои, ради которых я снова мучаюсь в рождении, пока в вас не сформируется Христос"; [159] здесь Св. Павел, очевидно, имеет в виду не исторического Иисуса, а некий результат человеческой души, который для него является формированием Христа в ней. И снова тот же учитель заявляет, что, хотя он и познал Христа по плоти, отныне он больше не будет знать его таким образом; [160] очевидно, подразумевая, что, хотя он и признавал Христа по плоти — Иисуса, существовал более высокий взгляд, которого он достиг, который отбрасывал в тень исторического Христа. Это точка зрения, которую многие ищут в наши дни, и — столкнувшись с фактами сравнительного религиоведения, озадаченные противоречиями Евангелий, сбивые с толку проблемами, которые они не могут решить, пока привязаны к простым поверхностным значениям своего Священного Писания, — они в отчаянии кричат, что буква убивает, в то время как дух дает жизнь, и пытаются проследить какое-то глубокое и широкое значение в истории, которая так же стара, как религии мира, и всегда служила центром и жизнью каждой религии, в которой она появлялась. Эти борющиеся мыслители, слишком несвязанные и неопределенные, чтобы о них можно было говорить как о школе, кажется, протягивают руку, с одной стороны, тем, кто думает, что все это легенда, прося их принять историческую основу; с другой стороны, они говорят своим собратьям-христианам, что существует растущая опасность того, что, цепляясь за буквальный и уникальный смысл, который невозможно отстоять перед растущими знаниями наших дней, духовный смысл будет полностью утрачен. Существует опасность потерять "историю о Христе" вместе с той мыслью о Христе, которая была поддержкой и вдохновением миллионов благородных людей на Востоке и Западе, хотя Христа называют другими именами и поклоняются ему в других формах; опасность, что драгоценная жемчужина ускользнет из наших рук, и человек навсегда останется беднее.

Что необходимо, чтобы предотвратить эту опасность, так это распутать различные нити в истории Христа и соединить их бок о бок — нить истории, нить легенды, нить мистицизма. Они переплелись в единую нить, к великой потере вдумчивых, и, распутывая их, мы обнаружим, что история становится более, а не менее ценной по мере того, как к ней добавляются знания, и что

здесь, как и во всем, что в основе своей является правдой, чем ярче пролитый на нее свет, тем больше раскрывается красота.

Мы изучим, во-первых, исторического Христа; во-вторых, мифического Христа; в-третьих, мистического Христа. И мы обнаружим, что элементы, взятые из всего этого, составляют Иисуса Христа Церквей. Все они входят в композицию грандиозной и патетической Фигуры, которая доминирует над мыслями и эмоциями христианского мира, Человека Скорби, Спасителя, Возлюбленного и Господа Людей.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ХРИСТОС, ИЛИ ИИСУС -ЦЕЛИТЕЛЬ И УЧИТЕЛЬ.

Нить истории жизни Иисуса - это та, которую можно без особого труда отделить от тех, с которыми она переплетена. Здесь мы вполне можем помочь нашему исследованию ссылкой на те записи прошлого, которые эксперты могут почитать для себя, и из которых Е. П. Блаватская и другие эксперты в области оккультных исследований сообщили миру определенные подробности, касающиеся Учителя иврита. Теперь в умах многих может возникнуть проблема, когда это слово "эксперт" используется в связи с оккультизмом. Однако это означает только человека, который путем специального изучения, специальной подготовки накопил особый вид знаний и развил способности, которые позволяют ему высказывать мнение, основанное на его собственных индивидуальных знаниях о предмете, с которым он имеет дело. Точно так же, как мы говорим о Хаксли как об эксперте в биологии, как мы говорим о старшем философе как об эксперте в математике или о Лайеле как об эксперте в геологии, точно так же мы можем справедливо назвать человека экспертом в оккультизме, который, во-первых, интеллектуально овладел определенными фундаментальными теориями устройства человека и вселенной, и, во-вторых, развил в себе силы, которые скрыты в каждом — и могут быть развиты теми, кто посвящает себя соответствующим исследованиям, — способности, которые позволяют ему самому исследовать наиболее неясные процессы природы. Как человек может родиться с математическими способностями и, тренируя эти способности год за годом, может значительно увеличить свои математические способности, так и человек может родиться с определенными способностями внутри себя, способностями, принадлежащими Душе, которые он может развить путем обучения и дисциплины. Когда, развив эти способности, он применяет их к изучению невидимого мира, такой человек становится экспертом в Оккультных науках, и такой человек может по своему желанию внимательно изучать записи, на которые я ссылался. Такое почитание столь же недоступно обычному человеку, как математическая книга, написанная символами высшей математики, недоступна тем, кто не искушен в математической науке. В знании нет ничего исключительного, за исключением того, что каждая наука исключительна; те, кто рождается со способностями и тренирует способности, могут овладеть соответствующей наукой, в то время как те, кто начинает жизнь без каких-либо способностей, или те, кто не развивает их, если они у них есть, должны довольствоваться пребыванием в невежестве. Таковы повсеместные правила получения знаний, как в оккультизме, так и в любой другой науке.

Оккультные записи частично подтверждают историю, рассказанную в Евангелиях, а частично - нет; они показывают нам жизнь и, таким образом, позволяют нам отделить ее от переплетенных с ней мифов.

Ребенок, еврейское имя которого было преобразовано в имя Иисуса, родился в Палестине в 105 году до н.э., во время консульства Публия Рутилия Руфа и Гнея Маллия Максима. Его родители были знатного происхождения, хотя и бедны, и он получил образование в знании еврейских Писаний. Его горячая преданность и серьезность, не свойственная его годам, побудили родителей посвятить его религиозной и аскетической жизни, и вскоре после визита в Иерусалим, во время которого необычайный интеллект и стремление к знаниям юноши проявились в его поисках врачей в Храме, его отправили на обучение в общину ессеев в южной Иудейской пустыне. Когда ему исполнилось девятнадцать, он отправился в есеевский монастырь близ горы Сербал, монастырь, который часто посещали ученые мужи, путешествующие из Персии и Индии в Египет, и где была создана великолепная библиотека оккультных трудов — многие из них индийские, из трансгималайских регионов. Из этого места мистического познания он позже отправился в Египет. Он был полностью посвящен в тайные учения, которые были настоящим источником жизни среди ессеев, и был посвящен в Египте как ученик той единой возвышенной Ложи, из которой каждая великая религия ведет своего Основателя. Ибо Египет оставался одним из мировых центров истинных Мистерий, слабыми и отдаленными отражениями которых являются все полуобщественные Мистерии. Мистерии, о которых история говорит как о египетских, были тенями истинных вещей "на Горе", и там молодой еврей получил торжественное посвящение, которое подготовило его к Царственному Священству, которого ему предстояло достичь позже. Он был так нечеловечески чист и так полон преданности, что в своей благодатной зрелости он выделялся среди суровых и несколько фанатичных аскетов, среди которых он воспитывался, распространяя на суровых евреев вокруг себя аромат нежной мудрости, подобно тому, как розовое дерево, странно посаженное в пустыне, распространяет свою сладость на бесплодие вокруг. Прекрасная и величественная грация его белой чистоты окружала его, как сияющий лунный ореол, и его слова, хотя и немногочисленные, всегда были ласковыми и любящими, превращая даже самых суровых во временную мягкость, а самых жестких - в мимолетную мягкость. Так он прожил двадцать девять лет земной жизни, возрастая от благодати к благодати.

Эта сверхчеловеческая чистота и преданность сделали человека Иисуса, ученика, способным стать храмом более высокой Силы, могущественного внутреннего Присутствия. Пришло время для одного из тех Божественных проявлений, которые из века в век совершаются для помощи человечеству, когда необходим новый импульс для ускорения духовной эволюции человечества, когда на пороге зарождения новой цивилизации. Западный мир находился тогда в утробе времени, готовый к рождению, и тевтонской подраше предстояло поймать скипетр империи, выпавший из слабеющих рук Рима. Прежде чем он отправится в свое путешествие, должен появиться Спаситель мира, который встанет в благословении у колыбели младенца Геркулеса.

Могущественный "Сын Божий" должен был обрести плоть на земле, высший Учитель, "исполненный благодати и истины" — [161] Тот, в ком Божественная Мудрость пребывала в полной мере, кто воистину был воплощенным "Словом", Светом и Жизнью в изливающемся богатстве, истинным Источником Вод Жизни. Господь Сострадания и Мудрости — таково было Его имя — и из Своего жилища в Тайных Местах Он вышел в мир людей.

Ему была нужна земная обитель, человеческая форма, тело человека, и кто настолько подходил для того, чтобы отдать свое тело в радостном и добровольном служении Тому, перед кем Ангелы и люди склоняются в глубочайшем почтении, как перед этим Евреем из евреев, этим чистейшим

и благороднейшим из "Совершенных", чье незапятнанное тело и незапятнанный разум предлагали лучшее, что могло предложить человечество? Человек Иисус добровольно принес себя в жертву, "предложил себя непорочного" Господу Любви, который принял для Себя эту чистую форму скинии и пребывал в ней в течение трех лет земной жизни.

Эта эпоха отмечена в традициях, воплощенных в Евангелиях, как эпоха Крещения Иисуса, когда Дух был замечен "сходящим с небес, как голубь, и пребывающим на Нем", [162] и небесный глас провозгласил Его возлюбленным Сыном, к которому люди должны прислушиваться. Действительно ли Он был возлюбленным Сыном, в котором Отец был благоволен, [163] и с этого времени "Иисус начал проповедовать", [164] и было ли это чудесная тайна, "Бог, явленный во плоти" [165]- не единственный в том, что Он был Богом, ибо: "Разве не написано в законе вашем, сказал я, что вы Боги? Если он назвал их Богами, к которым было слово Божие, а Писание не может быть нарушено, то говорите ли вы о Том, кого Отец освятил и послал в мир, что Вы богохульствуете; потому что Я сказал: Я Сын Божий?" [166] Воистину, все люди - Боги по отношению к Духу внутри них, но не во всех проявляется Божество, как в этом возлюбленном Сыне Всевышнего.

Этому проявленному Присутствию по праву может быть дано имя "Христос", и именно Он жил и передвигался в образе человека Иисуса по холмам и равнинам Палестины, обучая, исцеляя болезни и собирая вокруг Себя в качестве учеников несколько наиболее продвинутых душ. Редкое очарование Его царственной любви, изливавшееся от Него, как лучи солнца, окружало страждущих, измученных, и угнетенных, а утонченная магия Его кроткой мудрости очищала, облагораживала и подслащивала жизни, которые соприкасались с Его собственной. Притчами и яркими образами Он учил необразованные толпы, которые теснились вокруг Него, и, используя силы свободного Духа, Он исцелял многие болезни словом или прикосновением, усиливая магнетические энергии, принадлежащие Его чистому телу, непреодолимой силой Своей внутренней жизни. Отвергнутый Своими братьями—ессеями, среди которых Он сначала трудился, чьи аргументы против Его целеустремленной жизни, полной любви к труду, кратко изложены в "Истории искушения", — потому что он нес людям духовную мудрость, которую они считали своим самым гордым и сокровенным сокровищем, и потому что Его всеобъемлющая любовь вовлекала в свой круг отверженных и униженных, всегда любящих в низших так же, как в высших - Божественное "Я". Он увидел, что вокруг Него слишком быстро сгущаются темные тучи ненависти и подозрительности. Учителя и правители Его страны вскоре стали смотреть на Него с завистью и гневом; Его духовность была постоянным упреком их материализму, Его сила - постоянным, хотя и молчаливым, разоблачением их слабости. Едва прошло три года с момента Его крещения, как надвигающаяся буря разразилась, и человеческое тело Иисуса понесло наказание за то, что сохранило славное Присутствие Учителя больше, чем человека.

Маленькая группа избранных учеников, которых Он выбрал в качестве хранителей Своего учения, была, таким образом, лишена физического присутствия своего Учителя до того, как они усвоили Его наставления, но это были души высокого и продвинутого типа, готовые изучать Мудрость и пригодные для передачи ее меньшим людям. Самым восприимчивым из всех был тот "ученик, которого любил Иисус", молодой, нетерпеливый и пылкий, глубоко преданный своему Учителю и разделяющий Его дух всеобъемлющей любви. На протяжении столетия, последовавшего за физическим уходом Христа, он олицетворял дух мистической преданности, который стремился к экстазу, видению Божественного и единению с Ним, в то время как более поздний великий апостол, С. Павел, олицетворял мудрую сторону Мистерий.

Учитель не забыл Своего обещания прийти к ним после того, как мир потеряет Его из виду, [167] и в течение примерно пятидесяти лет Он посещал их в Своем тонком духовном теле, продолжая учения, которые Он начал, находясь с ними, и обучая их знанию оккультных истин. По большей части они жили вместе в уединенном месте на окраине Иудеи, не привлекая внимания среди множества внешне похожих общин того времени, изучая глубокие истины, которым Он их учил, и приобретая "дары Духа".

Эти внутренние наставления, начатые во время Его физической жизни среди них и продолженные после того, как Он покинул тело, легли в основу "Тайн Иисуса", которые мы видели в ранней истории Церкви, и дали внутреннюю жизнь, которая была ядром, вокруг которого собирались разнородные материалы, сформировавшие церковное христианство.

В замечательном фрагменте, называемом *Пистис София*, у нас есть документ, представляющий величайший интерес, касающийся скрытого учения, написанный знаменитым Валентином. В нем говорится, что в течение одиннадцати лет сразу после Своей смерти Иисус обучал Своих учеников "только областям первых уставов и вплоть до областей первой тайны, тайны за завесой". [168] До сих пор они не знали о распределении ангельских чинов, о той части, о которой говорит Игнатий. [169] Затем Иисус, находясь "на Горе" со Своими учениками и получив Свое мистическое Облачение, знание всех областей и Слова Силы, которые открывали их, учил Своих учеников дальше, обещая: "Я совершу вас во всяком совершенстве, от тайн внутренних до тайн внешних: Я наполню вас Духом, так что вы будете называться духовными, совершенными во всех совершенствах". [170] И Он рассказывал им о Софии, Мудрости, и о ее падении в материю в ее попытке подняться к Высшему, и о ее мольбах к Свету, в который она верила, и о ниспослании Иисуса, чтобы искупить ее из хаоса, и о ее увенчании Его светом и освобождении из рабства. И далее Он поведал им о высочайшей Тайне, невыразимой, самой простой и ясной из всех, хотя и высочайшей, которую может познать только тот, кто полностью отрекся от мира; [171] благодаря этому знанию люди стали Христами, ибо такие "люди - это я, и я - эти люди", ибо Христос и есть эта высочайшая Тайна. [172] Зная это, люди "преображаются в чистый свет и выводятся на свет". [173] И Он совершил для них великую церемонию Посвящения, крещение, "которое ведет в область истины и в область света", и повелел им праздновать его для других, кто был достоин: "Но скройте эту тайну, дайте ее не каждому человеку, но тому [только], кто исполнит все, что Я сказал вам в моих заповедях". [174]

После этого, получив полное наставление, апостолы отправились проповедовать при постоянной помощи своего Учителя.

Более того, те же самые ученики и их первые коллеги записали по памяти все публичные высказывания и притчи Учителя, которые они слышали, и с большим рвением собирали любые сообщения, которые могли найти, записывая и их, и распространяя их среди тех, кто постепенно присоединился к их маленькому сообществу. Были составлены различные подборки, каждый участник записывал то, что помнил сам, и добавлял избранное из рассказов других. Внутренние учения, данные Христом Своим избранным, не были записаны, но преподавались устно тем, кого сочли достойными их получить, студентам, которые образовали небольшие общины, чтобы вести уединенный образ жизни, и оставались в контакте с центральным органом.

Исторический Христос, таким образом, является славным Существом, принадлежащим к великой духовной иерархии, направляющей духовную эволюцию человечества, который около

трех лет пользовался человеческим телом ученика Иисуса; который провел последние из этих трех лет в публичных учениях по всей Иудее и Самарии; который был целителем болезней и совершал другие замечательные оккультные работы; который собрал вокруг Себя небольшую группу учеников, которых Он наставлял в более глубоких истинах духовной жизни; который привлекал к Себе людей исключительной любовью, нежностью и богатой мудростью, исходящей от Его Личности; и который, наконец, был предан смерти за богохульство, за то, что учил присущей Ему Самому и всем людям Божественности. Он пришел, чтобы дать миру новый импульс духовной жизни; переиздать внутренние учения, влияющие на духовную жизнь; снова обозначить узкий древний путь; провозгласить существование "Царства Небесного", Посвящения, которое допускает к тому знанию Бога, которое есть вечная жизнь; и допустить в это Царство немногих, кто должен быть способен учить других. Вокруг этой славной Фигуры собраны мифы, которые объединяли Его с длинным рядом Его предшественников, мифы, аллегорически рассказывающие историю всех таких жизней, поскольку они символизируют работу Логоса в Космосе и высшую эволюцию индивидуальной человеческой души.

Но не следует предполагать, что работа Христа для Своих последователей закончилась после того, как Он учредил Мистерии, или ограничилась редкими появлениями в них. Этот Могущественный, который использовал тело Иисуса в качестве Своего проводника и чья забота о хранителе распространяется на всю духовную эволюцию пятой расы человечества, передал в сильные руки святого ученика, который вверил Ему свое тело, заботу о зарождающейся Церкви. Совершенствуя свою человеческую эволюцию, Иисус стал одним из Учителей Мудрости и взял христианство под Свою особую опеку, всегда стремясь направлять его в нужное русло, защищать, охранять и питать его. Он был Иерофантом в христианских мистериях, непосредственным Учителем Посвященных. Его вдохновение поддерживало Гнозис в Церкви до тех пор, пока подавляющая масса невежества не стала настолько велика, что даже Его дыхание не смогло раздуть пламя в достаточной степени, чтобы предотвратить его угасание. Его терпеливый труд, который укреплял душу за душой, чтобы они могли выстоять во тьме и лелеять в себе искру мистического стремления, жажду найти Скрытого Бога. Он постоянно вливал истину в каждый мозг, готовый воспринять ее, так что эта рука протягивалась через столетия и передавала факел знания, который, таким образом, никогда не гас. Его фигура, стоявшая рядом с дыбой и в пламени горящей кучи, подбадривала Своих исповедников и Своих мучеников, успокаивала их муки и наполняла их сердца Своим покоем. Это тот импульс, который звучал в громе Савонаролы, который руководил спокойной мудростью Эразма, который вдохновлял глубокую этику опьяненного Богом Спинозы. Его энергия вдохновляла Роджера Бэкона, Галилея и Парацельса в их исследованиях природы. Его красота, которая привлекла фру Анжелику, Рафаэля и Леонардо да Винчи, которая вдохновила гения Микеланджело, которая сияла перед глазами Мурильо и которая дала силу, воздвигнувшую чудеса мира - Миланский кафедральный собор, венецианский собор Сан-Марко, кафедральный собор Флоренции. Его мелодия звучала в мессах Моцарта, сонатах Бетховена, ораториях Генделя, фугах Баха, суровом величии Брамса. Его присутствие ободряло мистиков-одиночек, преследуемых оккультистов, терпеливых искателей истины. Убеждением и угрозой, красноречием Святого Франциска и насмешками Вольтера, сладостной покорностью Фомы Кемпийского и грубой мужественностью Лютера Он стремился наставить и пробудить, привлечь к святости или избавить от зла. На протяжении долгих веков Он стремился и трудился, и, несмотря на все могучее бремя, которое приходилось нести Церквям, Он никогда не оставлял без внимания и не утешал ни одно человеческое сердце, взывавшее к Нему о помощи. И теперь Он стремится обратить на благо

христианского мира часть великого потока Мудрости, излитого для обновления мира, и Он ищет через Церкви тех, у кого есть уши, чтобы услышать Мудрость, и кто откликнется на Его призыв о посланниках донести ее до Его паствы: "Вот Я; пошли меня".

Глава V.

МИФИЧЕСКИЙ ХРИСТОС.

Мы уже видели, как сравнительная мифология используется против религии, и некоторые из ее наиболее разрушительных выпадов были направлены против Христа. Его рождение от Девы на "Рождество", избиение Невинных, Его чудотворения и Его учения, Его распятие, воскресение и вознесение — на все эти события в истории Его жизни указывают истории из других жизней, и Его историческое существование оспаривается в силу этих идентичностей. Что касается чудотворения и учений, мы можем сначала кратко отбросить их, признав, что большинство великих Учителей совершали дела, которые на физическом плане кажутся чудесами в глазах их современников, но оккультистам известно, что они совершаются с помощью сил, которыми обладают все Посвященные выше определенной ступени. Учения, которые он дал, также могут быть признаны неоригинальными; но там, где изучающий Сравнительную мифологию думает, что он доказал, что ни одно из них не является богодухновенным, когда он показывает, что подобные моральные учения сошли с уст Ману, с уст Будды, с уст Иисуса, оккультист говорит, что, несомненно, Иисус, должно быть, повторял учения Своих предшественников, поскольку Он был посланником из той же Ложи. Глубокие истины, касающиеся божественного и человеческого Духа, были такими же истинами за двадцать тысяч лет до рождения Иисуса в Палестине, как и после Его рождения; и сказать, что мир остался без такого учения, и что человек был оставлен в нравственной тьме от своего зарождения до двадцати веков назад, значит сказать, что человечество было без Учителя, дети без Отца, человеческие души звали о свете во тьме, которая не давала им ответа — концепция, столь же богохульная по отношению к Богу, сколь и отчаянная для человека, концепция, опровергаемая появлением каждого Мудреца, могущественной литературой, клянусь благородными жизнями, за тысячи веков до того, как появился Христос.

Признавая тогда в Иисусе великого Мастера Запада, ведущего Посланника Ложи в западный мир, мы должны столкнуться с трудностью, которая разрушила эту веру в умах многих: почему праздники, посвященные событиям из жизни Иисуса, встречаются в дохристианских религиях, и в них отмечаются идентичные события из жизни других Учителей?

Можно сказать, что сравнительной мифологии, которая привлекла внимание общественности к этому вопросу в наше время, около ста лет, начиная с появления *Истории различных культов* Дюлора, *происхождения наших культов* Дюпюи, *Индуистского пантеона* Мура и *Анакалипсиса* Годфри Хиггинса. За этими работами последовало множество других, ставших все более научными и жесткими в сборе и сравнении фактов, пока ни для одного образованного человека не стало невозможным даже оспорить идентичности и сходства, существующие во всех направлениях. В наши дни не найти христиан, готовых утверждать, что христианские символы, обряды и церемонии уникальны - за исключением,

конечно, невежественных людей. Там мы все еще видим простоту веры, идущую рука об руку с незнанием фактов; но за пределами этого класса мы не находим даже самых набожных христиан, утверждающих, что христианство имеет не так уж много общего с верами, более древними, чем оно само. Но хорошо известно, что в первые века "после Христа" эти сходства признавались всеми, и что современная сравнительная мифология лишь с большой точностью повторяет то, что было общепризнано в Ранней Церкви. Юстин Мученик, например, заполняет свои страницы ссылками на религии своего времени, и если современный нападающий на христианство приведет ряд случаев, в которых христианские учения идентичны учениям древних религий, он не сможет найти лучшего руководства, чем апологеты второго века. Они цитируют языческие учения, истории и символы, умоляя, чтобы само отождествление христианина с ними предотвращало бесцеремонное неприятие последних как невероятных самих по себе. Действительно, для этой идентичности приводится любопытная причина, которая вряд ли найдет много приверженцев в наши дни. Говорит Юстин Мученик: "Те, кто передает мифы, сочиненные поэтами, не приводят никаких доказательств юношам, которые их изучают; и мы продолжаем демонстрировать, что они были произнесены под влиянием злых демонов, чтобы обмануть и сбить с пути человеческий род. Ибо, услышав через пророков провозглашение о грядущем пришествии Христа и о том, что нечестивые среди людей будут наказаны огнем, они предложили многих назвать сынами Юпитера, полагая, что они смогут внушить людям мысль, что то, что было сказано о Христе, было просто чудесными сказками, подобными тому, что было сказано поэтами ". "И дьяволы, действительно, услышав об этом омовении, объявленном пророком, подстрекали тех, кто входит в их храмы и собирается подойти к ним с возлияниями и всесожжениями, также окроплять себя; и они заставляют их также полностью омыться, когда они уходят". "Которой [Вечере Господней] злые дьяволы подражали в мистериях Митры, приказывая делать то же самое". [175] "Ибо я сам, когда обнаружил нечестивую маскировку, которую злые духи набросили на божественные доктрины христиан, чтобы отвратить других от присоединения к ним, рассмеялся". [176]

Таким образом, эти отождествления считались делом рук дьяволов, копиями христианских оригиналов, широко распространявшихся в дохристианском мире с целью предвзятого восприятия истины, когда она приходила. Существует определенная трудность в принятии более ранних заявлений за копии, а более поздних - за оригиналы, но, не споря с Юстином Мучеником, предшествовали ли копии оригиналу или оригинал копиям, мы можем быть довольны его свидетельством о существовании этих отождествлений между верой, процветавшей в Римской империи его времени, и новой религией, которую он защищал.

Тертуллиан говорит столь же ясно, излагая возражение, высказанное в его дни и христианству, что "народы, которым чуждо всякое понимание духовных сил, приписывают своим идолам придание водам той же силы". "Так они и делают, - совершенно откровенно отвечает он, - но они обманывают себя водами, которые овдовели. Ибо омовение - это канал, по которому они посвящаются в некоторые священные обряды какой-нибудь печально известной Исиды или Митры; и самих Богов они почитают омовениями.... На Аполлинарийских и Элевсинских играх они крестятся; и они предполагают, что результатом их совершения этого является возрождение и снятие наказаний за их лжесвидетельство. Признавая этот факт, мы признаем здесь также рвение дьявола, соперничающего с делами Божьими, в то время как мы видим, что он также практикует крещение своих подданных ". [177]

Чтобы разрешить проблему этих отождествлений, мы должны изучить Мифического Христа, Христа из солнечных мифов или легенд, эти мифы являются изобразительными формами, в которых определенные глубокие истины были даны миру.

Итак, "миф" — это ни в коем случае не то, чем его представляет большинство людей, - просто причудливая история, построенная на основе факта или даже совершенно независимо от факта. Миф гораздо правдивее, чем история, ибо история дает только историю теней, тогда как миф дает историю веществ, отбрасывающих тени. Как вверху, так и внизу; *исначала* наверху, а *затем* внизу. Есть определенные великие принципы, в соответствии с которыми построена наша система; есть определенные законы, по которым эти принципы разрабатываются в деталях; есть определенные Существа, которые воплощают принципы и чья деятельность является законами; есть сонмы низших существ, которые действуют как проводники этой деятельности, как агенты, как инструменты; есть Эго людей, смешанные со всем этим, исполняющие свою долю в великой космической драме. Эти разнообразные работники в невидимых мирах отбрасывают свои тени на физическую материю, и эти тени являются "вещами" — телами, объектами, из которых состоит физическая вселенная. Эти тени дают лишь слабое представление об объектах, которые их отбрасывают, точно так же, как то, что мы здесь называем тенями, дает лишь слабое представление об объектах, которые их отбрасывают; это просто очертания, с непроглядной темнотой вместо деталей, и у них есть только длина и ширина, никакой глубины.

История - это очень несовершенный и часто искаженный рассказ о танце этих теней в теневом мире физической материи. Любой, кто видел искусную игру теней и сравнивал то, что происходит за экраном, на который отбрасываются тени, с движениями теней на экране, может иметь яркое представление об иллюзорной природе действий теней и может провести из этого несколько не вводящих в заблуждение аналогий. [178]

Миф - это рассказ о движениях тех, кто отбрасывает тени; и язык, на котором дается этот рассказ, называется языком символов. Точно так же, как здесь у нас есть слова, обозначающие вещи — как слово "стол" является символом признанного предмета определенного вида, — так и символы обозначают объекты на более высоких планах. Они представляют собой изобразительный алфавит, используемый всеми авторами мифов, и каждый из них имеет свое общепризнанное значение. Символ используется для обозначения определенного объекта точно так же, как здесь слова используются для отличия одной вещи от другой, и поэтому знание символов необходимо для прочтения мифа. Ибо первоначальные рассказчики великих мифов всегда были Посвященными, привыкшими пользоваться символическим языком и, конечно же, использующими символы в их фиксированном и общепринятом значении.

Символ имеет главное значение, а затем различные вспомогательные значения, связанные с этим главным значением. Например, Солнце является символом Логоса; в этом его главное или первичное значение. Но это также означает воплощение Логоса или любого из великих Посланников, которые представляют Его в данное время, как посол представляет своего Короля. Высшие Посвященные, которые отправляются с особыми миссиями, чтобы воплотиться среди людей и жить с ними в течение времени в качестве Правителей или Учителей, будут обозначаться символом Солнца; ибо, хотя это и не их символ в индивидуальном смысле, он принадлежит им в силу их должности.

Все те, кто обозначен этим символом, обладают определенными характеристиками, проходят через определенные ситуации, выполняют определенные действия в течение своей жизни на земле. Солнце - это физическая тень, или тело, как его называют, Логоса; следовательно, его годовой ход в природе отражает Его активность тем частичным образом, каким тень представляет активность объекта, который ее отбрасывает. Логос, "Сын Божий", нисходящий в материю, имеет в качестве тени годовой ход Солнца, и Миф о Солнце повествует об этом. Следовательно, опять же, воплощение Логоса или один из Его высших посланников также будет представлять эту активность, подобную тени, в Его теле как человека. Таким образом, в жизнеописаниях этих послов обязательно возникнут личности. Фактически, отсутствие таких удостоверений личности сразу указало бы на то, что соответствующее лицо не было полноправным посланником, и что его миссия была более низкого порядка.

Таким образом, Солнечный Миф - это история, которая в первую очередь представляет деятельность Логоса, или Слова, в космосе, а во вторую очередь воплощает жизнь того, кто является воплощением Логоса или одним из Его посланников. Герой мифа обычно изображается как Бог или Полубог, и его жизнь, как будет понятно из сказанного выше, должна быть очерчена движением Солнца как тенью Логоса. Часть пути, пройденного в течение человеческой жизни, приходится на период между зимним солнцестоянием и достижением зенита летом. Герой рождается в день зимнего солнцестояния, умирает в день весеннего равноденствия и, победив смерть, возносится в середину небес.

В этой связи интересны следующие замечания, хотя и рассматривающие миф в более общем плане, как аллегорию, изображающую внутренние истины: "Альфред де Виньи сказал, что легенда часто более правдива, чем история, потому что легенда повествует не о действиях, которые часто бывают неполными и неудачными, а о самом гении великих людей и великих наций. Эта прекрасная мысль применима преимущественно к Евангелию, ибо Евангелие - это не просто повествование о том, что было; это возвышенное повествование о том, что есть и что всегда будет. Всегда Спасителю мира будут поклоняться цари разума, представленные Волхвами; всегда Он будет умножать евхаристический хлеб, чтобы питать и утешать наши души; всегда, когда мы призываем Его ночью и во время бури, Он придет к нам, идя по водам, всегда Он прострет Свою руку и проведет нас по гребням волн; всегда Он излечит наши недуги и вернет свет нашим глазам; всегда Он явится Своим верующим, сияющим и преображенным, на Фаворе, истолковывая закон Моисея и его пророчества. умеряю рвение Элиаса". [179]

Мы обнаружим, что мифы очень тесно связаны с Мистериями, ибо часть Мистерий состояла в том, чтобы показывать живые картины событий в высших мирах, которые воплотились в мифах. Фактически, в Псевдомистериях искаженные фрагменты живых картин истинных Мистерий были представлены актерами, разыгрывавшими драму, и многие вторичные мифы - это драмы, облеченные в слова.

Общие очертания истории Бога Солнца очень ясны: богатая событиями жизнь Бога Солнца охватывает первые шесть месяцев солнечного года, остальные шесть были заняты общей защитой и обереганием. Он всегда рождается в день зимнего солнцестояния, после самого короткого дня в году, в полночь 24 декабря, когда знак Девы поднимается над горизонтом; рожденный в момент восхода этого знака, он всегда рождается от девственницы, и она остается девственницей после того, как она родила своего Солнечного Ребенка, поскольку небесная Дева остается неизменной и незапятнанной, когда Солнце восходит от нее на небесах. Слабый,

немощный, как младенец, он родился, когда дни самые короткие, а ночи самые длинные — мы находимся к северу от экваториальной линии — в младенчестве он был окружен опасностями, а царство тьмы длилось гораздо дольше, чем в его ранние дни. Но он переживает все грозящие опасности, и день удлиняется к весеннему равноденствию, пока не приходит время перехода, распятия, дата которого меняется с каждым годом. Бога Солнца иногда можно найти изваянным в круге у горизонта: голова и ступни касаются круга на севере и юге, а протянутые руки — на востоке и западе - "Он был распят". После этого он торжествующе восходит и возносится на небеса, и созревает зерно и виноград, отдавая саму свою жизнь им, чтобы сделать их субстанцией, а через них и своим поклонникам. Бог, рожденный на рассвете 25 декабря, всегда распинается в день весеннего равноденствия и всегда отдает свою жизнь в пищу своим поклонникам — это одни из наиболее характерных признаков Бога Солнца. Фиксированность даты рождения и изменчивость даты смерти приобретают большое значение, если мы помним, что одно из них является фиксированным, а другое - переменным положением солнца. "Пасха" - это подвижное событие, рассчитываемое по взаимному положению солнца и Луны, невозможный способ фиксировать год за годом годовщину исторического события, но очень естественный и действительно неизбежный способ расчета солнечного праздника. Эти меняющиеся даты указывают не на историю человека, а на Героя солнечного мифа.

Эти события воспроизведены в жизнеописаниях различных Солнечных Богов, и древность изобилует их иллюстрациями. Исида Египетская, как и Мария Вифлеемская, была нашей Непорочной Владычицей, Морской звездой, Царицей Небесной, Матерью Божьей. Мы видим ее на картинах, стоящей на полумесяце в короне из звезд; она кормит грудью своего ребенка Гора, и крест появляется на спинке сиденья, в котором он сидит на коленях своей матери. Дева Зодиака изображена на древних рисунках в виде женщины, кормящей грудью ребенка — прообраз всех будущих Мадонн с их божественными Младенцами, что указывает на происхождение символа. Деваки также изображена с божественным Кришной на руках, как и Милитта, или Истар, из Вавилона, также с повторяющейся звездной короной и со своим ребенком Таммузом на коленях. Меркурий и Эскулап, Вакх и Геркулес, Персей и диоскуры, Митра и Заратустра - все они были божественного и человеческого происхождения.

Отношение зимнего солнцестояния к Иисусу также имеет большое значение. Рождение Митры было отпраздновано в день зимнего солнцестояния с большим ликованием, и тогда же родился Гор: "Его рождение - одна из величайших тайн [египетской] религии. Изображения, изображающие его, появлялись на стенах храмов.... Он был сыном Божества. На Рождество, или в соответствии с нашим праздником, его изображение было вынесено из святилища с особыми церемониями, подобно тому, как изображение младенца Бамбино до сих пор выносят и выставляют в Риме ". [180]

По поводу определения 25 декабря днем рождения Иисуса Уильямсон говорит следующее: "Все христиане знают, что *сейчас* 25 декабря является признанным праздником рождения Иисуса, но мало кто осознает, что так было не всегда. Говорят, что разные христианские секты установили сто тридцать шесть разных дат. Лайтфут называет 15 сентября, другие - февраль или август. Епифаний упоминает две секты, одна празднует его в июне, другая - в июле. Этот вопрос был окончательно решен папой Юлием I в 337 году н.э., а Св. Златоуст, писавший в 390 году, говорит: "В этот день [*т.е.* 25 декабря] также недавно было назначено рождение Христа в Риме, чтобы, пока язычники были заняты своими церемониями [Брумалия в честь Вакха], христиане могли беспрепятственно совершать свои обряды". Гиббон в своей книге "*Упадок Римской*

империи"пишет: "[Христиане] римляне, так же невежественные, как и их братья, о реальной дате рождения Христа". день его [рождения Христа] установил торжественный праздник на 25 декабря, Брумалию или зимнее солнцестояние, когда язычники ежегодно отмечали рождение Солнца."Кинг в своей книге "*Гностики и их останки*"также говорит: "Древний праздник, проводимый 25 декабря в честь дня рождения Непобедимого", [181] и отмечаемый "великие игры в цирке" впоследствии были перенесены на празднование рождества Христова, точная дата которого, по признанию многих Отцов Церкви, тогда была неизвестна"; в то время как в настоящее время каноник Фаррар пишет, что "все попытки установить месяц и день Рождества бесполезны. Не существует никаких данных, которые позволили бы нам определить их с хотя бы приблизительной точностью. "Из вышесказанного очевидно, что великий праздник зимнего солнцестояния отмечался в прошлые века и в широко разделенных землях в честь рождения Бога, которого почти неизменно называют "Спасителем", а мать - непорочной девой. Поразительные сходства, которые наблюдались не только в рождении, но и в жизни столь многих из этих Богов-Спасителей, также слишком многочисленны, чтобы их можно было объяснить простым совпадением ". [182]

В случае с Господом Буддой мы можем видеть, как миф привязывается к историческому персонажу. История его жизни хорошо известна, и в современных индийских источниках история рождения проста и человечна. Но в китайском повествовании Он рожден от девственницы, Майадеви, и архаичный миф находит в Нем нового Героя.

Уильямсон также сообщает нам, что 25 декабря на холмах у кельтских народов зажигались и продолжают зажигаться костры, и они до сих пор известны ирландцам и шотландским горцам как Бхейль или Баалтинне, костры, таким образом, носят имя Бел, Бал или Ваал, их древнего Божества, Бога Солнца, хотя теперь их зажигают в честь Христа. [183]

По справедливости говоря, рождественский праздник должен приобрести новые элементы радости и святости, когда любящие Христа увидят в нем повторение древней торжественности, увидят, что он простирается по всему миру и уходит далеко-далеко в глубь смутной древности; так что рождественские колокола звонят на протяжении всей истории человечества и музыкально звучат из далекой ночи времен. Отличительный признак истины заключается не в исключительном обладании, а во всеобщем признании.

Дата смерти, как было сказано выше, не является фиксированной, как дата рождения. Дата смерти рассчитывается по относительному положению Солнца и Луны в день весеннего равноденствия, меняющемуся с каждым годом, и выясняется, что дата смерти каждого Солнечного Героя отмечается в этой связи. Животное, принятое в качестве символа Героя, является знаком Зодиака, в котором Солнце находится в момент весеннего равноденствия его возраста, и это меняется в зависимости от прецессии равноденствий. У Оаннеса Ассирийского был знак Рыб, и таким образом он изображен. Митра находится в Тельце и, следовательно, ездит верхом на Быке, а Осирису поклонялись как Осирису-Апису, или Серапису, Быку. Меродаху из Вавилона поклонялись в образе Быка, как и Астарте из Сирии. Когда Солнце находится в знаке Овна, Барана или Агнца, у нас снова есть Осирис в образе Барана, а также Астарты и Юпитер-Аммон, и именно это же животное стало символом Иисуса — Агнца Божьего. Использование Агнца в качестве Своего символа, часто опирающегося на крест, широко распространено в скульптурах катакомб. По этому поводу Уильямсон говорит: "Со временем Агнец был изображен на кресте, но только на шестом Константинопольском синоде,

состоявшемся примерно в 680 году, было постановлено, что вместо древнего символа должна быть изображена фигура *человека*, привязанного к кресту. Этот канон был подтвержден папой Адрианом I." [184] Очень древние Рыбы также приписываются Иисусу, и таким образом Он изображен в катакомбах.

Смерть и воскресение Солнечного Героя в день весеннего равноденствия или около него столь же широко распространены, как и его рождение в день зимнего солнцестояния. Затем Осирис был убит Тифоном, и Он изображен на круге горизонта с распростертыми руками, словно распятый — поза изначально означала благословение, а не страдание. Смерть Таммуза ежегодно оплакивали в день весеннего равноденствия в Вавилонии и Сирии, так же как Адониса в Сирии и Греции и Аттиса во Фригии, изображаемого "в виде человека, привязанного с ягненком к ноге". [185] Смерть Митры аналогичным образом праздновалась в Персии, а смерть Вакха и Дионисия — одного и того же — в Греции. В Мексике та же идея появляется вновь, как обычно, в сопровождении креста.

Во всех этих случаях за оплакиванием смерти немедленно следует ликование по поводу воскресения, и в связи с этим интересно отметить, что название Пасхи восходит к деве-матери убитого Таммуза, Иштар. [186]

Интересно также отметить, что пост, предшествующий смерти в день весеннего равноденствия, — современный Великий пост — встречается в Мексике, Египте, Персии, Вавилоне, Ассирии, Малой Азии, в некоторых случаях определенно продолжительностью в сорок дней. [187]

В Псевдо-Мистериях история Бога Солнца была драматизирована, а в древних Мистериях Посвящаемый проживал ее, и, следовательно, солнечные "мифы" и великие факты Посвящения переплелись воедино. Следовательно, когда Учитель Христос стал Христом Мистерий, легенды о более древних Героях этих Мистерий собрались вокруг Него, и истории снова были пересказаны последним божественным Учителем как представителем Логоса на Солнце. Затем праздник Его рождения стал незапамятной датой, когда от Девы родилось Солнце, когда полуночное небо наполнилось ликующим воинством небожителей, и

Очень рано, очень рано родился Христос.

По мере того как вокруг Него собиралась великая легенда о Солнце, знамение Агнца стало знаменем Его распятия, подобно тому как знамение Девы стало знаменем Его рождения. Мы видели, что Бык был посвящен Митре, а Рыба - Оаннесу, и что Агнец был посвящен Христу, и по той же причине; это был знак весеннего равноденствия в тот исторический период, когда Он пересекал большой круг горизонта, был "распят в пространстве".

Эти мифы о Солнце, постоянно повторяющиеся на протяжении веков, с разными именами для своего Героя в каждой новой редакции, не могут остаться незамеченными изучающим, хотя преданный может естественно и справедливо игнорировать их; и когда они используются как оружие для того, чтобы искалечить или уничтожить величественную фигуру Христа, с ними нужно бороться, не отрицая факты, но понимая более глубокий смысл историй, духовные истины, которые легенды выражают под завесой.

Почему эти легенды смешались с историей Иисуса и сформировались вокруг Него как исторического персонажа? На самом деле это истории не об отдельном человеке по имени

Иисус, а о вселенском Христе; о Человеке, который символизировал Божественное Существо и который олицетворял фундаментальную истину в природе; о Человеке, который занимал определенный пост и занимал определенное характерное положение по отношению к человечеству; стоя с человечеством в особых отношениях, обновляющихся века за веком, по мере того, как поколение сменяло поколение, по мере того, как раса уступала место расе. Следовательно, Он был, как и все подобные ему, "Сыном Человеческим", своеобразным и отличительным титулом, титулом должности, а не отдельной личности. Христос Солнечного Мифа был Христом Мистерий, и мы находим тайну мифического в мистическом Христе.

Глава VI.

МИСТИЧЕСКИЙ ХРИСТОС.

Теперь мы подходим к той более глубокой стороне истории Христа, которая придает ей реальное влияние на сердца людей. Мы приближаемся к той вечной жизни, которая бьется из невидимого источника и так крестит своего представителя своим светоносным потоком, что человеческие сердца прильнули ко Христу и чувствуют, что они едва ли не с большей готовностью могли бы отвергнуть очевидные факты истории, чем отрицать то, что они интуитивно ощущают как жизненно важную истину высшей жизни. Мы приближаемся к священным вратам Мистерий и приподнимаем уголок завесы, скрывающей святилище.

Мы видели, что, углубляясь как можно дальше в древность, мы находим повсюду признанное существование скрытого учения, тайной доктрины, которая на строгих условиях давалась утвержденным кандидатам Мастерами Мудрости. Такие кандидаты были посвящены в "Мистерии" — название, которое в древности, как мы видели, охватывало все, что было наиболее духовным в религии, все, что было наиболее глубоким в философии, все, что было наиболее ценным в науке. Каждый великий Учитель древности проходил через Мистерии, и величайшими были Иерофанты Мистерий; каждый, кто выходил в мир, чтобы говорить о невидимых мирах, прошел через портал Посвящения и узнал тайну Святых из Их собственных уст: каждый, кто выходил, рассказывал одну и ту же историю, и все солярные мифы являются версиями этой истории, идентичными в своих существенных чертах, различающимися только местным колоритом.

Эта история в первую очередь повествует о нисхождении Логоса в материю, и Бог Солнца является подходящим Его символом, поскольку Солнце - это Его тело, и Его часто описывают как "Того, кто обитает на Солнце". В одном аспекте Христос Мистерий - это Логос, нисходящий в материю, а великий Миф о Солнце - популярное учение об этой возвышенной истине. Как и в предыдущих случаях, Божественный Учитель, принесший Древнюю Мудрость и переиздавший ее в мире, рассматривался как особое проявление Логоса, и Иисус Церковью постепенно обрастал историями, принадлежащими этому великому; таким образом, в христианской терминологии Он стал отождествляться со Вторым Лицом в Троице, Логосом, или Словом Божьим, [188] и важнейшие события, описанные в мифе о Боге Солнца, стали важнейшими

событиями истории Иисуса, рассматриваемого как воплощенное Божество, "мифический Христос". Как в макрокосме, космосе, Христос Мистерий представляет Логос, Второе Лицо в Троице, так и в микрокосме, человеке, Он представляет второй аспект Божественного Духа в человеке — отсюда и название в человеке "Христос". [189] Второй аспект Христа Мистерий — это, таким образом, жизнь Посвященного, жизнь, в которую вступают при первом великом Посвящении, при котором Христос рождается в человеке и после которой Он развивается в человеке. Чтобы сделать это вполне понятным, мы должны рассмотреть условия, предъявляемые к кандидату на Посвящение, и природу Духа в человеке.

Кандидатами на Посвящение могли быть признаны только те, кто уже был хорош в том смысле, в каком люди считают добродетелью, согласно строгой мере закона. Чистые, святые, незапятнанные, очищенные от греха, живущие без прегрешений — таковы были некоторые из описательных фраз, использованных ими. [190] Они также должны быть разумными, с хорошо развитым и тренированным умом. [191] Эволюция, происходящая в мире жизнь за жизнью, развитие и овладение силами разума, эмоциями и моральным чувством, обучение с помощью экзотерических религий, практика исполнения обязанностей, стремление помогать и возвышать других — все это относится к обычной жизни развивающегося человека. Когда все это сделано, человек становится "хорошим человеком", греческим Христосом, и таким он должен быть, прежде чем сможет стать Христосом, Помазанником. Достигнув экзотерической благой жизни, он становится кандидатом на эзотерическую жизнь и приступает к подготовке к Посвящению, которая заключается в выполнении определенных условий.

Эти условия определяют качества, которые он должен приобрести, и, пока он трудится над их созданием, иногда говорят, что он вступает на Путь Испытания, Путь, который ведет к "Тесным вратам", за которыми находится "Узкий путь", или "Путь святости", "Крестный путь". От него не ожидается, что он разовьет эти качества в совершенстве, но он должен добиться некоторого прогресса во всех них, прежде чем в нем сможет родиться Христос. Он должен подготовить чистый дом для того Божественного Ребенка, которому предстоит развиваться внутри него.

Первым из этих атрибутов — все они ментальные и моральные — является *Различение*; это означает, что стремящийся должен начать отделять в своем уме Вечное от Временного, Реальное от Нереального, Истинное от Ложного, Небесное от Земного. "Видимое временно, - говорит Апостол, - а невидимое вечно". [192] Мужчины постоянно живут под обаянием видимого и ослеплены им по отношению к невидимому. Стремящийся должен научиться различать их, чтобы то, что нереально для мира, могло стать реальным для него, а то, что реально для мира, могло стать нереальным для него самого, ибо только так возможно "ходить верой, а не зрением". [193] И таким образом, мужчина также должен стать одним из тех, о ком Апостол говорит, что они "достигли совершеннолетия, даже те, которые по причине употребления своих чувств упражняются в различении добра и зла". [194] Далее, это чувство нереальности должно породить в нем *Отвращение* ко всему нереальному и мимолетному, к простой оболочке жизни, непригодной для утоления голода, за исключением голода свиней. [195] Эта стадия описана выразительным языком Иисуса: "Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего, и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, да, и своей собственной жизни также, тот не может быть моим учеником". [196] Поистине "жесткое высказывание", и все же из этой ненависти вырастет более глубокая, истинная любовь, и сцены, возможно, не избежать на пути к Узким Вратам. Затем стремящийся должен научиться *контролю над мыслями*, и это приведет к *контролю над действиями*, поскольку для внутреннего взора мысль является тем же самым,

что и действие: "Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в своем сердце". [197] Он должен приобрести *Выносливость*, ибо тем, кто стремится пройти "Крестным путем", придется выдержать долгие и горькие страдания, и они должны быть способны терпеть, "как бы видя Того, Кто невидим". [198] Он должен добавить к этому *Терпимость*, если он хочет быть потомком Того, Кто "повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных", [199] ученик Того, кто повелел Своим апостолам не запрещать человеку использовать Его имя, потому что он не последовал за ними. [200] Далее, он должен приобрести *Веру*, для которой нет ничего невозможного, [201] и *Равновесие*, описанное Апостолом. [202] Наконец, он должен стремиться только к "тому, что выше", [203] и стремиться достичь блаженства видения Бога и единения с Ним. [204] Когда человек прививает своему характеру эти качества, он считается пригодным для Посвящения, и Хранители Мистерий откроют ему Прямые Врата. Таким образом, но только таким образом, он становится подготовленным кандидатом.

Итак, Дух в человеке является даром Верховного Бога и содержит в себе три аспекта Божественной Жизни — Разум, Любовь, Волю — являясь Образом Бога. По мере своего развития оно сначала развивает аспект Интеллекта, развивает интеллект, и эта эволюция осуществляется в обычной жизни в этом мире. Доведение этого до высшей точки, сопровождая это моральным развитием, приводит развивающегося человека к состоянию кандидата. Второй аспект Духа - это аспект Любви, и эволюция этого аспекта есть эволюция Христа. В истинных Мистериях происходит такая эволюция — жизнь ученика - это Мистическая Драма, и Великие Посвящения отмечают ее этапы. В Мистериях, совершаемых на физическом плане, они обычно были представлены драматически, и церемонии во многих отношениях следовали "образцу", когда-либо показанному "на Горе", поскольку в эпоху упадка они были тенью могущественных Реальностей духовного мира.

Таким образом, Мистический Христос двоякий — Логос, Второе Лицо Троицы, нисходящее в материю, и Любовь, или второй аспект раскрывающегося Божественного Духа в человеке. Один представляет космические процессы, происходившие в прошлом, и является корнем Солнечного Мифа; другой представляет процесс, происходивший в индивидууме, заключительную стадию его человеческой эволюции, и добавляет много деталей в Миф. Оба они внесли свой вклад в евангельскую историю и вместе формируют образ "Мистического Христа".

Давайте сначала рассмотрим космического Христа, Божество, облакающееся в материю, воплощение Логоса, облачение Бога во "плоть".

Когда материя, которая должна сформировать нашу солнечную систему, отделяется от бесконечного океана материи, заполняющего пространство, Третье Лицо Троицы — Святой Дух - вливает Свою Жизнь в эту материю, чтобы оживить ее, чтобы она могла вскоре принять форму. Затем оно собирается воедино, и форма придается ему жизнью Логоса, Второго Лица Троицы, который жертвует Собой, надевая ограничения материи, становясь "Небесным Человеком", в Теле которого существуют все формы, частью Которого являются все формы. Это была космическая история, драматически показанная в Мистериях — в истинных Мистериях, видимых такими, какими они происходят в космосе, в Мистериях физического плана, представленных магическими или другими средствами, и в некоторых частях действующими лицами.

Эти процессы очень отчетливо описаны в *Библии*; когда "Дух Божий двигался над поверхностью вод" во тьме, которая была "над поверхностью бездны", [205] великая бездна материи не проявляла форм, она была пустой, зачаточной. Форма была дана Логосом, Словом, о котором написано, что "все было сотворено Им; и без Него не было сотворено ничего из того, что было сотворено". [206] К. У. Ледбитер хорошо выразился: "Результатом этого первого великого излияния ["движения" Духа] является оживление той чудесной и великолепной жизненной силы, которая пронизывает всю материю (какой бы инертной она ни казалась нашим тусклым физическим взорам), так что атомы различных планов, будучи наэлектризованными ею, проявляют всевозможные ранее скрытые притяжения". и отталкиваются, и вступают во всевозможные комбинации". [207]

Только когда эта работа Духа завершена, Логос, космический Мистик Христос, может облачиться в одежды материи, поистине входя в Девственное лоно, лоно Материи, пока еще девственной, непродуктивной. Эта материя была оживлена Святым Духом, который, осеняя Деву, влил в нее Свою жизнь, таким образом подготовив ее к принятию жизни Второго Логоса, который взял эту материю в качестве проводника для Своих энергий. Это воплощение Христа, обретение плоти — "Ты не презрел чрева Девы".

В латинском и английском переводах оригинального греческого текста Никейского символа веры во фразе, описывающей эту фазу нисхождения, изменены предлоги и, таким образом, изменен смысл. В оригинале говорилось: "и был воплощен *от* Святого Духа *и* Девы Марии", тогда как перевод гласит: "и был воплощен Святым Духом *от* Девы Марии". [208] Христос "принимает форму не только "Девственной" материи, но и материи, которая уже инстинктивна и пульсирует жизнью Третьего Логоса", [209] так что и жизнь, и материя окружают Его как одеяние". [210]

Это нисхождение Логоса в материю, описываемое как рождение Христа от Девственницы, и это, в Солнечном Мифе, становится рождением Бога Солнца по мере восхода знака Девы.

Затем следуют ранние проявления Логоса в материи, удачным примером которых является младенчество мифа. Перед всей слабостью младенчества преклоняются Его величественные силы, лишь немногим позволяя проявиться нежным формам, которые они одушевляют. Материя заключает в тюрьму, кажется, как бы угрожая убить, своего юного Короля, чья слава скрыта за принятыми Им ограничениями. Медленно Он формирует его для достижения высоких целей и поднимает до зрелости, а затем распростирается на кресте материи, чтобы излить с этого креста все силы Своей отреченной жизни. Это Логос, о котором Платон говорил, что Он является во вселенной в виде креста; это Небесный Человек, стоящий в пространстве с распростертыми в благословении руками; это распятый Христос, чья смерть на кресте материи наполняет всю материю Своей жизнью. Он кажется Мертвым и погребенным с глаз долой, но Он воскресает, облаченный в ту самую материю, в которой, казалось, Он погиб, и уносит Свое тело из теперь уже сияющей материи на небеса, где оно принимает изливающуюся жизнь Отца и становится проводником бессмертной жизни человека. Ибо именно жизнь Логоса образует одеяние Души в человеке, и Он дает его, чтобы люди могли жить на протяжении веков и расти в меру Его собственного роста. Воистину, мы облечены в Него, сначала материально, а затем духовно. Он пожертвовал Собой, чтобы привести многих сыновей во славу, и Он с нами всегда, даже до скончания века.

Таким образом, распятие Христа является частью великой космической жертвы, и аллегорическое представление этого в физических Мистериях и священный символ распятого человека в космосе материализовались в реальную смерть через распятие и распятие, несущее умирающий человеческий облик; затем эта история, теперь история человека, была связана с Божественным Учителем Иисусом и стала историей Его физической смерти, в то время как рождение от Девы, окруженное опасностями младенчество, воскресение и вознесение также стали эпизодами в Его жизни. человеческая жизнь. Мистерии исчезли, но их грандиозные и графические изображения космической работы Логоса окружали и возвышали любимую фигуру Учителя Иудеи, и космический Христос Мистерий с чертами исторического Иисуса, таким образом, стал центральной фигурой христианской церкви.

Но даже это было не все; последний штрих очарования придает истории Христа тот факт, что есть еще один Христос Мистерий, близкий и дорогой человеческому сердцу - Христос-человеческого Духа, Христос, Который находится в каждом из нас, рождается и живет, распинается, воскресает из мертвых и возносится на небеса в каждом страдающем и торжествующем "Сыне Человеческом".

История жизни каждого Посвященного в истину, в Небесные Тайны, изложена в своих основных чертах в евангельской биографии. По этой причине Святой Павел говорит, как мы видели, [\[211\]](#) о рождении Христа в ученике, о Его эволюции и Его полном росте в нем. Каждый человек - потенциальный Христос, и раскрытие жизни Христа в человеке следует контуру евангельской истории в ее поразительных происшествиях, которые, как мы видели, носят универсальный, а не частный характер.

В жизни Христа есть пять великих Посвящений, каждое из которых знаменует собой этап в раскрытии Жизни Любви. Они даются сейчас, как и в старину, и последнее знаменует окончательный триумф Человека, который развился в Божественность, который превзошел человечество и стал Спасителем мира.

Давайте проследим историю этой жизни, постоянно повторяющуюся в духовном опыте, и увидим, как Посвященный живет жизнью Христа.

При первом великом Посвящении Христос рождается в ученике; именно тогда он впервые осознает в себе излияние божественной Любви и переживает ту чудесную перемену, которая заставляет его чувствовать себя единым целым со всем живущим. Это "Второе Рождение", и при этом рождении небесные радуются, ибо он рождается в "царстве небесном" как один из "малых", как "малое дитя" — имена, которые когда-либо давались новым Посвященным. Таков смысл слов Иисуса о том, что человек должен стать маленьким ребенком, чтобы войти в Царство. [\[212\]](#) У некоторых раннехристианских авторов многозначительно сказано, что Иисус "родился в пещере" — "стойле" евангельского повествования; "Пещера посвящения" - хорошо известная древняя фраза, и Посвященный всегда рождается в ней; над той пещерой, "где находится малое дитя", горит "Звезда посвящения", Звезда, которая всегда сияет на Востоке, когда Ребенок... Рождается Христос. Каждый такой ребенок окружен опасностями, странными опасностями, которые не выпадают на долю других младенцев; ибо он помазан миром второго рождения, и Темные Силы невидимого мира всегда стремятся его погубить. Однако, несмотря на все испытания, он вырастет, ибо Христос, однажды родившийся, никогда не может погибнуть, Христос, однажды начавший развиваться, никогда не может потерпеть неудачу в своей эволюции; его прекрасная жизнь расширяется и растет, постоянно возрастая в мудрости

и духовном росте, пока не придет время для второго великого Посвящения, Крещения Христа Водой и Духом, которое дает ему силы, необходимые Учителю, который должен идти вперед и трудиться в мире как "возлюбленный Сын".

Затем на него в изобильной мере нисходит божественный Дух, и слава невидимого Отца изливает на него свое чистое сияние; но после этой сцены благословения он уводится Духом в пустыню и снова подвергается испытанию жестокими искушениями. Ибо сейчас силы Духа раскрываются в нем, и Темные Силы стремятся сбить его с пути с помощью этих самых сил, приказывая ему использовать их для своей собственной помощи вместо того, чтобы полагаться на своего Отца в терпеливом доверии. В быстрых, внезапных переходах, которые проверяют его силу и веру, шепот воплощенного Искусителя следует за голосом Отца, и раскаленные пески пустыни обжигают ноги, когда-то омытые прохладными водами святой реки. Победив эти искушения, он переходит в мир людей, чтобы использовать для их помощи силы, которые он не стал бы использовать для своих собственных нужд, и тот, кто не превратил ни одного камня в хлеб для утоления своих собственных желаний, кормит "пять тысяч мужчин, не считая женщин и детей", несколькими буханками.

В его жизни непрерывного служения наступает еще один краткий период славы, когда он восходит "на высокую гору отдельно" — священную гору Посвящения. Там он преображается и там встречает некоторых из своих великих Предшественников, Могущественных Людей древности, которые шли туда, куда он сейчас идет. Таким образом, он проходит третье великое Посвящение, и затем тень его грядущих Страстей падает на него, и он твердо решает отправиться в Иерусалим, отвергая искушающие слова одного из своих учеников, — в Иерусалим, где его ожидает крещение Святым Духом и Огнем. После Рождения - нападение Ирода; после Крещения - искушение в пустыне; после Преображения - вступление в последний этап Крестного Пути. Так за триумфом всегда следуют испытания, пока цель не будет достигнута.

Жизнь любви продолжает расти, становясь все более полной и совершенной, Сын Человеческий все яснее сияет как Сын Божий, пока не приближается время его последней битвы; и четвертое великое Посвящение с триумфом ведет его в Иерусалим, к Гефсимании и Голгофе. Теперь Он - Христос, готовый быть принесенным в жертву, готовый к жертве на кресте. Теперь ему предстоит столкнуться с горькой агонией в Саду, где даже его избранные спят, пока он борется со своей смертной тоской, и на мгновение молится, чтобы чаша миновала его уста; но сильная воля торжествует, и он протягивает руку, чтобы взять и испить, и в его одиночестве ангел приходит к нему и укрепляет его, как это обычно делают ангелы, когда видят Сына Человеческого, сгибающегося под бременем своих страданий. Испитая горькая чаша предательства, дезертирства, отрицания встречает его на пути, и в одиночестве, среди своих глумящихся врагов, он проходит через свое последнее жестокое испытание. Измученный физической болью, пронзенный жестокими шипами подозрительности, лишенный своих прекрасных одежд чистоты в глазах мира, оставленный в руках своих врагов, очевидно покинутый Богом и людьми, он терпеливо переносит все, что с ним случается, с тоской ожидая помощи в своей последней крайности. Оставленный страдать, распятый, умереть для жизни формы, отказаться от всей жизни, принадлежащей низшему миру, окруженный торжествующими врагами, которые насмеются над ним, последний ужас великой тьмы окутывает его, и во тьме он встречается со всеми силами зла; его внутреннее зрение ослеплено, он оказывается одиноким, совершенно одиноким, пока сильное сердце, погружаясь в отчаяние, не взывает к Отцу, который, кажется, оставил его, и человеческая душа сталкивается

в крайнем одиночестве с сокрушительной агонией очевидного поражения. И все же, призвав всю силу "непобедимого духа", низшая жизнь сдается, ее смерть охотно принимается, тело желаний оставляется, и Посвященный "нисходит в ад", чтобы ни одна область вселенной, которой он должен помочь, не осталась им не посещенной, чтобы никто не оказался слишком отверженным, чтобы его всеобъемлющая любовь не коснулась его. И затем, вырвавшись вверх из тьмы, он снова видит свет, снова чувствует себя Сыном, неотделимым от Отца, которым он является, поднимается к жизни, не знающей конца, сияющий сознанием того, что смерть встречена лицом к лицу и побеждена, сильный, чтобы помочь до предела каждому ребенку человеческому, способный излить свою жизнь в каждую борющуюся душу. Среди своих учеников он остается на некоторое время, чтобы учить, раскрывая им тайны духовных миров, готовя их также идти по пути, пройденному им, пока, по окончании земной жизни, он не вознесется к Отцу и при пятом великом Посвящении не станет торжествующим Учителем, связующим звеном между Богом и человеком.

Такова была история, пережитая в истинных Мистериях прошлого и наших дней, и драматически перелитая в символы Мистерий физического плана, наполовину завуалированных, наполовину показанных. Таков Христос Мистерий в Его двойственном аспекте, Логосе и человеке, космическом и индивидуальном. Стоит ли удивляться, что эта история, смутно ощущаемая, даже когда неизвестная мистику, запала в сердце и послужила источником вдохновения для всех благородных людей? Христос человеческого сердца — это, по большей части, Иисус, рассматриваемый как мистический человек-Христос, борющийся, страдающий, умирающий, наконец, торжествующий, Человек, в котором человечество видится распятым и воскресшим, чья победа является обещанием победы каждому, кто, подобно Ему, остается верным в смерти и за ее пределами - Христос, которого никогда нельзя забыть, пока Он снова и снова рождается в человечестве, пока мир нуждается в Спасителях, а Спасители отдают себя за людей.

Глава VII.

ИСКУПЛЕНИЕ.

Теперь мы перейдем к изучению определенных аспектов Жизни Христа в том виде, в каком они фигурируют среди доктрин христианства. В экзотерических учениях они появляются как связанные только с Личностью Христа; в эзотерических они рассматриваются как действительно принадлежащие Ему, поскольку в своем первичном, самом полном и глубочайшем значении они составляют часть деятельности Логоса, но лишь вторично отражаются во Христе, а следовательно, также в каждой Христовой Душе, которая идет Крестным путем. Изученные таким образом, они покажутся глубоко верными, в то время как в своей экзотерической форме они часто сбивают с толку разум и будоражат эмоции.

Среди них заметно выделяется учение об Искуплении; оно не только стало предметом ожесточенных нападок со стороны тех, кто находится за пределами христианства, но и затронуло многие чувствительные умы в пределах этой черты. Некоторые из наиболее глубоких христианских мыслителей последней половины девятнадцатого века были замучены

сомнениями относительно учения церквей по этому вопросу и стремились увидеть и представить это таким образом, чтобы смягчить или объяснить более грубые представления, основанные на неразумном прочтении нескольких глубоко мистических текстов. Нигде, возможно, больше, чем в связи с ними, не следует помнить предупреждение Святого Петра: "И наш возлюбленный брат Павел, согласно данной ему мудрости, написал вам — как и во всех своих посланиях — говоря в них об этих вещах; в которых есть некоторые вещи, трудные для понимания, которые необразованные и непостоянные люди искажают, как они делают и другие места Писания, к собственной гибели". [213] Тексты, повествующие о тождестве Христа с Его братьями-людьми, были принудительно заменены им Самим Собой и, таким образом, использовались как спасение от последствий греха, а не как вдохновение к праведности.

Общее учение Ранней Церкви о доктрине Искупления состояло в том, что Христос, как Представитель Человечества, столкнулся лицом к лицу с сатаной, представителем Темных Сил, который держал человечество в рабстве, победил его, вырвал у него своего пленника и освободил его. Постепенно, по мере того как христианские учителя теряли связь с духовными истинами, и они отражали свою собственную растущую нетерпимость и суровость по отношению к чистому и любящему Отцу учения Христа, они представляли Его разгневанным на человека, а Христос был создан, чтобы спасти человека от гнева Божьего, а не от рабства зла. Затем появились юридические фразы, еще больше материализующие некогда духовную идею, и "схема искупления" была обрисована в общих чертах. "Печать была наложена на "схему искупления" Ансельмом в его великом труде *"Cur Deus Homo"*, и доктрина, которая медленно вращалась в теологию христианского мира, с тех пор была отмечена печатью Церкви. Римские католики и протестанты во времена Реформации одинаково верили в заместительный характер искупления, совершенного Христом. По этому вопросу между ними нет разногласий. Я предпочитаю позволить христианским богословам говорить самим за себя относительно характера искупления.... Лютер учит, что Христос истинно и действительно чувствовать себя на все человечество гнев Божий, проклятия и смерти. Flavel говорит, что в гнев, гнев бесконечного Бога, без примесей, очень муками ада, был доставлен Христа, и которые от руки собственного отца.' Англиканская проповедь проповедует, что 'грех срывать Бога с небес, чтобы дать ему почувствовать все ужасы и муки смерти, и что человек, будучи зачинщиком ад и раб дьявола, был, в конце концов, смерть его единственного и любимого сына'; 'жаре его гнева, - его горящий гневом,' может быть 'успокоил' Иисус, - так приятно была жертва и приношение в смерти сына.' Эдвардс, будучи логичным, увидел, что было вопиющей несправедливостью во грехе быть дважды наказан, и муками ада, от наказания за грех, будучи дважды нанесли, сначала на Иисуса, замещающим человечества, а затем об утраченном, части человечества; так что он, как и большинство кальвинистов, считает себя обязанной ограничить искупление избранных, и заявил, что Христос понес на себе грехи, не от мира, но выбрали из мира; он страдает не за мир, но о тех, которых ты дал мне. Но Эдвардс твердо придерживается веры в замену, и отвергает искупление всеобщей по той причине, что для верим, что Христос умер для всех-это самый верный способ доказать, что он умер не в том смысле, христиане до сих пор верят.' Он заявляет, что Христос пострадал за гнев Божий за грехи людей'; 'Бог ввел его гнев: так и Христос претерпел мучения ада за грехи. Оуэн считает страдания Христа как полноценной компенсации в справедливость Бога за все грехи избранных, и говорит, что ему сделали 'это же наказание какое ... они сами были обречены на это'." [214]

Чтобы показать, что эти взгляды все еще авторитетно проповедовались в церквях, я написал далее: "Страуд заставляет Христа испытать "чашу гнева Божьего". Дженкин говорит: "Он страдал

как человек, отреченный, порицаемый и оставленный Богом". Дуайт считает, что он перенес Божью "ненависть и презрение". Епископ Жон говорит нам, что "после того, как человек совершил худшее, Христу оставалось вынести еще худшее. Он попал в руки своего отца". Архиепископ Томсон проповедует, что "тучи Божьего гнева сгустились над всем человечеством: они излились только на Иисуса". Он "становится проклятием для нас и сосудом гнева". Лиддон вторит тому же чувству: "Апостолы учат, что люди - рабы, и что Христос на кресте платит за них выкуп. Распятый Христос добровольно предан и проклят"; он даже говорит о "точном количестве позора и боли, необходимых для искупления", и говорит, что "божественная жертва" заплатила больше, чем было абсолютно необходимо ". [215]

Это взгляды, против которых ученый и глубоко религиозный доктор Маклеод Кэмпбелл написал свой хорошо известный труд *"Об искуплении"*, том, содержащий много истинных и прекрасных мыслей; Ф. Д. Морис и многие другие христиане также стремились снять с христианства бремя доктрины, столь разрушительной для всех истинных идей об отношениях между Богом и человеком.

Тем не менее, когда мы оглядываемся назад на последствия, произведенные этой доктриной, мы обнаруживаем, что вера в нее, даже в ее юридической — и для нас грубой экзотерической — форме, связана с некоторыми из самых высоких достижений христианского поведения, и что некоторые из самых благородных примеров христианской мужественности и женственности черпали в ней свою силу, вдохновение и утешение. Было бы несправедливо не признавать этот факт. И всякий раз, когда мы сталкиваемся с фактом, который кажется нам поразительным и неуместным, нам следует остановиться на этом факте и попытаться понять его. Ибо если бы эта доктрина не содержала ничего большего, чем видят в ней ее противники внутри и за пределами церквей, если бы она в своем истинном значении была столь же отвратительной для совести и интеллекта, какой ее считают многие вдумчивые христиане, тогда она, возможно, не имела бы непреодолимого очарования в умах и сердцах людей и не могла бы быть причиной героической самоотдачи, трогательных и патетических примеров самопожертвования на службе человеку. В нем должно быть что-то большее, чем лежит на поверхности, какое-то скрытое зерно жизни, которое питало тех, кто черпал из него свое вдохновение. Изучая ее как одну из Меньших Тайн, мы обнаружим скрытую жизнь, которую эти благородные бессознательно впитали, эти души, которые были настолько едины с этой жизнью, что форма, в которой она была скрыта, не могла их оттолкнуть.

Когда мы приступим к изучению его как одной из Малых Тайн, мы почувствуем, что для его понимания необходимо некоторое духовное развитие, некоторое раскрытие внутренних глаз. Чтобы понять это, требуется, чтобы его дух был частично развит в жизни, и только те, кто практически знает что-то о значении самоотречения, смогут уловить проблеск того, что подразумевается в эзотерическом учении об этой доктрине как типичном проявлении Закона Жертвоприношения. Мы можем понять это только применительно ко Христу, когда мы рассматриваем это как особое проявление универсального закона, отражение внизу Образца наверху, показывающее нам в конкретной человеческой жизни, что означает жертва.

Закон жертвы лежит в основе нашей системы и всех систем, и на нем построены все вселенные. Он лежит в основе эволюции и только он делает ее понятной. В учении об Искуплении оно принимает конкретную форму в связи с людьми, достигшими определенной стадии духовного

развития, стадии, которая позволяет им осознать свое единство с человечеством и стать на деле и по правде Спасителями людей.

Все великие религии мира провозгласили, что вселенная начинается с акта жертвоприношения, и включили идею жертвоприношения в свои самые торжественные обряды. В индуизме считается, что начало проявления происходит через жертвоприношение, [216] человечество возникает благодаря жертвоприношению, [217] и жертвует Собою Божество; [218] цель жертвоприношения - проявление; Он не может проявиться, пока не будет совершен акт жертвоприношения, и поскольку ничто не может проявиться, пока Он не проявится, [219] акт жертвоприношения - это проявление. называется "рассвет" творения.

В зороастрийской религии учили, что в Существовании, которое безгранично, непознаваемо, безымянно, было совершено жертвоприношение и явилось проявленное Божество; Ахура-маздао родился в результате акта жертвоприношения. [220]

В христианской религии та же идея обозначена во фразе: "Агнец, закланный от основания мира", [221] заклан при сотворении мира. Эти слова могут относиться только к важной истине о том, что не может быть основания мира до тех пор, пока Божество не совершит акт жертвоприношения. Этот акт объясняется как ограничение Самого Себя для того, чтобы проявиться. "Закон Жертвы, возможно, правильнее было бы назвать Законом Проявления, или Законом Любви и Жизни, ибо во всей вселенной, от высшего до низшего, он является причиной проявления и жизни". [222]

"Теперь, если мы изучим этот физический мир как наиболее доступный материал, мы обнаружим, что вся жизнь в нем, весь рост, весь прогресс, как для единиц, так и для совокупностей, зависят от постоянных жертвоприношений и стойкости к боли. Минерал приносится в жертву растению, растение - животному, как человеку, так и человек человеку, и все высшие формы снова разрушают и снова укрепляют своими отделенными составляющими низшее царство. Это непрерывная последовательность жертв от низших к высшим, и сам признак прогресса заключается в том, что жертва из непроизвольной и навязанной становится добровольной и самоизбранной, и те, кого человеческий интеллект признает величайшими и больше всего любит человеческое сердце, являются величайшими страдальцами, теми героическими душами, которые трудились, терпели и умерли, чтобы раса могла извлечь пользу из их боли. Если мир является творением Логоса, а законом мирового прогресса в целом и частях является жертвоприношение, тогда Закон Жертвоприношения должен указывать на что-то в самой природе Логоса; он должен иметь свой корень в самой Божественной Природе. Небольшое дальнейшее размышление показывает нам, что если и должен существовать мир, вселенная вообще, то это может быть только благодаря Единому Существованию, обуславливающему Себя и, таким образом, делающему возможным проявление, и что сам Логос является Самоограничивающимся Богом; ограниченным, чтобы стать проявленным; проявленным, чтобы вызвать вселенную к бытию; такое самоограничение и проявление могут быть только высшим актом жертвоприношения, и что удивительного в том, что со всех сторон мир должен демонстрировать свою метку рождения, и что Закон Жертвоприношения должен быть законом бытия, законом производных жизней.

Далее, поскольку это акт самопожертвования ради того, чтобы люди могли появиться на свет, чтобы разделить Божественное блаженство, это поистине замещающий акт — акт, совершаемый ради других; отсюда уже отмеченный факт, что прогресс отмечен тем, что жертва

становится добровольной и выбирается самими собой, и мы осознаем, что человечество достигает своего совершенства в человеке, который отдает себя за людей и своими собственными страданиями приобретает для расы некое высокое благо.

"Здесь, в высших сферах, находится сокровенная истина заместительной жертвы, и как бы она ни была принижена и искажена, эта внутренняя духовная истина делает ее нерушимой, вечной и источником, из которого течет духовная энергия, которая в разнообразных формах и способами искупает мир от зла и возвращает его домой, к Богу". [223]

Когда Логос выходит из "лона Отца" в тот "День", когда Он, как говорят, "рожден", [224] рассвет Дня Творения, Проявления, когда Им Бог "сотворил миры", [225] Он по Своей собственной воле ограничивает Себя, создавая как бы сферу, заключающую в себе Божественную Жизнь, выступающую как сияющий шар Божества, Божественную Субстанцию, Дух внутри и ограничение, или Материю, снаружи. Это покров материи, который делает возможным рождение Логоса, Марии, Матери Мира, необходимое для проявления во времени Вечного, чтобы Божество могло проявиться для созидания миров.

Это ограничение, это самоограничение - акт самопожертвования, добровольное действие, совершаемое ради любви, чтобы от Него могли родиться другие жизни. Такое проявление рассматривалось как смерть, ибо по сравнению с невообразимой жизнью Бога в Самом Себе такое ограничение в материи действительно можно назвать смертью. Как мы видели, это рассматривалось как распятие в материи, и таким образом было изображено истинное происхождение символа креста, будь то в его так называемой греческой форме, где обозначается оживление материи Святым Духом, или в его так называемой латыни, где изображается Небесный Человек, небесный Христос. [226]

Проследивая символику латинского креста, или, скорее, распятия, вплоть до ночи времен, исследователи ожидали, что фигура исчезнет, оставив после себя то, что они приняли за более раннюю эмблему креста. На самом деле произошло с точностью до наоборот, и они были поражены, обнаружив, что в конце концов крест отпадает, оставляя только фигуру с поднятыми руками. С этой фигурой больше не связано никаких мыслей о боли или печали, хотя она по—прежнему говорит о жертве; скорее, теперь это символ чистой радости, которую может вместить мир, — радости безвозмездного даяния, - ибо она олицетворяет Божественного Человека, стоящего в космосе с поднятыми в благословении руками, раздающего Свои дары всему человечеству, свободно изливающего Себя во всех направлениях, нисходящего в это "плотное море" материи, чтобы быть заключенным в нем, чтобы через это нисхождение *мы* могли появиться на свет ". [227]

Это жертвоприношение вечно, ибо в каждой форме этой вселенной бесконечного разнообразия заключена эта жизнь, и это само ее сердце, "Сердце Безмолвия" египетского ритуала, "Скрытый Бог". Эта жертва и есть секрет эволюции. Божественная Жизнь, заключенная в форму, всегда устремляется наружу, чтобы форма могла расширяться, но давит мягко, чтобы форма не разрушилась прежде, чем она достигнет своего предельного предела расширения. С бесконечным терпением, тактом и осмотрительностью Божественный Единый поддерживает постоянное давление, которое расширяется, не теряя силы, которая могла бы разрушить. В каждой форме, в минерале, в растении, в животном, в человеке, эта экспансивная энергия Логоса непрестанно действует. Это эволюционная сила, поднимающаяся жизнь внутри форм, восходящая энергия, которую наука замечает, но не знает, откуда она берется. Ботаник

рассказывает об энергии внутри растения, которая постоянно тянется вверх; он не знает, как, он не знает почему, но он дает ей название — *vis a fronte* — потому что он находит ее там, или, скорее, находит ее результаты. Точно так же, как это происходит в растительной жизни, так происходит и в других формах, делая их все более и более выразительными для внутренней жизни. Когда предел какой-либо формы достигнут, и она не может расти дальше, так что ее душа больше ничего не может получить через нее - тот зародыш Самого Себя, над которым вынашивает Логос, — тогда Он забирает Свою энергию, и форма распадается — мы называем это смертью и разложением. Но душа с Ним, и Он формирует для нее новую форму, и смерть формы - это рождение души к более полной жизни. Если бы мы смотрели глазами Духа, а не глазами плоти, мы не должны были бы плакать над формой, которая представляет собой труп, возвращающий материалы, из которых он был построен, но мы должны радоваться жизни, переходящей в более благородную форму, чтобы в неизменном процессе расширять силы, все еще скрытые внутри.

Благодаря этой постоянной жертве Логоса существуют все жизни; это жизнь, благодаря которой вселенная вечно становится. Эта жизнь Едина, но она воплощает себя в мириадах форм, постоянно сближая их и мягко преодолевая их сопротивление. Таким образом, это единство, объединяющая сила, с помощью которой разделенные жизни постепенно осознают свое единство, трудясь над развитием в каждой самосознания, которое, наконец, осознает себя единым со всеми другими, а свой корень Единым и божественным.

Это первичная и постоянно продолжающаяся жертва, и будет видно, что это излияние Жизни, направляемое Любовью, добровольное и радостное излияние Себя для созидания других "Я". Это "радость Господа твоего" [228], в которую входит верный слуга, многозначительно сопровождаемая заявлением о том, что Он был голоден, хотел пить, наг, болен, странник и в тюрьме, среди детей человеческих, которым помогали или которыми пренебрегали. Для свободного Духа отдавать себя - это радость, и он чувствует свою жизнь тем острее, чем больше изливает себя наружу. И чем больше она отдает, тем больше растет, ибо закон роста жизни таков, что она увеличивается, изливая себя, а не черпая извне — отдавая, а не беря. Таким образом, жертва в ее первичном значении - это предмет радости; Логос изливает Себя, чтобы сотворить мир, и, видя муки Своей души, испытывает удовлетворение. [229]

Но это слово стало ассоциироваться со страданием, и во всех религиозных обрядах жертвоприношения присутствует некоторое страдание, хотя бы из-за незначительной потери для приносящего жертву. Хорошо бы понять, как произошло это изменение, так что, когда используется слово "жертва", инстинктивная коннотация связана с болью.

Объяснение становится очевидным, когда мы переходим от проявляющейся Жизни к формам, в которых она воплощена, и смотрим на вопрос о жертве со стороны форм. В то время как жизнь Жизни заключается в отдаче, жизнь, или постоянство, формы заключается в принятии, ибо форма растрачивается по мере того, как ею пользуются, она уменьшается по мере того, как ее применяют. Если форма хочет сохраниться, она должна черпать свежий материал извне, чтобы восполнить свои потери, иначе она растратится и исчезнет. Форма должна ухватить, сохранить, встроить в себя то, что она ухватила, иначе она не сможет сохраняться; а закон роста формы состоит в том, чтобы принимать и ассимилировать то, что дает более широкая вселенная. Поскольку сознание отождествляет себя с формой, рассматривая форму как саму себя, жертвоприношение приобретает болезненный аспект; считается, что отдавать, сдаваться,

терять то, что было приобретено, подрывает устойчивость формы, и, таким образом, Закон Жертвоприношения становится законом боли, а не законом радости.

Благодаря постоянному разрушению форм и боли, связанной с этим разрушением, человек должен был усвоить, что он должен отождествлять себя не с истощающимися и меняющимися формами, а с растущей постоянной жизнью, и он получил свой урок не только от внешней природы, но и от преднамеренных уроков Учителей, которые дали ему религии.

Мы можем проследить в религиях мира четыре великих этапа обучения Закону Жертвоприношения. Во-первых, человека учили жертвовать частью своего материального имущества, чтобы достичь большего материального процветания, и жертвы совершались в качестве благотворительности людям и подношений Божествам, как мы можем прочитать в Священных Писаниях индусов, зороастрийцев, евреев, да и вообще во всем мире. Человек отказался от чего-то, что он ценил, чтобы обеспечить будущее процветание себе, своей семье, своему сообществу, своей нации. Он пожертвовал настоящим, чтобы получить выгоду в будущем. Во-вторых, был преподан урок, который усвоить было немного труднее; вместо физического процветания и мирских благ плодом жертвоприношения было небесное блаженство. Небеса должны были быть завоеваны, счастьем можно было наслаждаться по ту сторону смерти — такова была награда за жертвы, принесенные в течение земной жизни.

Значительный шаг вперед был сделан, когда человек научился отказываться от того, чего жаждало его тело, ради отдаленного блага, которое он не мог ни увидеть, ни продемонстрировать. Он научился отказываться от видимого ради невидимого и, поступая таким образом, поднялся по шкале бытия; ибо так велико очарование видимого и осязаемого, что если человек способен отказаться от них ради невидимого мира, в который он верит, он приобрел много сил и сделал большой шаг к осознанию этого невидимого мира. Снова и снова терпели мученичество, сталкивались с позором, человек научился стоять в одиночестве, перенося всю боль, несчастье и позор, которые могла вылить на него его раса, взирая на то, что находится за пределами могилы. Правда, в этом все еще остается стремление к небесной славе, но это не так уж мало - иметь возможность оставаться на земле в одиночестве и полагаться на духовное общение, твердо цепляться за внутреннюю жизнь, когда внешняя - сплошная пытка.

Третий урок пришел, когда человек, видя себя частью большей жизни, был готов пожертвовать собой ради блага целого, и таким образом стал достаточно сильным, чтобы признать, что жертва была правильной, что часть, фрагмент, единица в общей сумме жизни должна подчиняться целому, фрагмент тотальности. Затем он научился поступать правильно, не заботясь о результате для своей собственной личности, выполнять долг, не желая результата для себя, терпеть, потому что терпение было правильным, а не потому, что оно увенчалось бы успехом, отдавать, потому что дары были подобающими человечеству, а не потому, что они были бы вознаграждены Господом. Душа героя, обученная таким образом, была готова к четвертому уроку: необходимо принести в жертву все, чем обладает отделенная частица, потому что Дух на самом деле не отделен, а является частью божественной Жизни, и, не зная различий, не чувствуя разделения, человек изливает себя как часть Универсальной Жизни, и в выражении этой Жизни он разделяет радость своего Господа.

Именно на трех ранних стадиях проявляется страдающий аспект жертвы. Первое сопряжено лишь с небольшими страданиями; во втором физическая жизнь и все, что может дать земля,

могут быть принесены в жертву; третье - это великое время испытаний, пробуя, роста и эволюции человеческой души. Ибо на этой стадии долг может потребовать всего, в чем, по-видимому, состоит жизнь, и человек, все еще отождествляющий себя в *чувстве* с формой, хотя и *знающий* себя теоретически превосходящим ее, обнаруживает, что от него требуется все, что он чувствует как жизнь, и спрашивает: "Если я отпущу это, что тогда останется?" Кажется, что само сознание прекратит свое существование с этой капитуляцией, потому что оно должно ослабить свою хватку за все, что оно осознает, и оно не видит ничего, за что можно ухватиться с другой стороны. Непреодолимая убежденность, властный голос призывают его отдать самую свою жизнь. Если он отступает, он должен продолжать жить жизнью ощущений, жизнью интеллекта, жизнью мира, и поскольку у него есть радости, от которых он не смел отказаться, он обнаруживает постоянную неудовлетворенность, постоянную жажду, постоянное сожаление и недостаток удовольствий в мире, и он осознает истинность высказывания Христа о том, что "тот, кто хочет спасти свою жизнь, потеряет ее", [230] и что жизнь, которую любили и за которую цеплялись, в конце концов потеряна. Принимая во внимание, что если он рискует всем, повинаясь зовущему голосу, если он жертвует своей жизнью, то, потеряв ее, он обретает ее для жизни вечной, [231] и он обнаруживает, что жизнь, от которой он отказался, была всего лишь смертью при жизни, что все, от чего он отказался, было иллюзией, и что он обрел реальность. В этом выборе доказывается металл души, и только чистое золото выходит из раскаленной печи, где жизнь, казалось, была отдана, но где она была завоевана. И затем следует радостное открытие, что завоеванная таким образом жизнь завоевана для всех, а не для отделенного "я", что отказ от отделенного "я" означал реализацию "Я" в человеке, и что отказ от ограничений, которые, казалось, только и делали жизнь возможной, означал излияние в мириады форм невообразимой яркости и полноты, "силы бесконечной жизни". [232]

Таков в общих чертах Закон Жертвоприношения, основанный на первичной Жертве Логоса, той Жертве, отражениями которой являются все остальные жертвы.

Мы видели, как человек Иисус, ученик еврея, сложил Свое тело в радостной капитуляции, чтобы высшая Жизнь могла снизойти и воплотиться в форму, которой Он таким образом добровольно пожертвовал, и как благодаря этому поступку Он стал Христом во весь рост, чтобы быть Хранителем христианства и излить Свою жизнь в великую религию, основанную Могуущественным, с которым Его отождествила жертва. Мы видели Душу Христа, проходящую через великие Посвящения — рожденную маленьким ребенком, ступающую в реку мировых скорбей, в водах которой она должна быть крещена для своего активного служения, преображенную на Горе, приведенную к месту своей последней битвы и восторжествовавшую над смертью. Теперь мы должны увидеть, в каком смысле он является искуплением, как в жизни Христа Закон Жертвы находит совершенное выражение.

Начало того, что можно назвать служением Христа, достигшего зрелости, заключается в том сильном и постоянном сочувствии к мирским горестям, символом которого является погружение в реку. С этого времени жизнь должна быть обобщена фразой "Он ходил, творя добро"; ибо те, кто жертвует отделенной жизнью, чтобы быть каналом божественной Жизни, не могут иметь никакого интереса в этом мире, кроме помощи другим. Он учится отождествлять себя с сознанием окружающих его людей, чувствовать так, как чувствуют они, думать так, как думают они, наслаждаться так, как наслаждаются они, страдать так, как страдают они, и таким образом он привносит в свою повседневную бодрствующую жизнь то чувство единства с другими, которое он испытывает в высших сферах бытия. Он должен развить в себе сочувствие,

вибрирующее в совершенной гармонии с многотональной струной человеческой жизни, чтобы он мог соединить в себе человеческую и божественную жизни и стать посредником между небом и землей.

Теперь в нем проявляется сила, ибо Дух почивает на нем, и он начинает выделяться в глазах людей как один из тех, кто способен помочь своим младшим братьям идти по жизненному пути. Когда они собираются вокруг него, они чувствуют силу, которая исходит от него, божественную Жизнь в признанном Сыне Всевышнего. Алчущие души приходят к нему, и он питает их хлебом жизни; больные грехом приближаются к нему, и он исцеляет их живым словом, которое излечивает болезнь и исцеляет душу; слепые невежеством приближаются к нему, и он открывает им глаза светом своей мудрости. Главным признаком его служения является то, что самые низкие и бедные, самые отчаявшиеся и деградировавшие, приближаясь к нему, не чувствуют разделяющей стены, ощущают, когда они толпятся вокруг него, приветствие, а не отвращение; ибо от него исходит любовь, которая понимает и которая, следовательно, никогда не захочет оттолкнуть. Какой бы низкой ни была душа, он никогда не ощущает Душу Христа как стоящую над ним, скорее как стоящую рядом с ним, ступающую человеческими ногами по земле, по которой он тоже ступает; и все же как наполненную какой-то странной возвышающей силой, которая возносит его ввысь и наполняет новым импульсом и свежим вдохновением.

Так он живет и трудится, истинный Спаситель людей, пока не придет время, когда ему придется усвоить еще один урок, на некоторое время утратив сознание той божественной Жизни, выражением которой все больше и больше становится его собственная. И этот урок заключается в том, что истинный центр божественной Жизни находится внутри, а не снаружи. Самость имеет свой центр внутри каждой человеческой души — воистину, это "центр повсюду", ибо Христос находится во всем, а Бог во Христе — и никакая воплощенная жизнь, ничто "из Вечного" [233] может помочь ему в его самой тяжелой нужде. Он должен усвоить, что истинное единство Отца и Сына можно найти внутри, а не вовне, и этот урок может прийти только в полной изоляции, когда он чувствует себя покинутым Богом вне себя. По мере приближения этого испытания он взывает к тем, кто ближе всего к нему, чтобы они бодрствовали вместе с ним в этот час тьмы; и затем, из-за разрушения всякого человеческого сочувствия, угасания всякой человеческой любви, он обнаруживает, что отброшен назад к жизни божественного Духа, и взывает к своему Отцу, чувствуя себя в сознательном единении с Ним, чтобы чаша миновала. Оставшись один, если не считать этого божественного Помощника, он достоин встретить последнее испытание, когда Бог без него исчезает, и остается только Бог внутри. "Боже мой, Боже мой, почему Ты оставил меня?" - раздается горький крик испуганной любви и страха. Последнее одиночество нисходит на него, и он чувствует себя покинутым и одиноким. И все же никогда Отец не бывает ближе к Сыну, чем в тот момент, когда Душа-Христос чувствует себя покинутой, ибо когда он таким образом прикасается к самой глубокой скорби, начинает забрезжить час его триумфа. Ибо теперь он узнает, что сам должен стать Богом, к которому взывает, и, испытав последнюю боль разлуки, он обретает вечное единство, он чувствует, что источник жизни находится внутри, и знает себя вечным.

Никто не может стать полноценным Спасителем людей или в полной мере сочувствовать всем человеческим страданиям, если он не столкнулся лицом к лицу с болью, страхом и смертью и не победил их без посторонней помощи, кроме помощи, которую он черпает у Бога внутри себя. Легко страдать, когда между высшим и низшим существует непрерывное сознание; более того, страдания нет, пока это сознание остается непрерывным, ибо свет высшего делает

невозможной тьму в низшем, и боль не является болью, когда она переносится с улыбкой Бога. Есть страдание, с которым приходится сталкиваться людям, с которым должен столкнуться каждый Спаситель человека, когда человеческое сознание погружено во тьму, и никогда не пробивается ни проблеск света; он должен познать острую боль отчаяния, испытываемую человеческой душой, когда со всех сторон темнота, и бредущее ощупью сознание не может найти руку для пожатия. В эту тьму нисходит каждый Сын Человеческий, прежде чем он восстанет победителем; это самое горькое переживание испытывает каждый Христос, прежде чем он "сможет спасти их до конца" [234] тех, кто ищет Божественного через него.

Такой человек стал поистине божественным, Спасителем людей, и он берется за мировую работу, подготовкой к которой все это было. В него должны влиться все силы, которые действуют против человека, чтобы в нем они могли измениться в силы, которые помогают. Таким образом, он становится одним из центров Мира в мире, которые преобразуют боевые силы, которые иначе сокрушили бы человека. Ибо Христы мира - это центры Мира, в которые вливаются все враждующие силы, которые должны быть изменены внутри них и затем излиты как силы, действующие во имя гармонии.

Часть страданий Христа, еще не совершенного, заключается в этом приведении в гармонию сил, вносящих разлад в мир. Хотя он и Сын, он все же учится через страдания и таким образом "становится совершенным". [235] Человечество было бы гораздо более полно сражений и раздираемо раздорами, если бы не ученики Христа, живущие среди него и приводящие к миру многие из воюющих сил.

Когда говорится, что Христос страдает "за людей", что Его сила заменяет их слабость, Его чистота - их грех, Его мудрость - их невежество, высказывается истина; ибо Христос настолько становится единым целым с людьми, что они делятся с Ним, а Он - с ними. Нет никакой замены Его для них, но принятие их жизней в Его жизнь и вливание Его жизни в их жизнь. Ибо, поднявшись на уровень единства, Он способен поделиться всем, что Он приобрел, отдать все, что Он завоевал. Стоя над уровнем отделенности и глядя сверху вниз на души, погруженные в отделенность, Он может дотянуться до каждой, в то время как они не могут дотянуться друг до друга. Вода может течь сверху во множество труб, открытых к резервуару, хотя и закрытых по отношению друг к другу, и таким образом Он может послать Свою жизнь в каждую душу. Необходимо только одно условие для того, чтобы Христос мог поделиться Своей силой с младшим братом: чтобы в отделенной жизни человеческое сознание открылось божественному, показало себя восприимчивым к предлагаемой жизни и приняло свободно изливаемый дар. Ибо Бог настолько благоговеет перед тем Духом, который Сам пребывает в человеке, что Он даже не изольет в человеческую душу поток силы и жизни, если эта душа не пожелает принять его. Должно быть раскрытие снизу, а также излияние сверху, восприимчивость низшей природы, а также готовность высшей отдавать. Это связующее звено между Христом и человеком; это то, что церкви называют излиянием "божественной благодати"; это то, что подразумевается под "верой", необходимой для того, чтобы сделать благодать действенной. Как однажды сказал Джордано Бруно, в человеческой душе есть окна, и они могут плотно закрываться. Снаружи светит солнце, свет неизменен; пусть окна будут открыты, и солнечный свет должен струиться внутрь. Свет Божий бьется в окна каждой человеческой души, и когда окна распахиваются, душа становится озаренной. В Боге нет изменений, но есть изменения в человеке; и воля человека не может быть принудительной, иначе божественная Жизнь в нем была бы заблокирована в ее должной эволюции.

Таким образом, в каждом воскресающем Христе все человечество поднимается на ступеньку выше, и благодаря Его мудрости невежество всего мира уменьшается. Каждый человек менее слаб благодаря Своей силе, которая изливается на все человечество и входит в отделенную душу. Из этой доктрины, рассматриваемой узко и, следовательно, неправильно, выросла идея заместительного Искупления как юридической сделки между Богом и человеком, в которой Иисус занял место грешника. Не было понято, что Тот, кто достиг этой высоты, был воистину един со всеми Своими братьями; идентичность природы была ошибочно принята за личную замену, и таким образом духовная истина была потеряна в суровости судебного обмена.

Затем он приходит к пониманию своего места в мире, своей функции в природе — быть Спасителем и искупать грехи людей. Он стоит во внутреннем Сердце мира, в Святая Святых, как Первосвященник Человечества. Он един со всеми своими братьями не благодаря заместительной роли, но благодаря единству общей жизни. Есть ли что-нибудь греховное? он грешен в них, чтобы его чистота могла очистить их. Есть ли что-нибудь печальное? в них он человек скорби; каждое разбитое сердце разбивает его, в каждом пронзенном сердце пронзено его сердце. Радует ли кто-нибудь? в них он радостен и изливает свое блаженство. Есть ли какое-нибудь страстное желание? в них он чувствует потребность, чтобы он мог наполнить их своим полным удовлетворением. У него есть все, и поскольку это его, это принадлежит и им. Он совершенен; тогда и они совершенны с ним. Он силен; кто же тогда может быть слабым, раз он в них? Он взобрался на свое высокое место, чтобы излить душу всем, кто ниже его, и он живет для того, чтобы все могли разделить его жизнь. Он поднимает с собой весь мир, когда он поднимается, путь становится легче для всех людей, потому что он прошел его.

"Каждый сын человеческий может стать таким проявленным Сыном Божьим, таким Спасителем мира. В каждом таком Сыне есть "Бог, явленный во плоти", [236] искупление, которое помогает всему человечеству, живая сила, которая делает все новым. Нужно только одно, чтобы привести эту силу в проявленную активность в любой индивидуальной душе; душа должна открыть дверь и впустить Его. Даже Он, всепроникающий, не может силой проложить Свой путь против воли Своего брата; человеческая воля может одинаково противостоять Богу и человеку, и по закону эволюции она должна добровольно присоединиться к божественному действию, а не быть сломленной в угрюмом подчинении. Пусть воля распахнет дверь, и жизнь затопит душу. Пока дверь закрыта, он будет только осторожно вдыхать через нее свой невыразимый аромат, чтобы сладость этого аромата могла победить там, где барьер не может быть преодолен силой.

Отчасти это и значит быть Христом; но как перо смертного может отразить бессмертное или смертные слова рассказать о том, что находится за пределами силы речи? Язык не может произнести, непросветленный разум не может постичь ту тайну Сына, который стал единым с Отцом, нося в Своей груди сынов человеческих". [237]

Те, кто хочет подготовиться к такой жизни в будущем, должны уже сейчас начать ступать в низшей жизни по пути Тени Креста. Они также не должны сомневаться в своей силе подняться, ибо сделать это - значит усомниться в Боге внутри них. "Имей веру в себя" - это один из уроков, который исходит из более высокого взгляда на человека, ибо эта вера действительно заключается в Боге внутри. Есть способ, с помощью которого тень жизни Христа может упасть на обычную жизнь человека, и это совершая каждое действие как жертву, не ради того, что оно принесет делающему, а ради того, что оно принесет другим, и в повседневной обычной жизни с

мелкими обязанностями, мелкими поступками, узкими интересами, изменяя мотив и, таким образом, изменяя все. Ничто во внешней жизни не должно быть обязательно изменено; в любой жизни может быть принесена жертва, в любой обстановке можно служить Богу. Развивающаяся духовность определяется не тем, что человек делает, а тем, как он это делает; не в обстоятельствах, а в отношении человека к ним кроется возможность роста. "И действительно, этот символ креста может стать для нас пробным камнем, позволяющим отличать добро от зла во многих жизненных трудностях. "Только те действия, через которые сияет свет креста, достойны жизни ученика", - гласит один из стихов в книге оккультных максим; и это истолковывается как означающее, что все, что делает стремящийся, должно побуждаться пылом самоотверженной любви. Та же мысль появляется в более позднем стихе: "Когда человек вступает на путь, он возлагает свое сердце на крест; когда крест и сердце становятся одним целым, тогда он достигает цели ". Так что, возможно, мы можем измерить наш прогресс, наблюдая, доминируют ли в нашей жизни эгоизм или самопожертвование ". [238]

Каждая жизнь, которая начинает формироваться таким образом, готовит пещеру, в которой рождается Младенец-Христос, и жизнь станет постоянным единством, все больше и больше привнося божественное в человеческое. Каждая такая жизнь вырастет в жизнь "возлюбленного Сына" и будет иметь в себе славу Христа. Каждый человек может работать в этом направлении, принося в жертву каждое действие и власть, пока золото не очистится от шлака и не останется только чистая руда.

Глава VIII.

ВОСКРЕСЕНИЕ И ВОЗНЕСЕНИЕ.

Доктрины Воскресения и Вознесения Христа также составляют часть Малых Мистерий, являясь неотъемлемыми частями "Солнечного мифа" и истории жизни Христа в человеке.

Что касается Самого Христа, то они имеют свою историческую основу в фактах того, что Он продолжал учить Своих апостолов после Своей физической смерти, и Его появления в Великих Мистериях в качестве Иерофанта после прекращения Его прямых наставлений, пока Иисус не занял Его место. В мифических сказаниях воскрешение героя и его прославление неизменно служили завершением истории его смерти; а в Мистериях тело кандидата всегда погружалось в транс, подобный смерти, во время которого он, как освобожденная душа, путешествовал по невидимому миру, возвращаясь и оживляя тело через три дня. И в истории жизни человека, который становится Христом, мы обнаружим, изучая ее, что драмы Воскресения и Вознесения повторяются.

Но прежде чем мы сможем разумно следовать этой истории, мы должны овладеть очертаниями человеческого строения и понять естественное и духовное тела человека. "Есть естественное тело, и есть духовное тело". [239]

Все еще есть некоторые необразованные люди, которые рассматривают человека просто как двойственность, состоящую из "души" и "тела". Такие люди используют слова "душа" и "дух" как синонимы и безразлично говорят о "душе и теле" или "духе и телесной оболочке", подразумевая, что человек состоит из двух составляющих, одна из которых погибает при смерти, в то время как другая выживает. Для очень простых инежежественных людей этого грубого разделения достаточно, но оно не позволит нам понять тайны Воскресения и Вознесения.

Каждый христианин, хотя бы поверхностно изучивший строение человека, признает в нем три различные составляющие — Дух, Душу и Тело. Это разделение разумно, хотя и нуждается в дальнейшем разделении для более глубокого изучения, и оно было использовано Святым Павлом в его молитве о том, чтобы "весь ваш дух, душа и тело сохранились непорочными". [240] Это тройственное деление принято в христианском богословии.

Сам Дух на самом деле является Троицей, отражением и образом Высшей Троицы, и это мы изучим в следующей главе. [241] Истинный человек, бессмертный, который есть Дух, есть Троица в человеке. Это жизнь, сознание, и к нему принадлежит духовное тело, каждый аспект Троицы имеет свое собственное Тело. Душа двойственна и включает в себя разум и эмоциональную природу с соответствующими им одеяниями. А Тело - это материальный инструмент Духа и Души. Согласно одному христианскому взгляду на человека, он является двенадцатичленным существом, шесть модификаций которого образуют духовного человека, и шесть - естественного человека; согласно другому, он делится на четырнадцать, семь модификаций сознания и семь соответствующих типов формы. Эта последняя точка зрения практически идентична той, которую изучают мистики, и о ней обычно говорят как о семичастной, потому что на самом деле существует семь подразделений, каждое из которых состоит из двух частей, имеющих сторону жизни и сторону формы.

Эти подразделения несколько сбивают с толку и ставят в тупик людей недалеких, и, следовательно, Ориген и Климент, как мы видели, [242] придавали большое значение потребности в интеллекте со стороны всех, кто желал стать гностиками. В конце концов, те, кто находит их неприятными, могут оставить их в стороне, не жалея для серьезного изучающего, который находит их не только просветляющими, но и абсолютно необходимыми для любого ясного понимания Тайн Жизни и Человека.

Слово "Тело" означает проводник сознания или инструмент сознания; то, в чем сознание перемещается, как в транспортном средстве, или что сознание использует для контакта с внешним миром, как механик использует инструмент. Или мы можем сравнить это с сосудом, в котором содержится сознание, как в банке содержится жидкость. Это форма, используемая жизнью, и мы ничего не знаем о сознании, кроме того, что связано с такими формами. Форма может быть из редчайших, тончайших материалов, может быть настолько прозрачной, что мы осознаем только внутреннюю жизнь; тем не менее она есть, и она состоит из Материи. Она может быть настолько плотной, что скрывает внутреннюю жизнь, и мы осознаем только форму; тем не менее жизнь есть, и она состоит из противоположности Материи — Духа. Ученик должен изучать и переосмысливать этот фундаментальный факт — двойственность всего проявленного существования, неразделимое сосуществование Духа и Материи в пылинке, в Логосе, проявленном Боге. Эта идея должна стать частью его самого; в противном случае он должен отказаться от изучения Малых Тайн. Христос, как Бог и Человек, лишь демонстрирует в

космическом масштабе тот же факт двойственности, который повторяется повсюду в природе. На основе этой изначальной двойственности сформировано все во Вселенной.

У человека есть "естественное тело", и оно состоит из четырех различных и разделяемых частей и подвержено смерти. Два из них состоят из физической материи и никогда полностью не отделяются друг от друга до самой смерти, хотя частичное разделение может быть вызвано обезболиванием или болезнью. Эти два состояния вместе могут быть классифицированы как Физическое Тело. При этом человек осуществляет свою сознательную деятельность, пока бодрствует; говоря технически, это его проводник сознания в физическом мире.

Третья часть - это Тело Желаний, названное так потому, что чувственная и страстная природа человека находит в нем свой особый проводник. Во сне человек покидает физическое тело и продолжает в нем свою сознательную деятельность, которая функционирует в невидимом мире, наиболее близком к нашей видимой земле. Следовательно, это его проводник сознания в низшем из сверхфизических миров, который также является первым миром, в который люди переходят после смерти.

Четвертая часть - это Ментальное Тело, названное так потому, что в нем функционирует интеллектуальная природа человека, поскольку она имеет дело с конкретным. Это его проводник сознания во втором из сверхфизических миров, который также является вторым, или низшим небесным миром, в который люди переходят после смерти, когда освобождаются от мира, упомянутого в предыдущем параграфе.

Эти четыре части его окружающей формы, состоящие из двойного физического тела, тела желаний и ментального тела, образуют естественное тело, о котором говорит Святой Павел.

Этот научный анализ выпал из обычного христианского учения, которое является расплывчатым и запутанным в этом вопросе. Не то чтобы церкви никогда не обладали этим; напротив, это знание о строении человека составляло часть учений Малых Мистерий; простое разделение на Дух, Душу и Тело было экзотерическим, первое грубое и готовое разделение, данное в качестве основы. Разделение в отношении "Тела" было произведено в ходе последующего обучения, в качестве предварительной подготовки, посредством которой инструктор давал своему ученику возможность отделять один проводник от другого и использовать каждый как проводник сознания в соответствующей области.

Эту концепцию следует усвоить достаточно легко. Если человек хочет путешествовать по твердой земле, он использует в качестве средства передвижения карету или поезд. Если он хочет путешествовать по жидким морям, он меняет свое транспортное средство и садится на корабль. Если он хочет путешествовать по воздуху, он снова меняет свое транспортное средство и использует воздушный шар. Это один и тот же человек во всем, но он использует три разных транспортных средства, в зависимости от вида материи, в которой он хочет путешествовать. Аналогия грубая и неадекватная, но она не вводит в заблуждение. Когда человек занят в физическом мире, его проводником является физическое тело, и его сознание работает в этом теле и через него. Когда он переходит в мир за пределами физического, во сне и после смерти, его проводником является тело желаний, и он может научиться использовать его сознательно, как он сознательно использует физическое. Он уже использует это неосознанно каждый день своей жизни, когда он что-то чувствует и желает, а также каждую ночь своей жизни. Когда он переходит в небесный мир после смерти, его проводником является ментальное тело, и им он

также пользуется ежедневно, когда думает, и в мозгу не было бы мыслей, если бы их не было в ментальном теле.

Далее, у человека есть "духовное тело". Она состоит из трех отделимых частей, каждая из которых принадлежит одному из трех Лиц в Троице человеческого Духа и отделяет их друг от друга. Святой Павел говорит о том, что он "был восхищен на третье небо" и там услышал "неизреченные слова, которые человеку не дозволено произносить". [243] Эти различные области невидимых небесных миров известны Посвященным, и они хорошо осознают, что те, кто выходит за пределы первого неба, нуждаются в истинно духовном теле в качестве своего проводника, и что в соответствии с развитием трех его отделов они могут проникнуть на небеса.

Низшее из этих трех подразделений обычно называется Причинным Телом по причине, которая будет полностью усвоена только теми, кто изучал учение о Реинкарнации, которому учили в Ранней Церкви, и кто понимает, что человеческой эволюции требуется очень много последовательных жизней на земле, прежде чем зародышевая душа дикаря сможет стать совершенной душой Христа, а затем, став совершенным, как Отец Небесный, [244] может осознать союз Сына с Отцом. [245] Это тело, которое сохраняется из жизни в жизнь, и в нем хранится вся память о прошлом. Из него исходят причины, которые создают нижние тела. Это вместилище человеческого опыта, сокровищница, в которой хранится все, что мы собираем в своей жизни, вместилище Совести, носитель Воли.

О втором из трех подразделений духовного тела говорит Святой Павел в знаменательных словах: "Мы имеем Божье строение, дом нерукотворенный, вечный на небесах". [246] Это Тело Блаженства, прославленное тело Христа, "Тело Воскресения". Это не тело, "созданное руками" путем работы сознания в низших проводниках; оно не формируется опытом, не строится из материалов, собранных человеком в его долгом паломничестве. Это тело, которое принадлежит жизни Христа, жизни Посвящения; божественному раскрытию в человеке; оно построено Богом, деятельностью Духа, и растет в течение всей жизни или жизней Посвящаемого, достигая своего совершенства только при "Воскресении".

Третье подразделение духовного тела - это тонкая пленка тонкой материи, которая отделяет индивидуальный Дух как Существо, и все же допускает взаимопроникновение всего всеми и, таким образом, является выражением фундаментального единства. В тот день, когда Сам Сын "будет подчинен Тому, Кто все подчинил Ему, да будет Бог всем во всем", [247] этот фильм будет превзойден, но для нас он остается высшим подразделением духовного тела, в котором мы восходим к Отцу и соединяемся с Ним.

Христианство всегда признавало существование трех миров, или областей, через которые проходит человек: во-первых, физического мира; во-вторых, промежуточного состояния, в которое он переходит после смерти; в-третьих, небесного мира. Образованные христиане повсеместно верят в эти три мира; только необразованные люди воображают, что человек переходит со своего смертного одра в окончательное состояние блаженства. Но есть некоторые расхождения во мнениях относительно природы промежуточного мира. Римско-католики называют это Чистилищем и верят, что в него попадает каждая душа, за исключением души Святого, человека, достигшего совершенства, или человека, умершего в "смертном грехе". Огромная масса человечества переходит в очищающую область, где человек остается в течение периода, продолжительность которого варьируется в зависимости от совершенных им грехов, и переходит из нее в небесный мир только тогда, когда он становится чистым.

Различные общины, называемые протестантскими, различаются в своих учениях относительно деталей и в основном отвергают идею *посмертного* очищения; но в целом они согласны с тем, что существует промежуточное состояние, иногда называемое "Раем" или "периодом ожидания". Небесный мир почти повсеместно в современном христианском мире рассматривается как конечное состояние, без какого-либо очень определенного или общего представления о его природе или о прогрессе или постоянном состоянии тех, кто достигает его. В раннем христианстве эти небеса считались, как это и есть на самом деле, стадией в развитии души, перевоплощением в той или иной форме, предсуществованием души, чему тогда очень широко учили. Результатом было, конечно, то, что небесное состояние было временным, хотя часто и очень продолжительным, длившимся "целую эпоху" — как сказано в греческом тексте Нового Завета, причем эпоха заканчивалась возвращением человека для следующего этапа его продолжающейся жизни и прогресса, — а не "вечным", как в неправильном переводе английской авторизованной версии. [248]

Чтобы завершить описание, необходимое для понимания Воскресения и Вознесения, мы должны увидеть, как эти различные тела развиваются в ходе высшей эволюции.

Физическое тело находится в постоянном движении, его мельчайшие частицы постоянно обновляются, так что оно постоянно строится; и поскольку оно состоит из пищи, которую мы едим, жидкостей, которые мы пьем, воздуха, которым мы дышим, и частиц, взятых из нашего физического окружения, как людей, так и вещей, мы можем постоянно очищать его, тщательно выбирая материалы, и таким образом делать его все более чистым проводником для действий, восприимчивым к более тонким вибрациям, отзывчивым на более чистые желания, на более благородные и возвышенные мысли. По этой причине все, кто стремился постичь Мистерии, были подчинены правилам питания, омовения и т.д., и от них требовалось быть очень осторожными в отношении людей, с которыми они общались, и мест, в которые они ходили.

Тело желаний также изменяется аналогичным образом, но материалы для него вытесняются и втягиваются игрой желаний, возникающих из чувств, страстей и эмоций. Если они грубые, то материалы, встроенные в тело желаний, также грубые, в то время как по мере их очищения тело желаний становится тонким и становится очень чувствительным к высшим влияниям. По мере того, как человек доминирует над своей низшей природой и становится бескорыстным в своих желаниях, чувствах и эмоциях, по мере того, как он делает свою любовь к окружающим менее эгоистичной и алчной, он очищает этот высший проводник сознания; результатом является то, что, покидая тело во сне, он получает более высокие, чистые и поучительные переживания, и когда он покидает физическое тело после смерти, он быстро проходит через промежуточное состояние, тело желаний распадается с большой скоростью и не задерживает его в его дальнейшем путешествии.

Ментальное тело сейчас строится аналогичным образом, в данном случае с помощью мыслей. Это будет проводник сознания в небесном мире, но сейчас он строится с помощью устремлений, воображения, разума, суждений, художественных способностей, с использованием всех ментальных сил. Каким его делает человек, таким он и должен его носить, и продолжительность и богатство его небесного состояния зависят от типа ментального тела, которое он построил за свою жизнь на земле.

По мере того, как человек вступает в высшую эволюцию, это тело начинает независимую деятельность по эту сторону смерти, и он постепенно осознает свою небесную жизнь даже

среди круговорота мирского существования. Тогда он становится "Сыном человеческим, который на небесах", [249] который может говорить с авторитетом знания о небесных вещах. Когда человек начинает жить жизнью Сына, перейдя на Путь Святости, он живет на небесах, оставаясь при этом на земле, вступая в сознательное владение и пользование этим небесным телом. И поскольку небеса находятся недалеко от нас, но окружают нас со всех сторон, и мы закрыты от них только из-за нашей неспособности чувствовать их вибрации, а не из-за их отсутствия; поскольку эти вибрации воздействуют на нас в каждый момент нашей жизни; все, что нужно, чтобы оказаться на Небесах, - это осознать эти вибрации. Мы осознаем их благодаря оживлению, организации, эволюции этого небесного тела, которое, будучи построено из небесных материалов, отвечает вибрациям материи небесного мира. Следовательно, "Сын человеческий" всегда находится на небесах. Но мы знаем, что "Сын человеческий" - это термин, применяемый к Посвященному, но не к воскресшему и прославленному Христу, а к Сыну, пока он еще "совершенствуется". [250]

На этапах эволюции, ведущих к Пути Испытания и включающих его в себя, первое подразделение духовного тела — Причинное Тело - быстро развивается и позволяет человеку после смерти подняться на второе небо. После Второго Рождения, рождения Христа в человеке, начинается построение Тела Блаженства "на небесах". Это тело Христа, развивающееся в дни Его служения на земле, и по мере его развития сознание "Сына Божьего" становится все более и более выраженным, и грядущее единение с Отцом озаряет раскрывающийся Дух.

В христианских мистериях — как и в древнеегипетских, халдейских и других — присутствовал внешний символизм, выражавший стадии, через которые проходил человек. Его привели в комнату Посвящения, и он был распростерт на земле с вытянутыми руками, иногда на деревянном кресте, иногда просто на каменном полу, в позе распятого человека. Затем его коснулись тирсом на сердце — "копьем" распятия — и, покинув тело, он перешел в потусторонние миры, тело впало в глубокий транс, смерть распятого. Тело поместили в каменный саркофаг и оставили там под тщательной охраной. Тем временем сам человек ступил сначала в странные темные области, называемые "сердцем земли", а затем на небесную гору, где он облачился в совершенное тело блаженства, теперь полностью организованное как проводник сознания. В этом он вернулся в тело из плоти, чтобы вновь оживить его. Крест, на котором лежало это тело, или зачарованное и неподвижное тело, если крест не использовался, вынимали из саркофага и помещали на наклонную поверхность лицом к востоку, готовую к восходу солнца на третий день. В тот момент, когда лучи солнца коснулись лица, Христос, совершенный Посвященный или Мастер, вновь вошел в тело, прославляя его телом блаженства, которое Он носил, изменяя тело из плоти при контакте с телом блаженства, придавая ему новые свойства, новые силы, новые способности, преобразуя его по Своему подобию. Это было Воскресение Христа, и после этого само тело из плоти изменилось и приняло новую природу.

Вот почему солнце всегда считалось символом воскресающего Христа и почему в пасхальных гимнах постоянно упоминается о восходе Солнца Праведности. Так же написано и о торжествующем Христе: "Я Тот, Кто жив и был мертв; и вот, Я жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти". [251] Все силы низших миров были взяты под власть Сына, Который одержал славную победу; над Ним смерть больше не властна, "Он держит жизнь и смерть в Своей сильной руке". [252] Он - воскресший Христос, Христос торжествующий.

Вознесение Христа было Тайной третьей части духовного тела, облачением в Одежды Славы, подготовлением к соединению Сына с Отцом, человека с Богом, когда Дух вновь вошел в славу, которую он имел "прежде, чем был мир". [253] Тогда троиственный Дух становится единым, осознает себя вечным, и обнаруживается Скрытый Бог. Это отражено в доктрине Вознесения, насколько это касается индивидуума.

Вознесение человечества - это когда вся раса достигает состояния Христа, состояния Сына, и этот Сын становится единым с Отцом, а Бог есть все во всем. Такова цель, предвосхищенная триумфом Посвященных, но достигнутая только тогда, когда человеческая раса достигнет совершенства и когда "великое сиротское Человечество" перестанет быть сиротой, но сознательно признает себя Сыном Божьим.

Таким образом, изучая доктрины Искупления, Воскресения и Вознесения, мы приходим к истинам, раскрытым относительно них в Малых Мистериях, и начинаем понимать всю истину апостольского учения о том, что Христос был не уникальной личностью, но "первым плодом почивших", [254] и что каждый человек должен был стать Христом. Тогда Христос не рассматривался как внешний Спаситель, благодаря вменяемой праведности которого люди должны были быть спасены от божественного гнева. В Церкви было распространено славное и вдохновляющее учение о том, что Он был всего лишь первым плодом человечества, образцом, который каждый человек должен воспроизвести в себе, жизнью, которую все должны разделить. Посвященные всегда считались этими первыми плодами, обещанием совершенной расы. Для раннего христианина Христос был живым символом его собственной божественности, великолепным плодом семени, которое он носил в своем собственном сердце. Не быть спасенным внешним Христом, но быть прославленным во внутреннем Христе - таково было учение эзотерического христианства, Малых Мистерий. Стадия ученичества должна была перейти в стадию Сыновства. Жизнь Сына должна была быть прожита среди людей до тех пор, пока она не завершится Воскресением, и прославленный Христос не станет одним из совершенных Спасителей мира.

Насколько это более великое Евангелие, чем Евангелие наших дней! По сравнению с этим грандиозным идеалом эзотерического христианства экзотерическое учение церковей действительно кажется узким и убогим.

Глава IX.

ТРОИЦА.

Всякое плодотворное изучение Божественного Существования должно начинаться с утверждения Того, что оно Едино. Все Мудрецы так провозглашали Это; каждая религия так утверждала Это; каждая философия так утверждает Это — "Только Одно, без второго". [255] "Услышь, о Израиль!" - воскликнул Моисей, - "Господь, Бог наш, есть Господь единый". [256] "Для нас есть только один Бог", [257] заявляет Святой Павел. "Нет Бога, кроме Аллаха", - утверждает основатель ислама и делает эту фразу символом своей веры. Единое безграничное Существование, известное в Своей полноте только Самому Себе — это слово кажется более

почтительным и всеобъемлющим, чем Он, и поэтому используется. Это Вечная Тьма, из которой рождается Свет.

Но как Проявленный Бог, Единый предстает как Трое. Троица Божественных Существ, Один как Бог, Трое как проявленные Силы. Это также всегда провозглашалось, и истина настолько важна в своем отношении к человеку и его эволюции, что она всегда составляет существенную часть Малых Мистерий.

Среди евреев, вследствие их антропоморфизирующих тенденций, доктрина держалась в секрете, но раввины изучали От Века Древних и поклонялись им, от которых исходила Мудрость, от которых Исходило Понимание — Кетер, Хохма, Бина, они составляли Высшую Троицу, сияние во времени Единого вне времени. Книга мудрости Соломона ссылается на это учение, превращающее Мудрость в Существо. Согласно Морису, "Первая Сефира, которую называют Кетер Корона, Кадмон чистый Свет и Эн Соф Бесконечность", [258] является всемогущим Отцом Вселенной.... Вторая - это Хохма, которая, как мы достаточно доказали, как из священных, так и раввинских писаний, является созидательной Мудростью. Третья - это Бина, или небесный Разум, откуда египтяне получили свой *Сперх*, а Платон - свой *Разум Демииурга*. Он - Святой Дух, который ... пронизывает, оживляет и управляет этой безграничной вселенной". [259]

Влияние этой доктрины на христианское учение указано дином Милманом в его *Истории христианства*. Он говорит: "Это Существо [Слово или Мудрость] более или менее отчетливо олицетворялось в соответствии с более популярными или более философскими, более материальными или более абстрактными представлениями эпохи или народа. Это было учение от Ганга или даже берегов Желтого моря до Иллисса; это был фундаментальный принцип индийской религии и индийской философии; это была основа зороастризма; это был чистый платонизм; это был платонический иудаизм александрийской школы. Можно было бы процитировать много прекрасных отрывков из Филона о невозможности того, чтобы первое самосущее Существо стало доступным человеческому восприятию; и даже в Палестине, без сомнения, Иоанн Креститель и Сам Господь наш излагали не новую доктрину, а скорее общее мнение более просвещенных, когда они заявляли, "что ни один человек никогда не видел Бога". В соответствии с этим принципом евреи в толковании древних Писаний вместо прямого и осязаемого общения от единого великого Божества использовали одно или несколько промежуточных существ в качестве каналов общения. Согласно одной признанной традиции, на которую ссылается Святой Стефан, закон был передан "по воле ангелов"; согласно другой, эта обязанность была возложена на одного ангела, иногда называемого Ангелом Закона (см. Гал. 19); у других - Метатрон. Но более обычным представителем Бога для чувств и разума человека было Мемра, или Божественное Слово; и замечательно, что то же самое название встречается в индийской, персидской, платоновской и александрийской системах. Таргумисты, самые ранние еврейские комментаторы Священных Писаний, уже применяли этот термин к Мессии; нет необходимости также обращать внимание на то, каким образом он был освящен путем его введения в христианскую схему". [260]

Как выше сказал ученый Декан, идея Слова, Логоса, была универсальной и составляла часть идеи Троицы. Среди индуистов философы говорят о проявленном Брахмане как о Сат-Чит-Ананде, Существовании, Разуме и Блаженстве. В народе Проявленный Бог - это Троица; Шива - Начало и Конец; Вишну - Хранитель; Брахма - Творец Вселенной. Зороастрийская вера представляет подобную Троицу; Ахурамаздао, Великий, Первый; затем "близнецы", двойное

Второе Лицо — ибо Второе Лицо в Троице всегда двойственное, деградировавшее в наши дни в противостоящих Бога и Дьявола — и Вселенская Мудрость, Армаити. В Северном буддизме мы находим Амитабху, безграничный Свет; Авалокитешвару, источник воплощений, и Вселенский Разум, Манджушри. В Южном буддизме идея Бога исчезла, но с заметным упорством вновь появляется троиственность как то, в чем южный буддист находит свое прибежище — Будда, Дхарма (Доктрина), Сангха (Порядок). Но Самому Будде иногда поклоняются как Троице; на камне в Будда-Гайе начертано приветствие Ему как воплощению Вечного, и сказано: "Ом! Ты - Брахма, Вишну и Махеша (Шива)... Я поклоняюсь Тебе, прославленному под тысячью имен и в различных формах, в образе Будды, Бога Милосердия". [261]

В исчезнувших религиях встречается та же идея Троицы. В Египте она доминировала во всех религиозных культах. "У нас в Британском музее есть геороглифическая надпись времен правления Сенека в восьмом веке до начала христианской эры, показывающая, что доктрина Троицы в Единстве уже была частью их религии". [262] Это относится к гораздо более ранней дате. Ра, Осирис и Гор составляли одну широко почитаемую Троицу; Осирису, Исиде и Гору поклонялись в Абидосе; другие имена даны в разных городах, а треугольник является часто используемым символом Троицы. Идея, лежащая в основе этих Троиц, как бы они ни назывались, показана в отрывке, процитированном из Маркуса, в котором оракул, упрекая гордыню Александра Македонского, говорит: "Сначала Бог, затем Слово, а с ними и Дух". [263]

В Халдее Ану, Эа и Бел были Верховной Троицей, Ану был Источником всего, Эа - Мудростью, а Бел - созидательным Духом. О Китае Уильямсон замечает: "В древнем Китае императоры каждый третий год приносили жертвы 'Тому, кто один и три'. Была китайская поговорка: 'Фо - одна личность, но имеет три формы'. ... В возвышенной философской системе, известной в Китае как даосизм, также фигурирует троика: 'Вечный Разум произвел Одно, Один произвел Два, Двое произвели Три, а трое произвели все вещи', что, как продолжает Ле Конт, 'кажется, показывает, как если бы они обладали некоторым знанием о Троице'". [264]

В христианском учении о Троице мы находим полное согласие с другими верованиями относительно функций трех Божественных Личностей, слово Person происходит от *persona*, маска, то, что что-то прикрывает, маска Единого Существования, Его Самораскрытия в форме. Отец - это Начало и Конец всего; Сын двойствен по Своей природе и является Словом, или Мудростью; Святой Дух - это созидательный Разум, который, витая над хаосом первозданной материи, организует ее в материалы, из которых могут быть созданы формы.

Именно это совпадение функций под столь многими различными названиями показывает, что мы имеем здесь не просто внешнее сходство, но выражение внутренней истины. Есть нечто, проявлением чего является эта троиственность, нечто, что можно проследить в природе и эволюции, и что, будучи распознанным, сделает понятным рост человека, этапы его эволюционирующей жизни. Далее, мы обнаруживаем, что на универсальном языке символизма Личности различаются определенными эмблемами, и они могут быть узнаваемы по ним под различными формами и именами.

Но есть еще один момент, который необходимо запомнить, прежде чем мы оставим экзотерическое утверждение о Троице — что в связи со всеми этими Троицами существует четвертое фундаментальное проявление, Сила Бога, и оно всегда имеет женскую форму. В индуизме каждая Личность в Троице обладает Своей проявленной Силой, Единым и этими шестью аспектами, составляющими священную Семерку. Во многих Троицах появляется одна

женская форма, которая всегда особенно связана со Вторым Лицом, и тогда возникает священная Четверица.

Давайте теперь посмотрим на внутреннюю истину.

Единый проявляется как Первое Существо, Самосуший Господь, Корень всего, Верховный Отец; слово Воля, или Могущество, кажется, лучше всего выражает это первичное Самораскрытие, поскольку до тех пор, пока есть Воля к проявлению, не может быть никакого проявления, а до тех пор, пока не проявлена Воля, отсутствует импульс для дальнейшего раскрытия. Можно сказать, что вселенная коренится в божественной Воле. Затем следует второй аспект Единого— Мудрость; Сила управляется Мудростью, и поэтому написано, что "без Него не было создано ничего, что создается"; [265] Мудрость двойственна по своей природе, как сейчас будет видно. Когда раскрываются аспекты Воли и Мудрости, должен последовать третий аспект, чтобы сделать их эффективными, — Созидательный Разум, божественный разум в Действии. Еврейский пророк пишет: "Он сотворил землю Своей Силой, Он утвердил мир Своей Мудростью; и простер небеса Своим Пониманием", [266] ссылка на три функции очень ясна. [267] Эти Три неразделимы, три аспекта Одного. Их функции можно рассматривать по отдельности, ради ясности, но их нельзя разделять. Каждая необходима каждой, и каждая присутствует в каждой. В Первом Существо Воля, Сила рассматриваются как преобладающие, характерные, но также присутствуют Мудрость и Творческое Действие; во Втором Существо Мудрость рассматривается как преобладающая, но Сила и Творческое Действие, тем не менее, присущи Ему; в Третьем Существо Творческое Действие рассматривается как преобладающее, но Сила и Мудрость всегда также видны. И хотя используются слова "Первый", "Второй", "Третий", поскольку Существа таким образом проявляются во Времени в порядке Самораскрытия, все же в Вечности они известны как взаимозависимые и равноправные, "Ни одно не больше и не меньше Другого". [268]

Эта Троица есть божественное Я, божественный Дух, Проявленный Бог, Тот, Кто "был, есть и грядет", [269] и Он является корнем фундаментальной тройственности в жизни, в сознании.

Но мы видели, что было Четвертое Лицо, или в некоторых религиях вторая Троица, женского рода, Мать. Это То, что делает возможным проявление, То, что вечно в Едином является корнем ограничения и разделения и что, когда проявляется, называется Материей. Это божественное Не-Я, божественная Материя, проявленная Природа. Рассматриваемая как Единое Целое, Она Четвертая, делающая возможной деятельность Трех, Поле Их деятельности в силу Своей бесконечной делимости, одновременно "Служанка Господа", [270], а также Его Мать, отдающая Свою субстанцию для формирования Его Тела, вселенной, когда Ее осеняет Его сила. [271] При тщательном рассмотрении Она также представляется тройственной, существующей в трех неразделимых аспектах, без которых Ее не могло бы быть. Это Стабильность—Инерция или Соппротивление—Движению и Ритму; они называются фундаментальными или существенными качествами Материи. Только они делают Дух действенным и поэтому рассматриваются как проявленные Силы Троицы. Стабильность или Инерция обеспечивает основу, точку опоры для рычага; тогда движение становится явным, но может породить только хаос, затем устанавливается ритм, и в вибрации возникает Материя, способная к приданию формы. Когда три качества находятся в равновесии, остается Одно, Первичная Материя, непродуктивная. Когда сила Высшего осеняет Ее, и дыхание Духа нисходит на Нее, качества выходят из равновесия, и Она становится божественной Матерью миров.

Первое взаимодействие происходит между Ней и Третьим Лицом Троицы; благодаря Его действию Она становится способной рождать форму. Затем раскрывается Вторая Личность, которая облачается в предоставленный таким образом материал и таким образом становится Посредником, соединяющим в Своем собственном Лице Дух и Материю, Архетип всех форм. Только через Него раскрывается Первый Человек как Отец всех Духов.

Теперь можно понять, почему Второе Лицо Духовной Троицы всегда двойственно; Это Тот, Кто облачается в Материю, в ком две половины Божества проявляются в союзе, а не как одно целое. Отсюда и Его Мудрость; ибо Мудрость со стороны Духа - это Чистый Разум, который знает себя как Единое "Я" и знает все вещи в этом "Я", а со стороны Материи - это Любовь, объединяющая бесконечное разнообразие форм воедино и делающая каждую форму единым целым, а не простым нагромождением частиц — принцип притяжения, который удерживает миры и все в них в совершенном порядке и равновесии. Это Мудрость, о которой говорится как о "могущественном и сладостном упорядочивании всех вещей", [272] которая поддерживает и сохраняет вселенную.

В мировых символах, встречающихся в каждой религии, Точка — то, что имеет только положение, — была принята за символ Первого Лица в Троице. По поводу этого символа святой Климент Александрийский замечает, что мы абстрагируемся от тела его свойств, затем глубины, затем ширины, затем длины; "остающаяся точка является, так сказать, единицей, имеющей положение; из которого, если мы абстрагируемся от положения, возникает концепция единства". [273] Он как бы сияет из бесконечной Тьмы точкой Света, центром будущей вселенной, Единицей, в которой все существует нераздельно; материя, которая должна сформировать вселенную, поле Его работы, обозначено возвратно-поступательной вибрацией Точки во всех направлениях, обширной сферой, ограниченной Его Волей, Его Сила. Это сотворение "земли Силою Его", о котором говорит Иеремия. [274] Таким образом, полный символ представляет собой точку внутри сферы, обычно представленную в виде точки внутри круга. Второе Лицо представлено Линией, диаметром этого круга, единой полной вибрацией Точки, и эта Линия одинаково проходит во всех направлениях внутри сферы; эта Линия, разделяющая круг надвое, также означает Его двойственность, что в Нем Материя и Дух — единство в Первом Лице — явно являются двумя, хотя и находятся в союзе. Третье лицо представлено Крестом, образованным двумя диаметрами, расположенными под прямым углом друг к другу внутри круга, вторая линия Креста отделяет верхнюю часть круга от нижней. Это греческий крест. [275]

Когда Троица представлена как Единство, используется Треугольник, либо вписанный в круг, либо свободный. Вселенная символизируется двумя переплетенными треугольниками: Троицей Духа с вершиной треугольника вверх, Троицей Материи с вершиной треугольника вниз, и если используются цвета, то первый - белый, желтый, золотистый или цвета пламени, а второй - черный или какого-либо темного оттенка.

Теперь можно легко проследить космический процесс. Единое стало Двумя, а Двое - Тремя, и Троица раскрыта. Материя Вселенной выделена и ожидает действия Духа. Это "в начале" Книги Бытия, когда "Бог сотворил небо и землю", [276] утверждение, дополнительно разъясняемое повторяющимися фразами о том, что Он "заложил основания земли"; [277] здесь мы имеем выделение материала, но простой хаос, "бесформенный и пустой". [278]

С этого начинается действие Творческого Разума, Святого Духа, который "двигался по поверхности вод", [279] безбрежного океана материи. Таким образом, Его деятельность была первой, хотя Он был Третьим Лицом — момент огромной важности.

В "Мистериях" эта работа была показана во всех подробностях как приготовление материи Вселенной, образование атомов, сведение их вместе в агрегаты и группировка их в элементы, а из них снова в газообразные, жидкие и твердые соединения. Эта работа включает в себя не только тот вид материи, который называется физическим, но и все тонкие состояния материи в невидимых мирах. Далее, Он как "Дух Понимания" задумал формы, в которые должна быть придана подготовленная материя, не создавая самих форм, а посредством действия Творческого Разума, создающего Идеи о них, небесные прототипы, как их часто называют. Это та работа, о которой говорится, когда написано, что Он "распростер небеса Своим Разумением". [280]

Работа Второго Человека следует за работой Третьего. Он в силу Своей Мудрости "основал мир", [281] построив все глобусы и все вещи на них, "все вещи были созданы Им". [282] Он является организующей Жизнью миров, и все существа укоренены в Нем. [283] Жизнь Сына, проявленная таким образом в материи, подготовленной Святым Духом, — опять же великий "Миф" о Воплощении — это жизнь, которая созидает, сохраняет и поддерживает все формы, ибо Он есть Любовь, притягивающая сила, которая придает связность формам, позволяя им расти, не распадаясь на части, Хранитель, Опора, Спаситель. Вот почему все должны быть подчинены Сыну, [284] все должно быть собрано в Нем, и почему "никто не приходит к Отцу, как только через" Него. [285]

Ибо работа Первого Человека следует за работой Второго, как работа Второго следует за работой Третьего. О Нем говорят как об "Отце Духов", [286] "Бог Духов всякой плоти", [287] и Он является даром божественного Духа, истинного "Я" в человеке. Человеческий Дух - это излитая божественная Жизнь Отца, излитая в сосуд, приготовленный Сыном из материалов, оживленных Духом. И этот Дух в человеке, происходящий от Отца, от которого произошли Сын и Святой Дух, представляет собой Единство, подобное Ему Самому, с тремя аспектами в Одном, и, таким образом, человек действительно создан "по образу нашему, по подобию нашему", [288] и способен стать "совершенным, как совершенен Отец ваш Небесный". [289]

Таков космический процесс, и в эволюции человека он повторяется: "как вверху, так и внизу".

Троица Духа в человеке, будучи по божественному подобию, должна проявлять божественные характеристики, и таким образом мы находим в нем Силу, которая, будь то в высшей форме Воли или в низшей форме Желания, дает импульс его эволюции. Мы находим также в нем Мудрость, Чистый Разум, который находит свое выражение в мире форм в Любви, и, наконец, Интеллект, или Разум, активную формирующую энергию. И в человеке мы также обнаруживаем, что проявление этих качеств в его эволюции происходит от третьего ко второму и от второго к первому. Масса человечества раскрывает разум, развивает интеллект, и мы можем видеть его разделяющее действие повсюду, как бы изолируя человеческие атомы и развивая каждый по отдельности, чтобы они могли стать подходящим материалом для построения божественной Человечности. К этому моменту гонка только началась, и здесь она все еще работает.

Изучая небольшое меньшинство нашей расы, мы видим, что проявляется второй аспект божественного Духа в человеке, и мы говорим о нем в христианском мире как о Христе в

человеке. Его эволюция лежит, как мы видели, за пределами первого из Великих Посвящений, и мудрость и Любовь являются отличительными чертами Посвященного, сияя все больше и больше по мере того, как он развивает этот аспект Духа. И здесь снова верно, что "никто не приходит к Отцу, как только через Меня", ибо только тогда, когда жизнь Сына приближается к завершению, Он может молиться: "Ныне, О Отец, прославь Меня от Себя Самого, той славой, которую Я имел с Тобою прежде, чем был мир". [290] Затем Сын восходит к Отцу и становится единым с Ним в божественной славе; Он проявляет самобытие, существование, присущее его божественной природе, раскрытое от семени до цветка, ибо "как Отец имеет жизнь в Себе, так и Сыну Он дал иметь жизнь в Себе". [291] Он становится живым самосознающим Центром в Жизни Бога, Центром, способным существовать как таковой, больше не связанным ограничениями своей предыдущей жизни, расширяющимся до божественного сознания, сохраняя при этом непоколебимой идентичность своей жизни, живым, огненным Центром в Божественном Пламени.

В этой эволюции сейчас заложена возможность божественных Воплощений в будущем, поскольку эта эволюция в прошлом сделала возможными божественные Воплощения в нашем собственном мире. Эти живые Центры не теряют ни Своей идентичности, ни памяти о Своем прошлом, о том, что Они испытали в ходе долгого восхождения вверх; и такое Самосознающее Существо может выйти из Лона Отца и открыться для помощи миру. Он сохранил в Себе единство Духа и Материи, двойственность Второго Лица — следовательно, все божественные Воплощения во всех религиях связаны со Вторым Лицом в Троице — и, следовательно, может легко переодеться для физического проявления и снова стать Человеком. Эту природу Посредника Он сохранил и, таким образом, является связующим звеном между небесной и земной Троицами, "Бог с нами" [292] Ему когда-либо звонили.

Такое Существо, великолепный плод прошлой вселенной, может прийти в нынешний мир со всем совершенством Своей божественной Мудрости и Любви, со всей памятью о Своем прошлом, способное благодаря этой памяти быть совершенным Помощником каждого живого Существа, знающее каждый этап, потому что Оно прожило его, способное помочь в любой момент, потому что Оно все испытало. "Поскольку Он Сам пострадал от искушения, Он способен помочь тем, кто подвергается искушению". [293]

Именно в человечестве, стоящем за Ним, кроется эта возможность божественного Воплощения; Он спускается, поднявшись наверх, для того, чтобы помочь другим подняться по лестнице. И по мере того, как мы понимаем эти истины и кое-что о значении Троицы, высшей и низшей, то, что когда-то было просто жесткой непонятной догмой, становится живой и животворящей истиной. Только благодаря существованию Троицы в человеке понятна человеческая эволюция, и мы видим, как человек развивает жизнь интеллекта, а затем жизнь Христа. На этом факте основан мистицизм и наша непоколебимая надежда на то, что мы познаем Бога. Так учили Мудрецы, и, следуя по указанному ими Пути, мы обнаруживаем, что их свидетельство истинно.

Глава X.

МОЛИТВА. [294]

То, что иногда называют "современным духом", чрезвычайно враждебно молитве, не в состоянии увидеть никакой причинно-следственной связи между произнесением прошения и свершением события, тогда как религиозный дух столь же сильно привязан к ней и находит саму свою жизнь в молитве. И все же даже религиозный человек иногда испытывает беспокойство относительно обоснованности молитвы; учит ли он Премудрого, призывает ли к благодеянию Всеблагое, изменяет ли волю Того, "в ком нет ни изменчивости, ни тени переменчивости"? [295] Тем не менее, он находит в своем собственном опыте и опыте других "ответы на молитву", определенную последовательность просьбы и исполнения.

Многие из них относятся не к субъективному опыту, а к неопровержимым фактам так называемого объективного мира. Мужчина помолился о деньгах, и почта принесла ему требуемую сумму; женщина помолилась о еде, и еду принесли к ее двери. Особенно в связи с благотворительными начинаниями, есть множество свидетельств того, что о помощи молятся в случае острой нужды, а также о быстром и щедром отклике. С другой стороны, есть также множество свидетельств того, что молитвы оставались без ответа; о голодающих, умирающих от голода, о ребенке, вырванном болезнью из рук матери, несмотря на самые страстные призывы к Богу. Любой истинный взгляд на молитву должен учитывать все эти факты.

И это еще не все. В этом опыте есть много фактов, которые являются странными и озадачивающими. Молитва, которая, возможно, является тривиальной, находит ответ, в то время как другая, посвященная важному делу, терпит неудачу; мимолетная неприятность устраняется, в то время как молитва, излитая во спасение горячо любимой жизни, не находит отклика. Обычному ученику кажется почти невозможным открыть закон, согласно которому молитва является продуктивной или нет.

Первое, что необходимо для понимания этого закона, - проанализировать саму молитву, поскольку это слово используется для обозначения различных видов деятельности сознания, и к молитвам нельзя относиться так, как если бы они составляли простое целое. Есть молитвы, которые представляют собой прошения об определенных мирских преимуществах, об удовлетворении физических потребностей — молитвы о пище, одежде, деньгах, работе, успехе в бизнесе, выздоровлении от болезни и т.д. Они могут быть сгруппированы вместе как класс А. Затем у нас есть молитвы о помощи в моральных и интеллектуальных трудностях и о духовном росте — о преодолении искушений, о силе, о прозрении, о просветлении. Их можно отнести к классу В. Наконец, есть молитвы, в которых ничего не просят, которые состоят в медитации на божественное Совершенство и преклонении перед Ним, в интенсивном стремлении к единению с Богом — экстаз мистика, медитация мудреца, возвышенный восторг святого. Это истинное "общение между Божественным и человеческим", когда человек изливает себя в любви и почитании к ТОМУ, что по своей сути привлекательно, что вызывает любовь в сердце. Их мы будем называть классом С.

В невидимых мирах существует множество видов Разумных Существ, которые вступают в связь с человеком, это настоящая лестница Иакова, по которой восходят и нисходят Ангелы Божьи и над которой стоит Сам Господь. [296] Некоторые из этих Разумных Существ являются могущественными духовными Силами, другие - чрезвычайно ограниченные существа,

уступающие по сознанию человеку. Эта оккультная сторона Природы, о которой сейчас будет сказано больше [297]— это факт, признанный всеми религиями. Весь мир наполнен живыми существами, невидимыми для глаз плоти. Невидимые миры проникают друг в друга, и толпы разумных существ окружают нас со всех сторон. Некоторые из них доступны человеческим запросам, а другие подчиняются человеческой воле. Христианство признает существование высших классов Разумных Существ под общим названием Ангелов и учит, что они являются "служебными духами, посланными для служения"; [298] но в чем заключается их служение, каков характер их работы, каково их отношение к людям, все это было частью наставлений, данных в Малых Мистериях, поскольку реальным общением с ними наслаждались в Больших, но в наши дни эти истины отошли на задний план, за исключением того небольшого, чему учат в греческих и римских общинах. Для протестанта "служение ангелов" - это не более чем фраза. В дополнение ко всему этому, человек сам является постоянным творцом невидимых существ, ибо вибрации его мыслей и желаний создают формы тонкой материи, единственной жизнью которых является мысль или желание, одушевляющее их; таким образом, он создает армию невидимых слуг, которые бродят по невидимым мирам, стремясь исполнять его волю. И все же, опять же, в этих мирах есть помощники-люди, которые работают там в своих тонких телах, пока их физические тела спят, чье внимательное ухо может уловить крик о помощи. И в довершение всего, существует вездесущая, вечно сознательная Жизнь Самого Бога, могущественного и отзывчивого в каждой точке Своего царства, Того, без ведома которого ни один воробей не упадет на землю, [299] ни одно бессловесное существо не трепещет от радости или боли, ни один ребенок не смеется или рыдает - эта всепроникающая, всеобъемлющая, всеподдерживающая Жизнь и Любовь, в которой мы живем и движемся. [300] Как ничто, способное доставить удовольствие или боль, не может коснуться человеческого тела без сенсорных нервов, передающих сообщение об этом воздействии в мозговые центры, и как от этих центров через двигательные нервы исходит ответ, приветствующий или отталкивающий, так и каждая вибрация во вселенной, которой является Его тело, касается сознания Бога и вызывает оттуда ответное действие. Нервные клетки, нервные нити и мышечные волокна могут быть проводниками чувств и движений, но именно человек чувствует и действует; точно так же мириады Разумных Существ могут быть проводниками, но именно Бог знает и отвечает. Ничто не может быть настолько незначительным, чтобы не затронуть это тонкое вездесущее сознание, ничто настолько обширным, чтобы превзойти его. Мы настолько ограничены, что сама идея такого всеобъемлющего сознания поражает и сбивает нас с толку; и все же, возможно, комару было бы так же трудно справиться, если бы он попытался измерить сознание Пифагора. Профессор Хаксли в замечательном отрывке представил возможность существования существ, поднимающихся все выше и выше по интеллекту, постоянно расширяющих сознание и достигающих ступени, настолько же возвышающейся над человеческой, насколько человек выше черной биты. [301] Это не полет научного воображения, а описание факта. Есть Существо, сознание которого присутствует в каждой точке Его вселенной, и поэтому на него можно воздействовать из любой точки. Это сознание не только обширно в своей области, но и непостижимо остро, его тонкая способность реагировать не уменьшена, потому что оно простирает свою обширную область во всех направлениях, но оно более отзывчиво, чем более ограниченное сознание, более совершенное в понимании, чем более ограниченное. Это вовсе не значит, что чем возвышеннее Существо, тем труднее будет достичь Его сознания, верно как раз обратное. Чем более возвышено Существо, тем легче воздействовать на Его сознание.

Теперь эта всепроникающая Жизнь повсюду использует в качестве каналов все воплощенные жизни, которым Он дал рождение, и любая из них может быть использована как проводник этой всеосознающей Воли. Для того, чтобы эта Воля могла выразить себя во внешнем мире, должны быть найдены средства выражения, и эти существа, пропорционально их восприимчивости, предлагают необходимые каналы и становятся посредниками между одной точкой космоса и другой. Они действуют как двигательные нервы Его тела и вызывают необходимые действия.

Давайте теперь рассмотрим классы, на которые мы разделили молитвы, и посмотрим, какими способами на них будут даны ответы.

Когда человек произносит молитву класса А, есть несколько способов, с помощью которых на его молитву может быть получен ответ. Такой человек прост по своей природе, с представлением о Боге, естественным, неизбежным на той стадии эволюции, на которой он находится; он рассматривает Его как поставщика своих собственных нужд, находящегося в тесном и непосредственном контакте со своими повседневными потребностями, и он обращается к Нему за хлебом насущным так же естественно, как ребенок обращается к своему отцу или матери. Типичным примером этого является случай с Джорджем Мюллером из Бристоля, до того, как он стал известен миру как филантроп, когда он начинал свою благотворительную деятельность и был без друзей или денег. Он молился о еде для детей, у которых не было других ресурсов, кроме его щедрот, и денег всегда приходило достаточно для удовлетворения насущных потребностей. Что случилось? Его молитва была сильным, энергичным желанием, и это желание создает форму, жизнь и направляющей энергией которой оно является. У этого вибрирующего живого существа есть только одна идея, идея, которая одушевляет его — требуется помощь, требуется пища; и оно бродит по тонкому миру в поисках. Благотворительный человек желает оказывать помощь нуждающимся, ищет возможность отдавать. Как магнит притягивает мягкое железо, так и такой человек притягивает форму желания, и она притягивается к нему. Это пробуждает в его мозгу вибрации, идентичные его собственным — Джордж Мюллер, его приют, его потребности, — и он видит выход своему благотворительному порыву, выписывает чек и отправляет его. Вполне естественно, Георг Мюллер сказал бы, что Бог вложил это в сердце такого человека, чтобы оказать необходимую помощь. В глубочайшем смысле этих слов это верно, поскольку в Его вселенной нет жизни, нет энергии, которые не исходили бы от Бога; но промежуточным средством, согласно божественным законам, является форма желания, созданная молитвой.

Результат мог быть с таким же успехом достигнут преднамеренным усилием воли, без всякой молитвы, человеком, который понимал соответствующий механизм и способ привести его в движение. Такой человек ясно представлял бы, в чем он нуждается, привлек бы к себе тонкую материю, наиболее подходящую для его цели, чтобы облечь эту мысль, и сознательным усилием воли либо послал бы ее определенному человеку, чтобы тот выразил его потребность, либо объехал бы окрестности и был бы привлечен человеком, расположенным к милосердию. Здесь нет молитвы, но есть сознательное упражнение воли и знания.

Однако в случае большинства людей, не знающих о силах невидимых миров и непривычных проявлять свою волю, концентрации ума и искреннего желания, необходимых для успешного действия, гораздо легче достичь молитвой, чем преднамеренным умственным усилием, направленным на то, чтобы проявить свою собственную силу. Они усомнились бы в своих силах, даже если бы поняли теорию, а сомнение губительно для проявления воли. То, что молящийся

не понимает механизм, который он приводит в действие, никоим образом не влияет на результат. Ребенку, который протягивает руку и хватается предмет, не нужно ничего понимать ни в работе мышц, ни в электрических и химических изменениях, вызываемых движением мышц и нервов, и ему не нужно тщательно вычислять расстояние до предмета, измеряя угол, создаваемый оптическими осями; он желает взять желаемую вещь, и устройство его тела подчиняется его воле, хотя он даже не подозревает о ее существовании. Так же и с человеком, который молится, не подозревая о созидательной силе своей мысли, о живом существе, которое он послал исполнить его волю. Он действует так же бессознательно, как ребенок, и, как ребенок, схватывает то, чего он хочет. В обоих случаях Бог в равной степени является первичным Действующим Лицом, вся власть исходит от Него; в обоих случаях фактическая работа выполняется аппаратом, предусмотренным Его законами.

Но это не единственный способ получить ответ на молитвы такого рода. Кто-то, временно покинувший физическое тело и работающий в невидимых мирах, или проходящий мимо Ангел, может услышать крик о помощи и затем вложить мысль об отправке требуемой помощи в мозг какого-нибудь милосердного человека. "Мысль о таком-то пришла мне в голову сегодня утром", - скажет такой человек. "Осмелюсь предположить, что чек был бы ему полезен". Очень многие молитвы получают ответ таким образом, связующим звеном между потребностью и предложением является некий невидимый Интеллект. Это часть служения низших Ангелов, и таким образом они будут удовлетворять личные потребности, а также оказывать помощь благотворительным начинаниям.

Неудача молитв этого класса связана с другой скрытой причиной. Каждый человек влез в долги, которые должен выплатить; его неправильные мысли, неправильные желания и неправильные действия воздвигли препятствия на его пути, а иногда даже окружают его, как стены тюрьмы. Долг несправедливости погашается платой за страдания; человек должен нести ответственность за последствия того зла, которое он совершил. Человек, обреченный умереть от голода из-за своих собственных проступков в прошлом, может напрасно молиться против этой судьбы. Созданная им форма желания будет искать, но не найдет; она будет встречена и отброшена назад потоком прошлой неправды. Здесь, как и везде, мы живем в царстве закона, и силы могут быть изменены или полностью сведены на нет игрой других сил, с которыми они вступают в контакт. Две совершенно одинаковые силы могут быть приложены к двум совершенно одинаковым мячам; в одном случае к мячу не может быть приложено никакой другой силы, и он может попасть в цель; в другом случае вторая сила может ударить по мячу и полностью сбить его с курса. Так же и с двумя подобными молитвами; одна может идти своим путем, не встречая сопротивления, и достигать своей цели; другая может быть отброшена в сторону гораздо более сильной силой прошлой обиды. Одна молитва услышана, другая осталась без ответа; но в обоих случаях результат определяется законом.

Давайте рассмотрим класс В. Молитвы о помощи при моральных и интеллектуальных трудностях дают двойной результат; они действуют непосредственно, привлекая помощь, и воздействуют на молящегося человека. Они привлекают внимание Ангелов, учеников, работающих вне тела, которые всегда стремятся помочь с толку уму, и совет, ободрение, просветление проникают в сознание мозга, таким образом давая ответ на молитву самым непосредственным образом. И он преклонил колени и помолился ... и явился Ему Ангел с небес, укрепляя Его". [302] Предлагаются идеи, которые устраняют интеллектуальные трудности, или проливают свет на неясную моральную проблему, или вливается сладчайшее утешение в огорченное сердце,

успокаивая его волнения и тревоги. И действительно, если бы ни один Ангел не проходил тем путем, крик страждущих достиг бы "Скрытого Сердца Небес", и был бы послан вестник с утешением, какой-нибудь Ангел, всегда готовый быстро прилететь, почувствовав импульс, неся божественную волю помочь.

Существует также то, что иногда называют субъективным ответом на такие молитвы, - воздействие молитвы на произносящего. Его молитва настраивает его сердце и разум на восприимчивость, и это успокаивает низшую природу и, таким образом, позволяет силе и просветляющей мощи высшего беспрепятственно вливаться в нее. Потоки энергии, которые обычно текут вниз или наружу от Внутреннего Человека, как правило, направлены во внешний мир и используются мозговым сознанием в обычных жизненных делах для осуществления своей повседневной деятельности. Но когда это мозговое сознание отворачивается от внешнего мира и, закрывая свои двери, ведущие наружу, направляет свой взор внутрь; когда оно намеренно закрывается от внешнего и открывается внутреннему; тогда оно становится сосудом, способным принимать и удерживать, вместо простого трубопровода между внутренним и внешним мирами. В тишине, достигаемой прекращением шумов внешней деятельности, "тихий тихий голос" Духа может быть услышан, а сосредоточенное внимание выжидающего ума позволяет ему уловить тихий шепот Внутреннего "Я".

Еще более заметно помощь приходит извне и изнутри, когда молитва направлена на духовное просветление, на духовный рост. Мало того, что все помощники, ангельские и человеческие, наиболее рьяно стремятся продвигать духовный прогресс, хватаясь за каждую возможность, предлагаемую устремленной ввысь душой; но стремление к такому росту высвобождает энергию высокого рода, духовное стремление вызывает ответ из духовной сферы. Еще раз закон симпатических вибраций заявляет о себе, и на ноту возвышенного устремления отвечает нота собственного порядка, высвобождением энергии своего рода, вибрацией, синхронной ей самой. Божественная Жизнь постоянно давит сверху на ограничения, которые ее связывают, и когда восходящая сила ударяет по этим ограничениям снизу, разделяющая стена проламывается, и божественная Жизнь затопляет Душу. Когда человек чувствует этот приток духовной жизни, он восклицает: "Моя молитва была услышана, и Бог ниспослал Свой Дух в мое сердце". Воистину так; и все же он редко понимает, что этот Дух всегда ищет входа, но что, приходя к Своим, Его собственные Его не принимают. [303] "Вот, я стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, я войду к нему". [304]

Общий принцип, касающийся всех молитв этого класса, заключается в том, что точно пропорционально погруженности личности и интенсивности устремления вверх будет получен ответ от более широкой жизни внутри и вне нас. Мы отделяем себя. Если мы прекращаем разделение и становимся едиными с великим, мы обнаруживаем, что свет, жизнь и сила вливаются в нас. Когда отдельная воля отворачивается от своих собственных объектов и настраивается на служение божественной цели, тогда в нее вливается Божественная сила. Когда человек плывет против течения, он продвигается медленно; но при этом его несет вперед вся сила течения. В каждом отделе Природы действуют божественные энергии, и все, что делает человек, он делает с помощью энергий, действующих в том направлении, в котором он желает действовать; его величайшие достижения достигаются не его собственными энергиями, а мастерством, с которым он выбирает и комбинирует силы, помогающие ему, и нейтрализует

противодействующие ему силы благоприятными. Силы, которые уносили бы нас прочь, как соломинки на ветру, становятся нашими самыми эффективными слугами, когда мы работаем с ними. Стоит ли тогда удивляться, что в молитве, как и во всем остальном, божественные энергии становятся связанными с человеком, который своей молитвой стремится действовать как часть Божественного?

Эта высшая форма молитвы класса В почти незаметно переходит в класс С, где молитва теряет свой просительный характер и становится либо размышлением о Боге, либо поклонением Ему. Медитация - это устойчивая спокойная фиксация ума на Боге, посредством которой низший ум успокаивается и в настоящее время остается пустым, так что Дух, покидая его, поднимается к созерцанию божественного Совершенства и отражает внутри себя божественный Образ.

"Медитация - это безмолвная или *невысказанная* молитва, или, как выразился Платон: "горячее обращение Души к Божественному; не для того, чтобы просить какого-то конкретного блага (как в обычном значении молитвы), но ради самого блага, ради Всеобщего Высшего Блага". [305]

Это молитва, которая, освобождая таким образом Дух, является средством единения между человеком и Богом. Благодаря действию законов мышления человек становится тем, о чем он думает, и когда он размышляет о божественных совершенствах, он постепенно воспроизводит в себе то, на чем сосредоточен его ум. Такой разум, ориентированный на высшее, а не на низшее, не может связать Дух, и когда освобожденный Дух устремляется вверх, к своему источнику, молитва теряется в единении, а отделенность остается позади.

Поклонение также, восторженное обожание, в котором отсутствует всякое прошение и которое стремится излиться в чистой любви к Совершенному, смутно ощущаемому, является средством — самым простым средством — единения с Богом. При этом сознание, ограниченное мозгом, в немом экстазе созерцает создаваемый им Образ Того, кого, как оно знает, невозможно вообразить, и часто, восхищенный силой его любви, выходящей за пределы интеллекта, человек как свободный Дух воспаряет ввысь, в сферы, где эти пределы превышены, и чувствует и знает гораздо больше, чем по возвращении он может рассказать словами или облечь в форму.

Так Мистик созерцает Блаженное Видение; так Мудрец покоится в покое Мудрости, которая за пределами знания; так Святой достигает чистоты, в которой виден Бог. Такая молитва озаряет молящегося, и с горы такого высокого общения, нисходящей на равнины земли, само лицо плоти сияет божественной славой, прозрачное для пламени, горящего внутри. Счастливы те, кто знает реальность, которую никакие слова не могут передать тем, кто ее не знает. Те, чьи глаза видели "Короля в его красоте" [306] вспомнят и поймут.

Когда молитва будет понята таким образом, ее постоянная необходимость для всех, кто верит в религию, станет очевидной, и мы понимаем, почему ее практика так активно пропагандировалась всеми, кто изучает высшую жизнь. Для изучающего Малые Мистерии молитва должна относиться к видам, отнесенным к классу В, и он должен стремиться подняться до чистой медитации и поклонения последнего класса, полностью избегая низших видов. Для него полезно учение Ямвлиха по этому предмету. Ямвлих говорит, что молитвы "производят нерасторжимое и священное общение с Богами", а затем продолжает приводить некоторые интересные подробности о молитве, как их рассматривают практикующие оккультисты. "Ибо это само по себе достойно того, чтобы быть познанным, и делает более совершенной науку о Богах. Поэтому я говорю, что первый вид молитвы является коллективной; и что это также

ведущий к контакту с божественностью и познанию ее. Второй вид - это узы согласованного Общения, вызывающие до энергии речи дары, переданные Богами, и совершенствующие все наши действия до появления наших интеллектуальных концепций. И третий и наиболее совершенный вид молитвы - это печать невыразимого Единения с божествами, в которых она устанавливает всю силу и авторитетность молитвы; и таким образом заставляет душу упокоиться в Богах, как в никогда не иссякающем источнике. Но из этих трех терминов, в которых заключены все божественные меры, молитвенное поклонение не только примиряет нас с дружбой Богов, но и сверхъестественно дарует нам три плода, являющиеся как бы тремя золотыми гесперийскими яблоками. Первое из них относится к просветлению; второе - к общению действия; но через энергию третьего мы получаем совершенную полноту божественного огня.... Однако ни одна операция, связанная со священными заботами, не может увенчаться успехом без вмешательства молитвы. Наконец, постоянное упражнение в молитве питает силу нашего интеллекта и делает вместилище души гораздо более вместилищем для общения с Богами. Это также божественный ключ, который открывает людям проникновение Богов; приучает нас к великолепным рекам небесного света; за короткое время совершенствует наши сокровенные уголки и располагает их для невыразимых объятий и соприкосновения с Богами; и не прекращается, пока не вознесет нас на вершину всего сущего. Она также постепенно и безмолвно возвышает нравы нашей души, лишая их всего, что чуждо божественной природе, и одевает нас совершенствами Богов. Кроме того, это создает нерасторжимое общение и дружбу с божественностью, питает божественную любовь и воспламеняет божественную часть души. Все, что имеет противоположную природу в душе, это искупает и очищает; изгоняет все, что склонно к зарождению, и сохраняет что-либо из отбросов смертности в своем эфирном и великолепном духе; совершенствует добрую надежду и веру в получение божественного света; и, одним словом, превращает тех, кем это используется, в приближенных и слуг Богов ". [307]

Из такого изучения и практики вытекает один неизбежный результат, поскольку человек начинает понимать, и по мере того, как перед ним раскрывается более широкий спектр человеческой жизни. Он видит, что благодаря знанию его сила намного увеличивается, что вокруг него есть силы, которые он может понять и контролировать, и что его сила пропорциональна его знаниям. Тогда он узнает, что Божественность скрыта внутри него, и что ничто мимолетное не может удовлетворить этого Бога внутри; что только единение с Единым, Совершенным может утолить его страстные желания. Тогда в нем постепенно зарождается воля к единению с Божественным; он перестает яростно стремиться изменить обстоятельства и добавлять новые причины в поток следствий. Он осознает себя скорее агентом, чем действующим лицом, каналом, а не источником, слугой, а не хозяином, и стремится раскрыть божественные цели и работать в гармонии с ними.

Когда человек достигает этой точки, он поднимается выше всякой молитвы, за исключением медитации и поклонения; ему не о чем просить ни в этом мире, ни в любом другом; он пребывает в непоколебимой безмятежности, стремясь лишь служить Богу. Это состояние Сыновства, когда воля Сына едина с волей Отца, когда совершается единая спокойная капитуляция: "Вот, Я пришел исполнить волю Твою, о Боже. Я доволен тем, что делаю это; да, закон Твой в моем сердце". [308] Тогда любая молитва становится ненужной; любая просьба воспринимается как дерзость; нельзя желать ничего, чего уже не было бы в целях этой Воли, и все будет приведено в активное проявление по мере того, как исполнители этой Воли совершенствуют себя в работе.

Глава XI.

ПРОЩЕНИЕ ГРЕХОВ.

"Я верю в... прощение грехов". "Я признаю одно крещение для прощения грехов". Эти слова легко слетают с уст верующих в каждой христианской церкви по всему миру, поскольку они повторяют знакомые символы веры, называемые апостольскими и Никейскими. Среди высказываний Иисуса часто встречаются слова: "Прощаются тебе грехи твои", и примечательно, что эта фраза постоянно сопровождает проявление Его целительной силы, таким образом, освобождение от физических и моральных болезней отмечается одновременно. На самом деле, однажды Он указал на исцеление разбитого параличом человека как на знак того, что у него есть право объявить человеку, что его грехи прощены. [309] Так же и об одной женщине было сказано: "Ее грехи, которых много, прощены, ибо она много любила". [310] В знаменитом гностическом трактате "*Пистис София*" говорится, что самой целью Мистерий является отпущение грехов. "Если бы они были грешниками, если бы они были во всех грехах и всех беззакониях мира, о которых Я говорил вам, тем не менее, если они обратятся и покаются и совершат отречение, которое я только что описал вам, откройте им тайны царства света; ни в коем случае не скрывайте их от них. Именно из-за греха Я принес эти тайны в мир, для прощения всех грехов, которые они совершили с самого начала. Поэтому я сказал вам ранее: "Я пришел не для того, чтобы призывать праведных". Теперь, следовательно, я принес тайны, чтобы грехи всех людей могли быть отпущены, и они были приведены в царство света. Ибо эти тайны являются благом первой тайны уничтожения грехов и беззаконий всех грешников". [311]

В этих Мистериях отпущение грехов происходит через крещение, как и в признании в Никейском символе веры. Иисус говорит: "Послушайте еще раз, чтобы Я мог сказать вам слово в истине, к какому типу относится тайна крещения, которая искупает грехи.... Когда человек принимает таинства крещения, эти таинства становятся могущественным огнем, чрезвычайно яростным, мудрым, который сжигает все грехи; они оккультно входят в душу и пожирают все грехи, которые духовная подделка внедрила в нее". И после дальнейшего описания процесса очищения Иисус добавляет: "Это способ, которым таинства крещения отпускают грехи и всякое беззаконие". [312]

В той или иной форме "прощение грехов" встречается в большинстве, если не во всех религиях; и где бы ни было найдено это единодушное мнение, мы можем с уверенностью заключить, согласно уже изложенному принципу, что в его основе лежит какой-то факт в природе. Более того, в природе человека есть отклик на идею о том, что грехи прощаются; мы замечаем, что люди страдают от сознания того, что совершали проступки, и что, когда они стряхивают с себя свое прошлое и освобождаются от сковывающих их оков раскаяния, они идут вперед с радостным сердцем и освещенными солнцем глазами, хотя раньше их окутывала тьма. Они чувствуют, как будто с них сняли тяжесть, сняли оковы. "Чувство греха" исчезло, а вместе с ним и гложащая боль. Они знают весну души, слово силы, которое делает все новым. Песня благодарности возникает как естественный порыв сердца, пришло время пения птиц, "радость среди Ангелов". Это нередкое переживание становится загадочным, когда человек, испытывающий его или видящий его в другом человеке, начинает спрашивать себя, что же на

самом деле произошло, что вызвало изменение в сознании, последствия которого столь очевидны.

Современные мыслители, которые полностью усвоили идею неизменных законов, лежащих в основе всех явлений, и которые изучили действие этих законов, поначалу склонны отвергать любую теорию прощения грехов как несовместимую с этой фундаментальной истиной, точно так же, как ученый, проникнутый идеей нерушимости закона, отвергает любую мысль, которая с ней несовместима. И оба правы, полагаясь на неизменное действие закона, ибо закон - это всего лишь выражение божественной Природы, в которой нет ни изменчивости, ни тени переменчивости. Любой взгляд на прощение грехов, который мы можем принять, не должен вступать в противоречие с этой фундаментальной идеей, столь же необходимой как для этики, так и для физической науки. "Все пошло бы прахом", если бы мы не могли надежно покоиться в вечных объятиях Благого Закона.

Но в ходе наших исследований мы были поражены тем фактом, что те самые Учителя, которые больше всего настаивают на неизменном действии закона, также являются теми, кто решительно провозглашает прощение грехов. В одно время Иисус говорит: "За каждое праздное слово, которое скажут люди, они дадут отчет за него в день суда", [313] а в другое: "Сын, ободрись, грехи твои прощаются тебе". [314] Итак, в *Бхагавад-гите* мы постоянно читаем об узах действия, о том, что "мир связан действием", [315] и что человек "восстанавливает характеристики своего прежнего тела"; [316] и все же сказано, что "даже если самые грешные поклоняются мне всем сердцем, он тоже должен считаться праведным". [317] Таким образом, кажется, что, что бы ни подразумевалось в Священных Писаниях мира под фразой "прощение грехов", Те, кто лучше всех знает закон, не думали, что это противоречит нерушимой последовательности причины и следствия.

Если мы рассмотрим даже самое грубое представление о прощении грехов, распространенное в наши дни, мы обнаружим, что вера в это не означает, что прощенный грешник должен избежать последствий своего греха в этом мире; пьяница, чьи грехи прощаются после его покаяния, все еще страдает от расшатанных нервов, нарушенного пищеварения и недостатка доверия, проявляемого к нему его собратьями. Заявления, сделанные относительно прощения, при их рассмотрении в конечном итоге обнаруживаются относящимися к отношениям между раскаявшимся грешником и Богом, и к *посмертным* наказаниям, предусмотренным за непрощенный грех в вероучении говорящего, а не к какому-либо избавлению от мирских последствий греха. Потеря веры в реинкарнацию и здорового взгляда на непрерывность жизни, независимо от того, была ли она проведена в этом или в двух следующих мирах, [318] принесла с собой различные несоответствия и неоправданные утверждения, среди которых богохульная и ужасная идея о вечных муках человеческой души за грехи, совершенные в течение короткого периода жизни. одна жизнь, проведенная на земле. Чтобы спастись от этого кошмара, теологи предложили прощение, которое должно освободить грешника от этого ужасного заключения в вечном аду. Это не освобождало его в этом мире от естественных последствий его дурных поступков и никогда не должно было освобождать его - за исключением современных протестантских общин — от длительных страданий в чистилище, прямых результатов греха, после смерти физического тела. Закон действовал своим чередом как в этом мире, так и в чистилище, и в каждом мире горе следовало по пятам за грехом, подобно тому, как колеса следуют за волом. Это была всего лишь вечная пытка, существовавшая только в затуманенном воображении верующего, которой удалось избежать благодаря прощению грехов; и мы,

возможно, можем зайти так далеко, что предположить, что догматик, постулировав вечный ад как чудовищный результат преходящих ошибок, почувствовал себя вынужденным найти способ убежать от невероятной и несправедливой судьбы, и поэтому далее постулировал невероятное и несправедливое прощение. Схемы, разработанные человеческими рассуждениями без учета фактов жизни, способны завести спекулянта в мыслительную трясину, выбраться из которой он может, только пробираясь сквозь трясину в противоположном направлении. Излишний вечный ад был уравновешен излишним прощением, и таким образом неровные весы правосудия снова выровнялись. Оставив эти заблуждения непросвещенных, давайте вернемся в царство фактов и правильного разума.

Когда человек совершает злой поступок, он привязывает себя к печали, ибо печаль - это всегда растение, прорастающее из семени греха. Можно сказать даже более точно, что грех и печаль - это всего лишь две стороны одного поступка, а не два отдельных события. Как у каждого объекта есть две стороны, одна из которых находится позади, вне поля зрения, в то время как другая находится впереди, на виду, так и у каждого действия есть две стороны, которые нельзя увидеть обе сразу в физическом мире. В других мирах добро и счастье, зло и печаль рассматриваются как две стороны одного и того же. Это то, что называется кармой — удобный и ныне широко используемый термин, первоначально самскритский, выражающий эту связь или идентичность, буквально означающий "действие", — и поэтому страдание называется кармическим результатом неправильного действия. Результат, "другая сторона", может последовать не сразу, может даже не проявиться в течение нынешнего воплощения, но рано или поздно она появится и обхватит грешника своими объятиями боли. Итак, результат в физическом мире, следствие, переживаемое нашим физическим сознанием, является конечным результатом действия причины, возникшей в прошлом; это созревший плод; в нем проявляется и исчерпывает себя особая сила. Эта сила действует вовне, и ее воздействие в уме заканчивается еще до того, как она проявляется в теле. Его телесное проявление, его появление в физическом мире является признаком завершения его курса. [319] Если в такой момент грешник, исчерпав карму своего греха, вступает в контакт с Мудрецом, который может видеть прошлое и настоящее, невидимое и видимое, такой Мудрец может распознать окончание конкретной кармы и, когда приговор будет завершен, может объявить пленника свободным. Такой пример, по-видимому, приводится в рассказе о человеке, больном параличом, о котором уже упоминалось, - случае, типичном для многих. Физическое недомогание является последним проявлением прошлых злодеяний; умственная и моральная работа завершена, и страдалец приводится — с помощью какого-нибудь Ангела, как блюстителя закона, — в присутствие Того, кто способен облегчить физическую болезнь с помощью приложения высшей энергии. Сначала Посвященный заявляет, что грехи человека прощены, а затем обосновывает свое прозрение авторитетным словом: "Встань, возьми постель твою и иди в дом твой". Если бы там не было такого просветленного, болезнь прошла бы под восстанавливающим прикосновением природы, под действием силы, применяемой невидимыми Ангельскими Разумными Сущностями, которые осуществляют в этом мире действия кармического закона; когда действует более могущественный, эта сила обладает более быстрой убедительной силой, и физические вибрации сразу настраиваются на гармонию, которая есть здоровье. Все такое прощение грехов можно назвать декларативным; карма исчерпана, и "знающий карму" заявляет об этом факте. Эта уверенность приносит уму облегчение, которое сродни облегчению, испытываемому заключенным, когда отдается приказ о его освобождении, причем этот приказ является такой же частью закона, как и первоначальный приговор; но облегчение

человека, который таким образом узнает об исчерпании злой кармы, более сильное, потому что он сам не может определить срок ее действия.

Примечательно, что эти заявления о прощении постоянно сопровождаются утверждением о том, что страдалец проявил "веру" и что без этого ничего нельзя было бы сделать; *т.е.* Реальным фактором прекращения этой кармы является сам грешник. В случае с "женщиной, которая была грешницей", эти два заявления объединены: "Твои грехи прощены.... Твоя вера спасла тебя; иди с миром". [320] Эта "вера" - это пробуждение в человеке его собственной божественной сущности в поисках божественного океана подобной сущности, и когда это прорывается через низшую природу, которая удерживает ее внутри, — как источник воды прорывается через мешающие комья земли, — освобожденная таким образом сила воздействует на всю природу, приводя ее в гармонию с самой собой. Человек осознает это только тогда, когда кармическая корка зла разрушается его силой, и это радостное сознание силы внутри себя, доселе неизвестной, заявляющей о себе, как только злая карма исчерпана, является важным фактором радости, облегчения и новой силы, которые следуют за чувством, что грех "прощен", что его последствия остались в прошлом.

И это подводит нас к сути предмета — изменениям, которые происходят во внутренней природе человека, не осознаваемым той частью его сознания, которая работает в пределах его мозга, пока они внезапно не заявляют о себе в этих пределах, приходя, по-видимому, ниоткуда, вырываясь "ниоткуда", изливаясь из неизвестного источника. Что удивительного, что человек, сбитый с толку их натиском, ничего не знающий о тайнах своей собственной природы, ничего о "внутреннем Боге", который на самом деле является им самим, воображает, что снаружи приходит то, что на самом деле изнутри, и, не сознавая своей собственной Божественности, думает только о Божествах во внешнем по отношению к нему мире. И это неправильное представление тем проще, что последнее прикосновение, вибрация, которая разрушает заключающую в тюрьму оболочку, часто является ответом Божественности внутри другого человека или внутри какого-то сверхчеловеческого существа, откликающегося на настойчивый зов заключенной в нем Божественности внутри него самого; он часто распознает братскую помощь, в то же время не осознавая, что он сам, зов своей внутренней природы, вызвал ее. Как объяснение от более мудрого человека, чем мы, может прояснить нашему разуму интеллектуальную трудность, хотя именно наш собственный разум с такой помощью находит решение; как ободряющее слово от того, кто чище нас, может побудить нас к моральному усилию, которое мы должны были считать превышающим наши силы, хотя именно наша собственная сила делает это; так и более возвышенный Дух, чем наш собственный, тот, кто лучше осознает свою Божественность, может помочь нам проявить нашу собственную божественную энергию, хотя именно это проявление поднимает нас на более высокий уровень. Мы все связаны узами братской помощи как с теми, кто выше нас, так и с теми, кто ниже нас, и почему мы, которые так постоянно обнаруживают, что способны помогать в их развитии душам, менее развитым, чем мы сами, должны колебаться признать, что мы можем получить подобную помощь от Тех, Кто намного выше нас, и что наш прогресс может быть намного ускорен с их помощью?

Теперь среди изменений, происходящих во внутренней природе человека, неизвестных его низшему сознанию, есть те, которые имеют отношение к проявлению его воли. Эго, оглядываясь назад, на свое прошлое, взвешивая его результаты, страдая от своих ошибок, принимает решение о смене отношения, о смене деятельности. В то время как его низший

проводник все еще, подчиняясь своим прежним импульсам, устремляется по направлениям действий, которые приводят его к резким столкновениям с законом, Эго выбирает противоположный курс поведения. До сих пор он с вожделием поворачивал лицо к животному, удовольствия нижнего мира крепко держали его в оковах. Теперь он поворачивается лицом к истинной цели эволюции и решает трудиться ради более возвышенных радостей. Он видит, что весь мир развивается, и что, если он встанет против этого могучего течения, оно отбросит его в сторону, сильно ранив в процессе; он видит, что, если он встанет вместе с ним, оно понесет его вперед на своей груди и приведет в желанную гавань.

Затем он решает изменить свою жизнь, решительно поворачивается на своих шагах, смотрит в другую сторону. Первым результатом усилия направить свою низшую природу в измененное русло является сильное страдание и беспокойство. Привычки, сформировавшиеся под воздействием старых взглядов, упрямо сопротивляются импульсам, исходящим от новых, и возникает ожесточенный конфликт. Постепенно сознание, работающее в мозге, принимает решение, принятое на высших планах, и затем "осознает грех" благодаря самому этому признанию закона. Чувство ошибки усиливается, угрызения совести терзают разум; предпринимаются судорожные усилия к исправлению и, разочарованные старыми привычками, постоянно терпят неудачу, пока человек, подавленный горем по прошлому, отчаянием по настоящему, не погружается в безнадежный мрак. Наконец, постоянно усиливающееся страдание исторгает из Эго крик о помощи, на который приходит ответ из внутренних глубин его собственной природы, от Бога как внутри, так и вокруг него, от Жизни его жизни. Он отворачивается от низшей природы, которая мешает ему, к высшей, которая является его сокровеннейшей сущностью, от отделенного "я", которое мучает его, к Единому "Я", которое является Сердцем всего сущего.

Но эта смена фасада означает, что он отворачивает свое лицо от тьмы, что он поворачивает свое лицо к свету. Свет был здесь всегда, но он стоял к нему спиной; теперь он видит солнце, и его сияние радует его глаза и переполняет восторгом все его существо. Его сердце было закрыто; теперь оно распахнуто, и океан жизни вливается в него полным приливом, наполняя его радостью. Волна за волной новая жизнь поднимает его, и радость рассвета окружает его. Он воспринимает свое прошлое как прошлое, потому что его воля направлена на то, чтобы следовать более высоким путем, и он мало обращает внимания на страдания, которые прошлое может ему завещать, поскольку он знает, что не передаст такое горькое наследие от своего настоящего. Об этом чувстве покоя, радости, свободы говорят как о результате прощения грехов. Препятствия, воздвигнутые низшей природой между Богом внутри и Богом вовне, сметены, и эта природа едва ли осознает, что изменение происходит в ней самой, а не в Сверхдуше. Как ребенок, оттолкнувший направляющую руку матери и прижавшийся лицом к стене, может воображать себя одиноким и забытым, пока, обернувшись с криком, не обнаружит вокруг себя защищающие материнские руки, которые никогда не были на расстоянии вытянутой руки; так и человек в своем упрямстве отталкивает защищающие руки божественной Матери миров только для того, чтобы обнаружить, когда он отворачивается, что он никогда не был вне их защищающего убежища, и что, куда бы он ни пошел, эта охраняющая любовь по-прежнему окружает его.

Ключ к этой перемене в человеке, которая приводит к "прощению", дан в стихе из *"Бхагавад-гиты"*, уже частично процитированном: "Даже если самый грешный поклоняется мне всем сердцем, его тоже следует считать праведным, ибо он принял правильное решение". За этим

правильным решением следует неизбежный результат: "Он быстро становится послушным и приходит к миру". [321] Сущность греха заключается в противопоставлении воли части воле целого, человеческого воле Божественного. Когда это меняется, когда Эго соединяет свою отдельную волю с волей, работающей на эволюцию, тогда в мире, где хотеть - значит действовать, в мире, где следствия рассматриваются как присутствующие в причинах, человек "считается праведным"; неизбежно должны последовать следствия на низших планах; "быстро он становится послушным" в действии, уже став послушным в воле. Здесь мы судим по поступкам, по мертвым листьям прошлого; там они судят по воле, по прорастающим семенам будущего. Поэтому Христос всегда говорит людям в низшем мире: "Не судите". [322]

Даже после того, как новое направление было определено соблюдено и стало нормальной привычкой в жизни, наступают времена неудач, упомянутые в *"Пистис софия"*, когда Иисуса спрашивают, может ли человек быть снова допущен к Мистериям после того, как он отпал, если он снова покается. Ответ Иисуса утвердительный, но он утверждает, что наступает время, когда повторное признание оказывается неподвластным никому, кроме посвященного в высшую Тайну, который всегда прощает. "Аминь, аминь, говорю Я вам, всякий, кто примет тайны первого таинства, а затем обратится вспять и согрешит двенадцать раз [ровно], а затем снова двенадцать раз покается, вознося молитву в таинстве первого таинства, он будет прощен. Но если он согрешит после двенадцати раз, если он повернет назад и согрешит, это не будет отпущено ему навсегда, чтобы он мог снова обратиться к своей тайне, какой бы она ни была. Для него нет способа покаяться, если он не приобщился тайн того невыразимого, что всегда сострадает и искупает грехи во веки веков". [323] Эти восстановления после неудачи, при которых "грех прощается", встречаются нам в человеческой жизни, особенно на высших фазах эволюции. Человеку предоставляется возможность, которая, если ею воспользоваться, откроет перед ним новые возможности роста. Он не в состоянии ухватиться за нее и отказывается от положения, которого он достиг, которое сделало возможными дальнейшие возможности. Для него на какое-то время дальнейший прогресс заблокирован; он должен устало направить все свои усилия на то, чтобы вновь обрести почву под ногами, по которой он уже ступал, и вновь обрести твердую опору на том месте, с которого он соскользнул. Только когда это будет сделано, он услышит нежный Голос, который скажет ему, что прошлое изжито, слабость превратилась в силу и что врата снова открыты для его прохождения. И здесь "прощение" - это всего лишь объявление надлежащей властью истинного положения дел, открытие врат для компетентных, их закрытие для некомпетентных. Там, где произошла неудача с сопутствующими ей страданиями, это заявление было бы воспринято как "крещение во оставление грехов", вновь допускающее стремящегося к привилегии, утраченной из-за его собственного поступка; это, несомненно, породило бы чувства радости и покоя, облегчения от бремени печали, ощущения, что груз прошлого наконец-то свалился с ног.

Остается одна истина, которую никогда не следует забывать: мы живем в океане света, любви, блаженства, который окружает нас всегда, в Жизни Бога. Как солнце заливают землю своим сиянием, так и эта Жизнь освещает все, только это Солнце мира никогда не заходит ни в одной его части. Мы закрываем этот свет от нашего сознания своим эгоизмом, нашим бессердечием, нашей нечистотой, нашей нетерпимостью, но он все равно сияет на нас, омывая нас со всех сторон, давя на возведенные нами самими стены с нежной, сильной настойчивостью. Когда душа разрушает эти ограждающие стены, внутрь вливается свет, и душа оказывается залитой солнечным светом, вдыхая блаженный воздух небес. "Ибо Сын человеческий на небесах", хотя он и не знает этого, и их ветры овевают его чело, если он подставляет его их дыханию. Бог

всегда уважает индивидуальность человека и не войдет в его сознание, пока это сознание не откроется, чтобы приветствовать его; "Вот, я стою у двери и стучу" [324] таково отношение каждого духовного Разума к развивающейся человеческой душе; ожидание открытой двери коренится не в недостатке сочувствия, а в глубочайшей мудрости.

Человека нельзя принуждать; он должен быть свободным. Он не раб, а Бог в процессе становления, и его рост нельзя принудить, его нужно желать изнутри. Только при согласии воли, как учит Джордано Бруно, Бог будет влиять на человека, хотя Он "присутствует повсюду и готов прийти на помощь любому, кто обращается к Нему через действие разума и кто безоговорочно отдает себя чувствам воли". [325] "Божественная энергия, которая есть все во всем, не предлагается и не утаивается, кроме как через ассимиляцию или отвержение самим собой". [326] "Это воспринимается быстро, как солнечный свет, без колебаний, и проявляется каждому, кто обращается к нему и открывается ему ... окна открыты, но через мгновение проникает солнце, так что и в этом случае происходит то же самое". [327]

Таким образом, чувство "прощения" - это чувство, которое наполняет сердце радостью, когда воля настроена на гармонию с Божественным, когда душа открыла свои окна, и в них вливается солнечный свет любви, света и блаженства, когда часть ощущает свое единство с целым, и Единая Жизнь наполняет каждую жилку. Это благородная истина, которая придает жизненную силу даже самому грубому представлению о "прощении грехов" и которая часто делает его, несмотря на его интеллектуальную неполноту, вдохновляющим на чистую и духовную жизнь. И это истина, как видно из Малых Мистерий.

Глава XII.

ТАИНСТВА.

Во всех религиях существуют определенные церемонии, или обряды, которые считаются жизненно важными для верующих в эту религию и которые, как считается, приносят определенные преимущества тем, кто принимает в них участие. К этим церемониям было применено слово "Таинство" или какой-либо эквивалентный термин, и все они имеют один и тот же характер. Не было дано точного объяснения их природы и значения, но это еще один из предметов, объясняемых в древности в "Малых мистериях".

Особая характеристика Таинства заключается в двух его свойствах. Во—первых, существует экзотерическая церемония, которая представляет собой наглядную аллегория, представление чего-либо с помощью действий и материалов - не словесная аллегория, учение, данное словами, передающее истину; но представление в действии, определенные материальные вещи, используемые определенным образом. Цель выбора этих материалов и цель церемоний, которыми сопровождаются манипуляции с ними, состоит в том, чтобы представить, как на картинке, некую истину, которую желательно запечатлеть в умах присутствующих людей. Это первое и очевидное свойство Таинства, отличающее его от других форм богослужения и медитации. Она обращается к тем, кто без этой образности не смог бы уловить тонкую истину, и показывает им в яркой и наглядной форме правду, которая в противном случае ускользнула бы

от них. Каждое Таинство при его изучении следует рассматривать в первую очередь с той точки зрения, что это наглядная аллегория; следовательно, существенными вещами, подлежащими изучению, будут: материальные объекты, которые входят в аллeгорию, метод, которым они используются, и значение, которое все это должно передать.

Второе характерное свойство Таинства относится к фактам невидимых миров и изучается оккультной наукой. Человек, совершающий Таинство, должен обладать этими знаниями, поскольку многое, хотя и не все, в действенной силе Таинства зависит от знаний совершающего его. Таинство связывает материальный мир с тонкими и невидимыми областями, с которыми этот мир связан; это связующее звено между видимым и невидимым. И это не только связующее звено между этим миром и другими мирами, но это также метод, с помощью которого энергии невидимого мира преобразуются в действие в физическом; реальный метод преобразования энергий одного вида в энергии другого, так же буквально, как в гальваническом элементе химическая энергия преобразуется в электрическую. Сущность всех энергий одна и та же, будь то в видимом или невидимом мирах; но энергии различаются в зависимости от степеней материи, через которые они проявляются. Таинство служит своего рода тиглем, в котором происходит духовная алхимия. Энергия, помещенная в этот тигель и подвергнутая определенным манипуляциям, проявляется по-разному. Таким образом, энергия тонкого рода, принадлежащая к одной из высших областей Вселенной, может быть приведена в прямую связь с людьми, живущими в физическом мире, и может воздействовать на них как в физическом мире, так и в своей собственной сфере; Таинство образует последний мост от невидимого к видимому и позволяет напрямую направлять энергии к тем, кто выполняет необходимые условия и кто принимает участие в Таинстве.

Таинства христианской церкви в значительной степени утратили свое достоинство и признание своей оккультной силы среди тех, кто отделился от Римско-католической церкви во времена "Реформации". Предыдущее разделение между Востоком и Западом, в результате которого Греческая православная церковь оказалась по одну сторону, а Римская церковь - по другую, никоим образом не повлияло на веру в Таинства. Они оставались в обеих великих общинах признанными связующими звеньями между видимым и невидимым и освящали жизнь верующего от колыбели до могилы. Семь таинств христианства охватывают всю жизнь, от приветствия Крещения до прощального Елеосвящения. Они были созданы оккультистами, людьми, знавшими невидимые миры; и используемые материалы, произносимые слова, сделанные знаки - все это было намеренно выбрано и расставлено с целью достижения определенных результатов.

Во времена Реформации отделяющимися Церквями, сбросившими иго Рима, руководили не оккультисты, а обычные мирские люди, как хорошие, так и плохие, но все они были глубоко невежественны в фактах существования невидимых миров и осознавали только внешнюю оболочку христианства, его буквальные догмы и экзотерическое поклонение. Следствием этого стало то, что Таинства утратили свое первостепенное место в христианском богослужении, и в большинстве протестантских общин были сведены к двум: Крещению и Евхаристии. Сакраментальная природа остальных явно не отрицалась в самой важной из отделяющихся Церквей, но эти две были отделены от пяти в силу всеобщей обязанности, в которой должен участвовать каждый член Церкви, чтобы быть признанным полноправным членом.

Общее определение Таинства дано довольно точно, за исключением лишних слов "рукоположено Самим Христом" в Катехизисе Англиканской церкви, и даже эти слова можно было бы сохранить, если бы слову "Христос" было придано мистическое значение. Там говорится, что Таинство - это "Внешний и видимый знак внутренней и духовной благодати, данной нам, установленной Самим Христом, как средство, посредством которого мы получаем то же самое, и залог, гарантирующий нас в этом".

В этом определении мы находим заложенные две отличительные характеристики Таинства, приведенные выше. "Внешний и видимый знак" - это изобразительная аллегория, а фраза "средство, посредством которого мы получаем", "внутреннюю и духовную благодать" охватывает второе свойство. Эта последняя фраза должна быть тщательно подмечена теми членами протестантских церквей, которые рассматривают Таинства просто как внешние формы и обряды. Ибо в нем ясно утверждается, что Таинство на самом деле является средством передачи благодати, и, таким образом, подразумевается, что без него благодать не переходит таким же образом из духовного мира в физический. Это четкое признание Таинства во втором его аспекте, как средства, посредством которого духовные силы приводятся в действие на земле.

Чтобы понять Таинство, необходимо, чтобы мы определенно признали существование оккультной, или скрытой, стороны Природы; об этом говорят как о жизненной стороне Природы, стороне сознания, точнее, о разумев Природе. В основе всех сакраментальных действий лежит вера в то, что невидимый мир оказывает мощное влияние на видимый, и чтобы понять Таинство, мы должны кое-что понимать о невидимых Разумных Существах, которые управляют Природой. Изучая учение о Троице, мы видели, что Дух проявляется как тройственное "Я" и что в качестве Поля для Его проявления существует Материя, сторона формы Природы, часто рассматриваемая, и справедливо, как сама Природа. Мы должны изучить оба этих аспекта, сторону жизни и сторону формы, чтобы понять Таинство.

Между Троицей и человечеством простирается множество степеней и иерархий невидимых существ; высшей из них являются семь Духов Божьих, семь Огней, или Пламен, которые находятся перед престолом Божьим. [328] Каждый из них стоит во главе огромного множества Разумных Существ, все из которых разделяют Его природу и действуют под Его руководством; сами они классифицированы и являются Престолами, Силами, Князьями, Доминациями, Архангелами, Ангелами, упоминания о которых встречаются в трудах Отцов христианства, которые были сведущи в Мистериях. Таким образом, существует семь великих сонмов этих Существ, и они представляют своим разумом божественный Разум в Природе. Они встречаются во всех регионах, и они одушевляют энергии Природы. С точки зрения оккультизма, нет мертвой силы и нет мертвой материи. Сила и материя одинаково живы и активны, и энергия или группа энергий - это завеса Разума, Сознания, которое имеет эту энергию в качестве своего внешнего выражения, и материя, в которой движется эта энергия, создает форму, которой оно руководит или одушевляет. До тех пор, пока человек не сможет таким образом взглянуть на Природу, все эзотерические учения должны оставаться для него закрытой книгой. Без этих Ангельских Жизней, этих бесчисленных невидимых Разумов, этих Сознаний, одушевляющих силу и материю [329], которой является Природа, сама Природа не только оставалась бы непонятной, но и была бы вне связи как с божественной Жизнью, которая движется внутри и вокруг нее, так и с человеческими жизнями, которые развиваются среди нее. Эти бесчисленные Ангелы связывают миры воедино; они сами эволюционируют, помогая эволюции существ более

низких, чем они сами, и новый свет проливается на эволюцию, когда мы видим, что люди образуют ступени в этих иерархиях разумных существ. Эти ангелы - "сыны Божьи" более раннего рождения, чем наше, которые "кричали от радости" [330], когда основания земли были заложены под хор Утренних Звезд.

Другие существа находятся ниже нас в эволюции — животные, растения, минералы и элементарные жизни — подобно тому, как Ангелы находятся выше нас; и по мере того, как мы таким образом изучаем, нас осеняет концепция огромного Колеса Жизни, бесчисленных существований, взаимосвязанных и необходимых друг другу, человека как живого Разума, как самосознающего существа, имеющего свое собственное место в этом Колесе. Колесо постоянно вращается по божественной Воле, и живые Разумные Существа, которые его формируют, учатся сотрудничать с этой Волей, и если в действиях этих Разумных Существ есть какой-либо разрыв из-за пренебрежения или противодействия, тогда Колесо буксует, вращаясь медленно, и колесница эволюции миров с трудом продвигается по своему пути.

Эти бесчисленные Жизни, находящиеся выше и ниже человека, соприкасаются с человеческим сознанием совершенно определенными способами, и среди этих способов есть звуки и цвета. Каждый звук имеет форму в невидимом мире, и комбинации звуков создают сложные формы. [331] В тонкой материи этих миров все звуки сопровождаются цветами, так что они порождают многоцветные формы, во многих случаях чрезвычайно красивые. Вибрации, возникающие в видимом мире при звучании ноты, создают вибрации в невидимых мирах, каждый из которых имеет свой особый характер и способен производить определенные эффекты. В общении с недочеловеческими Разумными Существами, связанными с низшим невидимым миром и с физическим, а также в контроле и направлении их, должны использоваться звуки, приспособленные для достижения желаемых результатов, поскольку здесь используется язык, состоящий из определенных звуков. И в общении с высшим Разумом полезны определенные звуки, чтобы создать гармоничную атмосферу, подходящую для их деятельности, и сделать наши собственные тонкие тела восприимчивыми к их влияниям.

Это воздействие на тонкие тела является наиболее важной частью оккультного использования звуков. Эти тела, как и физическое, находятся в постоянном вибрационном движении, причем вибрации меняются с каждой мыслью или желанием. Эти изменяющиеся нерегулярные вибрации создают препятствие для любой новой вибрации, приходящей извне, и, чтобы сделать тела восприимчивыми к высшим воздействиям, используются звуки, которые уменьшают нерегулярные вибрации до устойчивого ритма, подобного по своей природе ритму Разума, которого стремятся достичь. Цель всех часто повторяющихся предложений - добиться этого, подобно тому, как музыкант звучит одну и ту же ноту снова и снова, пока все инструменты не будут настроены. Тонкие тела должны быть настроены на ноту искомого Существа, если его влияние должно найти свободный путь через природу поклоняющегося, и в древности это всегда делалось с помощью звуков. Следовательно, музыка всегда была неотъемлемой частью богослужения, и определенные ритмы бережно сохранялись, передаваясь из века в век.

В каждой религии существуют звуки особого характера, называемые "Словами Силы", состоящие из предложений на определенном языке, произносимых особым образом; каждая религия обладает запасом таких предложений, особыми последовательностями звуков, которые сейчас очень широко называются "мантрами", таково название, данное им на Востоке, где наука о мантрах была тщательно изучена и усовершенствована. Необязательно, чтобы

мантра - последовательность звуков, расположенных определенным образом для достижения определенного результата, — была написана на каком-то одном конкретном языке. Для этой цели может быть использован любой язык, хотя некоторые из них более подходят, чем другие, при условии, что человек, произносящий мантру, обладает необходимыми оккультными знаниями. На языке санскрит существуют сотни мантр, составленных оккультистами прошлого, которые были знакомы с законами невидимых миров. Они передавались из поколения в поколение, определенные слова в определенном порядке произносились определенным образом. Эффект пения заключается в создании вибраций, следовательно, форм, в физическом и сверхфизическом мирах, и в соответствии со знанием и чистотой певца будут миры, на которые способна повлиять его песня. Если его знания широки и глубоки, если его воля сильна, а сердце чисто, едва ли есть предел возможностям, которые он может проявить, используя некоторые из этих древних мантр.

Как уже было сказано, нет необходимости использовать какой-то один конкретный язык. Они могут быть на санскрите или на любом другом из языков мира, на котором сведущие люди собрали их воедино.

Именно по этой причине в Римско-католической церкви латинский язык всегда используется в важных богослужебных актах. Здесь он используется не как мертвый язык, язык, "непонятный людям", а как живая сила в невидимых мирах. Он используется не для того, чтобы скрыть знание от людей, а для того, чтобы в невидимых мирах могли быть созданы определенные вибрации, которые не могут быть созданы обычными языками Европы, если только великий оккультист не создаст в них необходимые последовательности звуков. Перевести мантру - значит превратить ее из "Слова Силы" в обычное предложение; при изменении звуков создаются другие звуковые формы.

Некоторые сочетания латинских слов с музыкой, связанной с ними в христианском богослужении, вызывают наиболее заметные эффекты в сверхфизических мирах, и любой, кто хоть немного чувствителен, заметит особые эффекты, вызываемые пением некоторых из наиболее священных фраз, особенно во время Мессы. Вибрационные эффекты может ощутить любой, кто будет сидеть тихо и восприимчиво, когда некоторые из этих фраз произнесут священник или хористы. И в то же время в высших мирах вызываются эффекты, непосредственно воздействующие на тонкие тела верующих описанным выше способом, а также обращающиеся к Разумным Существам в этих мирах со значением столь же определенным, как слова, обращенные одним человеком к другому на физическом плане, будь то молитва или, в некоторых случаях, приказ. Звуки, вызывающие активные вспыхивающие формы, поднимаются через миры, воздействуя на сознание живущих в них Разумных Существ и побуждая некоторых из них оказывать определенные услуги, требуемые теми, кто принимает участие в церковном служении.

Такие мантры составляют неотъемлемую часть каждого Таинства.

Следующей существенной частью Таинства в его внешней и видимой форме являются определенные жесты. Они называются Знаками, или Печатами, или Сигилами — эти три слова означают одно и то же в Таинстве. Каждый знак имеет свое особое значение и обозначает направление, навязанное невидимым силам, с которыми имеет дело совершающий обряд, независимо от того, являются ли эти силы его собственными или изливаются через него. В любом случае, они необходимы для достижения желаемого результата, и они являются

неотъемлемой частью сакраментального обряда. Такой знак называется "Знаком Силы", поскольку мантра - это "Слово Силы".

Интересно читать в оккультных трудах прошлого ссылки на эти факты, истинные тогда, как и сейчас, истинные сейчас, как и тогда. В египетской *Книге мертвых* описывается *посмертное* путешествие Души, и мы читаем, как ее останавливают и бросают вызов на различных этапах этого путешествия. Стражи Врат каждого последующего мира останавливают Его и бросают вызов, и Душа не может пройти через Врата и продолжить свой путь, если она не знает двух вещей: она должна произнести слово, Слово Силы; она должна сотворить знак, Знак Силы. Когда произносится это Слово, когда дается этот Знак, засовы Ворот опускаются, и Стражи расступаются, чтобы пропустить Душу. Похожий рассказ приводится в великом мистическом христианском Евангелии, "*Пистис София*", упомянутом ранее. [332] Здесь прохождение через миры совершается не Душой, освобожденной от тела смертью, а тем, кто добровольно покинул его в ходе Инициации. Существуют великие Силы, Силы Природы, которые преграждают ему путь, и пока Посвященный не скажет Слово и не подаст Знак, они не позволят ему пройти через врата их царств. Таким образом, это двойное знание было необходимо — произнести Слово Силы, сотворить Знак Силы. Без этого прогресс был бы заблокирован, а без этого Таинство - это не Таинство.

Далее, во всех Таинствах используется или должен использоваться какой-либо физический материал. [333] Это всегда символ того, что должно быть обретено с помощью Таинства, и указывает на природу "внутренней и духовной благодати", получаемой через него. Это также материальное средство передачи благодати, не символически, а на самом деле, и тонкое изменение этого материала адаптирует его для высоких целей.

Итак, физический объект состоит из твердых, жидких и газообразных частиц, на которые химик разделил бы его путем анализа, и, кроме того, из эфира, который пронизывает более грубые вещества. В этом эфире играют магнитные энергии. Далее он связан с аналогами тонкой материи, в которых играют энергии более тонкие, чем магнитные, но подобные им по природе и более мощные.

Когда такой объект намагничивается, в эфирной части происходит изменение, волновые движения изменяются и систематизируются, и их заставляют следовать волновым движениям эфира намагничивающего; таким образом, он начинает разделять его природу, и более плотные частицы объекта, на которые воздействует эфир, медленно меняют частоту своих вибраций. Если магнетизер обладает способностью воздействовать и на более тонкие аналоги, он заставляет их вибрировать подобным же образом, в созвучии со своими собственными.

В этом секрет магнитного лечения: нерегулярные вибрации больного человека обрабатываются таким образом, чтобы они соответствовали регулярным вибрациям здорового оператора, так же точно, как нерегулярно раскачивающийся предмет можно заставить регулярно раскачиваться повторяющимися и рассчитанными по времени ударами. Врач намагнитит воду и вылечит ею своего пациента. Он намагнитит ткань, и ткань, положенная на место боли, заживет. Он использует мощный магнит или ток от гальванического элемента и восстанавливает энергию нерва. Во всех случаях эфир приводится в движение, и это воздействует на более плотные физические частицы.

Аналогичный результат достигается, когда материалы, используемые в Таинстве, подвергаются воздействию Слова Силы и Знака Силы. Магнетические изменения вызываются в эфире физической субстанции, и тонкие аналоги подвергаются воздействию в соответствии со знаниями, чистотой и преданностью священнослужителя, который намагничивает — или, выражаясь религиозным термином, освящает — ее. Далее, Слово и Знак Силы призывают на празднование Ангелов, особенно озабоченных используемыми материалами и природой совершаемого действия, и они оказывают им мощную помощь, вливая свои собственные магнетические энергии в тонкие аналоги и даже в физический эфир, таким образом усиливая энергии празднующего. Никто, кто что-либо знает о силах магнетизма, не может сомневаться в возможности указанных таким образом изменений в материальных объектах. И если человек науки, который, возможно, не верит в невидимое, обладает способностью настолько насыщать воду своей собственной жизненной энергией, что она излечивает физическую болезнь, то почему людям со святой жизнью, благородным характером, знанием невидимого должно быть отказано в силе более возвышенной, хотя и *подобной*, природе? Те, кто способен ощущать высшие формы магнетизма, очень хорошо знают, что освященные предметы сильно различаются по своей силе и что магнитная разница обусловлена различными знаниями, чистотой и духовностью священника, который их освящает. Некоторые отрицают весь жизненный магнетизм и одинаково отвергли бы святую воду религии и намагниченную воду медицины. Они последовательны, но невежественны. Но те, кто признает полезность одного и смеется над другим, показывают себя не мудрыми, а предвзятыми, не образованными, а односторонними, и доказывают, что недостаток веры в религию влияет на их разум, предрасполагая их отвергать из рук религии то, что они принимают из рук науки. К этому будет немного добавлено в отношении "священных предметов" в целом в главе XIV.

Таким образом, мы видим, что внешняя часть Причастия имеет очень большое значение. В используемые материалы внесены реальные изменения. Они становятся проводниками энергий более высоких, чем те, которые им естественно принадлежат; лица, приближающиеся к ним, прикасающиеся к ним, будут иметь свои собственные эфирные и тонкие тела, подверженные их мощному магнетизму, и будут приведены в состояние, очень восприимчивое к высшим влияниям, будучи настроенными в согласии с возвышенными Существами, связанными со Словом и Знаком, используемыми при посвящении; Существа, принадлежащие к невидимому миру, будут присутствовать во время сакраментального обряда, изливая свое мягкое и благодатное влияние; и таким образом, все, кто является достойными участниками церемонии — достаточно чистыми и преданными, чтобы настроиться на вызываемые вибрации, — найдут их эмоции очистились и получили стимул, их духовность оживилась, а сердца наполнились покоем благодаря такому тесному соприкосновению с невидимыми реальностями.

Глава XIII.

ТАИНСТВА (продолжение).

Теперь мы должны применить эти общие принципы к конкретным примерам и посмотреть, как они объясняют и оправдывают священные обряды, встречающиеся во всех религиях.

Будет достаточно, если мы возьмем в качестве примеров три из Семи Таинств, используемых в католической церкви. Два из них признаны обязательными всеми христианами, хотя крайние протестанты лишают их сакраментального характера, придавая им только декларативную и памятную ценность вместо сакраментального; но даже среди них сердце истинной преданности получает нечто от сакраментального благословения, которое отрицает голова. Третье Таинство даже номинально не признается Таинством протестантскими церквями, хотя оно демонстрирует существенные признаки Таинства, как указано в определении, приведенном в Катехизисе Англиканской церкви, которое уже цитировалось. [334] Первый - это Крещение; второй - Евхаристия; третий - брак. Выведение брака из разряда Таинства во многом принизило его возвышенный идеал и привело к тому ослаблению его уз, о котором сожалеют мыслящие люди.

Таинство Крещения встречается во всех религиях не только при вступлении в земную жизнь, но и в более общем плане как церемония очищения. Церемония, приобщающая новорожденного - или взрослого — к религии, включает в себя окропление водой как неотъемлемую часть обряда, и это было столь же универсальным в древние времена, как и сейчас. Преподобный доктор Джайлс отмечает: "Идея использования воды как символа духовного омовения слишком очевидна, чтобы удивляться древности этого обряда. Доктор Хайд в своем трактате о *религии древних персов*, xxxiv. 406, сообщает нам, что она преобладала среди этого народа. "Они не используют обрезание для своих детей, а только крещение или омовение для очищения души. Они приносят ребенка к священнику в церковь и ставят его перед солнцем и огнем, и по завершении церемонии они считают его еще более священным, чем прежде. Господь говорит, что они приносят воду для этой цели в коре Каменного дерева; это дерево на самом деле является Хаумом Волхвов, о котором мы говорили ранее в другом случае. Иногда это делается и иным способом, погружая его в большой сосуд с водой, как рассказывает нам Тавернье. После такого омовения или крещения священник налагает на ребенка имя, данное родителями."" [335] Через несколько недель после рождения индуистского ребенка совершается церемония, часть которой состоит в окроплении ребенка водой — такое окропление входит во все индуистские богослужения. Уильямсон приводит авторитетные источники о практике крещения в Египте, Персии, Тибете, Монголии, Мексике, Перу, Греции, Риме, Скандинавии и среди друидов. [336] Некоторые из приведенных молитв очень хороши: "Я молюсь, чтобы эта небесная вода, голубая и светло-голубого цвета, вошла в твое тело и жила там. Я молюсь, чтобы это разрушило в тебе и удалило от тебя все злое и враждебное, что было дано тебе до начала мира". "О дитя! прими воду Господа мира, который есть наша жизнь: она предназначена для омовения и очищения; пусть эти капли удалят грех, который был дан тебе до сотворения мира, поскольку все мы находимся под его властью".

Тертуллиан упоминает об очень общем использовании крещения среди нехристианских народов в уже цитированном отрывке, [337] и другие Отцы Церкви ссылаются на это.

В большинстве религиозных общин малая форма Крещения сопровождает все религиозные церемонии, вода используется как символ очищения, и идея заключается в том, что ни один человек не должен приступать к богослужению, пока он не очистит свое сердце и совесть, внешнее омовение символизирует внутреннее очищение. В греческих и римских церквях возле каждой двери стоит небольшой сосуд для святой воды, и каждый входящий молящийся прикасается к нему, осеняя себя крестным знаменем, прежде чем направиться к алтарю. По этому поводу Роберт Тейлор замечает: "Купели для крещения в наших протестантских церквях, и вряд ли нужно говорить о чем-то большем, особенно о маленьких резервуарах у входа в наши

католические часовни, являются не имитацией, а непрерывным продолжением той же *акваминария*, или *амула*, которые, как показывает ученый Монфокон в своих "*Древностях*", были сосудами со святой водой, которые язычники ставили у входа в свои храмы, чтобы окроплять себя при входе в эти священные здания. [338]

Будь то при Крещении при первоначальном принятии в Церковь или при этих незначительных очищениях, вода является используемым материальным средством, великой очищающей жидкостью в Природе и, следовательно, лучшим символом очищения. Над этой водой произносится мантра, в английском ритуале представленная молитвой "Освяти эту воду для мистического смыывания греха", завершающаяся формулой "Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа". Аминь". Это Слово Силы, и оно сопровождается Знаком Силы, Знаком Креста, начертанным на поверхности воды.

Слово и Знак придают воде, как уже объяснялось ранее, свойство, которого у нее раньше не было, и она по праву названа "святой водой". Темные силы не приблизятся к нему; нанесенный на тело, он дает ощущение покоя и передает новую духовную жизнь. Когда ребенка крестят, духовная энергия, переданная воде Словом и Знаком, укрепляет духовную жизнь в ребенке, и затем Слово Силы снова произносится, на этот раз над ребенком, и Знак начерчивается у него на лбу, и в его тонких телах ощущаются вибрации, и призыв охранять освященную таким образом жизнь распространяется по невидимому миру; ибо этот Знак одновременно очищающий и защитный — очищающий жизнью, которая изливается через него, защитный вибрациями, которые он создает в тонких телах. Эти вибрации образуют защитную стену от атак враждебных влияний в невидимых мирах, и каждый раз, когда прикасаются к святой воде, произносят Слово и делают Знак, энергия обновляется, вибрации усиливаются, и то и другое признается мощным в невидимых мирах и приносит помощь оператору.

В ранней Церкви Крещению предшествовала очень тщательная подготовка, и те, кто был принят в Церковь, в основном были новообращенными из окружающих конфессий. Новообращенный проходил три определенные ступени обучения, оставаясь в каждой ступени до тех пор, пока не овладевал ее учением, а затем его принимали в Церковь через Крещение. Только после этого его учили Символу Веры, который не был записан и никогда не повторялся в присутствии неверующего; таким образом, это служило знаком признания и доказательством положения человека, который мог его произнести, показывая, что он был крещеным членом Церкви. Насколько верно в те дни верили в благодать, передаваемую Крещением, показывает распространившийся обычай крещения на смертном одре. Веря в реальность Крещения, мужчины и женщины всего мира, не желающие отказываться от его удовольствий или сохранять свою жизнь в чистоте от запятнанности, откладывали обряд Крещения до тех пор, пока рука Смерти не коснется их, чтобы они могли воспользоваться благодатью таинства и пройти через врата Смерти чистыми и непорочными, полными духовной энергии. Против этого злоупотребления боролись некоторые из великих Отцов Церкви, и боролись эффективно. Есть забавная история, рассказанная одним из них, я думаю, святым Афанасиусом, который был человеком едкого ума, не чуравшимся использования юмора в попытке заставить своих слушателей порой понять глупость или извращенность их поведения. Он рассказал своей пастве, что ему было видение и он поднялся к небесным вратам, где в качестве Стража стоял Святой Петр. У него не было довольной улыбки в адрес посетителя, но он нахмурился с суровым неудовольствием. "Афанасий, - сказал он, - почему ты постоянно присылаешь мне эти пустые мешки, тщательно запечатанные, внутри которых ничего нет?" Это было одно из самых

пронзительных высказываний, которые мы встречаем в христианской древности, когда эти вещи были реальными для христиан, а не просто формами, как это слишком часто бывает сегодня.

Обычай крещения младенцев постепенно укоренился в Церкви, и, следовательно, наставления, которые в первые дни предшествовали крещению, стали подготовкой к Конфирмации, когда пробужденный разум принимает и повторно подтверждает обетования при крещении. Принятие младенца в Церковь считается правильным, когда признается, что жизнь человека прожита в трех мирах, и когда известно, что Дух и Душа, пришедшие обитать в новорожденное тело, не бессознательны и неразумны, но сознательны, разумны и могущественны в невидимых мирах. Правильно и справедливое, что "Скрытого человека сердца" [339] следует приветствовать на новом этапе его паломничества и оказать самое благотворное влияние на проводник, в котором ему предстоит пребывать и который он должен приспособить для своего служения. Если бы глаза людей были открыты, как в древности глаза слуги Елисея, они все еще видели бы коней и огненные колесницы, собранные вокруг горы, где находится пророк Господень. [340]

Мы переходим ко второму из Таинств, выбранных для изучения, таинству Евхаристии, символу уже объясненной вечной Жертвы, ежедневной жертвы Католической Церкви по всему миру, олицетворяющей ту вечную Жертву, с помощью которой были созданы миры и с помощью которой они все еще поддерживаются. Оно должно приноситься ежедневно, поскольку его архетип существует вечно, и люди в этом акте принимают участие в действии Закона Жертвоприношения, отождествляют себя с ним, признают его обязательную природу и добровольно присоединяются к нему в его действии в мирах; при таком отождествлении необходимо принять материальную часть Таинства, если отождествление должно быть полным, но многие блага могут быть общими, и влияние, распространяющееся на миры, может быть увеличено благочестивыми верующими, которые мысленно, но не физически, присоединяются к акту.

Эта великая функция христианского богослужения теряет свою силу и значение, когда ее рассматривают не более чем как простое воспоминание о прошлой жертве, как живописную аллегория без глубокой одушевляющей истины, как преломление хлеба и разливание вина без участия в вечной Жертве. Поэтому увидеть это - значит сделать это всего лишь оболочкой, мертвой картиной вместо живой реальности. "Чаша благословения, которую мы благословляем, разве это не причастие крови Христа?" - спрашивает апостол. "Хлеб, который мы преломляем, разве это не причастие тела Христова?" [341] И далее он указывает, что все, кто вкушают от жертвоприношения, становятся участниками общей природы и соединяются в единое тело, которое объединено с тем Существом, которое присутствует при жертвоприношении, разделяет его природу. Здесь речь идет о факте невидимого мира, и он говорит с авторитетом знания. Невидимые существа вливают свою сущность в материалы, используемые в любом сакраментальном обряде, и те, кто принимает участие в этих материалах, которые усваиваются телом и входят в состав его ингредиентов, тем самым объединяются с теми, чья сущность находится в нем, и все они имеют общую природу. Это верно, когда мы берем даже обычную пищу из рук другого человека — часть его природы, его витальный магнетизм смешивается с нашим собственным; насколько это более верно, когда пища была торжественно и намеренно пропитана высшим магнетизмом, который воздействует на тонкие тела так же, как и на физическое. Если мы хотим понять значение и использование Евхаристии, мы должны осознать

эти факты невидимых миров, и мы должны увидеть в ней связь между земным и небесным, а также акт вселенского богослужения, сотрудничество, ассоциацию с Законом Жертвоприношения, иначе она теряет большую часть своего значения.

Использование хлеба и вина в качестве материалов для этого Таинства — подобно использованию воды в Таинстве Крещения — имеет очень древнее и повсеместное применение. Персы предлагали Митре хлеб и вино, и подобные подношения совершались в Тибете и Татарии. Иеремия говорит о лепешках и напитках, предлагаемых Царице Небесной евреями в Египте, они принимали участие в египетском богослужении. [342] В Книге Бытия мы читаем, что Мелхиседек, Царь-Посвященный, использовал хлеб и вино в благословении Авраама. [343] В различных греческих мистериях использовались хлеб и вино, и Уильямсон упоминает их использование также среди мексиканцев, перуанцев и друидов. [344]

Хлеб является общим символом пищи, укрепляющей тело, а вино - символом крови, рассматриваемой как жизненный флюид, "ибо жизнь плоти - в крови". [345] Следовательно, считается, что члены семьи имеют одну кровь, и быть от крови человека - значит принадлежать к его роду. Отсюда также старые церемонии "кровного завета"; когда чужестранец становился членом семьи или племени, несколько капель крови члена семьи переливались ему в вены, или он выпивал их — обычно смешанных с водой — и с тех пор считался рожденным членом семьи или племени, происходящим от его крови. Точно так же в Евхаристии верующие вкушают хлеб, символизирующий тело, природу Христа, и вино, символизирующее кровь, жизнь Христа, и становятся Его родственниками, едины с Ним.

Слово Силы - это формула "Это Мое Тело", "Это Моя Кровь". Именно это приводит к изменению, которое мы вскоре рассмотрим, и преобразует материалы в проводники духовных энергий. Знаком Власти является рука, протянутая над хлебом и вином, и над ними следует осенить себя Крестным знамением, хотя у протестантов это не всегда делается. Таковы внешние основы таинства Евхаристии.

Важно понимать перемену, которая происходит в этом Таинстве, ибо это нечто большее, чем описанная ранее магнетизация, хотя и это тоже происходит. Здесь мы имеем дело с частным случаем общего закона.

Оккультистами видимая вещь рассматривается как последнее, физическое выражение невидимой истины. Все является физическим выражением мысли. Объект - это всего лишь идея, воплощенная и уплотненная. Все объекты в мире - это Божественные идеи, выраженные в физической материи. Поскольку это так, реальность объекта заключается не во внешней форме, а во внутренней жизни, в идее, которая сформировала материю в выражение самой себя. В высших мирах материя, будучи очень тонкой и пластичной, очень быстро приспосабливается к идее и меняет форму по мере изменения мысли. По мере того как материя становится плотнее, тяжелее, она меняет форму с меньшей готовностью, медленнее, пока в физическом мире изменения не станут самыми медленными из-за сопротивления плотной материи, из которой состоит физический мир. Однако, если дать достаточно времени, то даже эта тяжелая материя изменится под давлением одухотворяющей идеи, как можно видеть по выражению привычных мыслей и эмоций на лице.

Это истина, лежащая в основе того, что называется доктриной Пресуществления, столь необычайно неправильно понимаемой обычными протестантами. Но такова судьба оккультных истин, когда они преподносятся невеждам. Изменяемая "субстанция" - это идея, которая делает вещь такой, какая она есть; "хлеб" - это не просто мука и вода; идея, которая управляет смешиванием, манипулированием мукой и водой, это "субстанция", которая делает ее "хлебом", а мука и вода - это то, что технически называется "случайностями", расположением материи, придающим форму идее. При другой идее или веществе мука и вода приняли бы другую форму, как это действительно происходит, когда они усваиваются организмом. Точно так же химики обнаружили, что один и тот же вид и одно и то же количество химических атомов могут быть расположены по-разному и, таким образом, становиться совершенно разными вещами по своим свойствам, хотя материалы остаются неизменными; такие "изомерные соединения" относятся к числу наиболее интересных современных химических открытий; расположение сходных атомов в соответствии с различными идеями дает разные тела.

Что же тогда представляет собой это изменение содержания материалов, используемых в Евхаристии? Идея, создающая объект, была изменена; в их обычном состоянии хлеб и вино являются продуктами питания, выражающими божественные идеи о питательных объектах, объектах, пригодных для построения тел. Новая идея - это идея природы и жизни Христа, пригодная для созидания духовной природы и жизни человека. Это изменение субстанции; объект остается неизменным в своих "случайностях", в своем физическом материале, но тонкая материя, связанная с ним, изменилась под давлением изменившейся идеи, и это изменение придает ему новые свойства. Они воздействуют на тонкие тела участников и настраивают их на природу и жизнь Христа. От "достоинства" участника зависит степень, в которой он может быть настроен таким образом.

Недостойный участник, подвергнутый тому же процессу, подвергается его пагубному воздействию, поскольку его натура, сопротивляющаяся давлению, оказывается ушибленной и разорванной силами, на которые она неспособна реагировать, подобно тому, как объект может быть разбит на куски вибрациями, которые он неспособен воспроизвести.

Таким образом, достойный участник становится единым целым с Жертвой, со Христом, и таким образом становится единым целым также с божественной Жизнью, которая является Отцом Христа. Поскольку акт Жертвоприношения со стороны формы заключается в отказе от жизни, которую она отделяет от других, чтобы стать частью общей Жизни, в предложении отдельного канала стать каналом единой Жизни, таким образом, посредством этой капитуляции жертвующий становится единым с Богом. Это самоотдача низшего, чтобы стать частью высшего, уступка тела как инструмента отделенной воли, чтобы стать инструментом божественной Воли, представление человеческих "тел в жертву живую, святую, угодную Богу". [346] Таким образом, в Церкви было истинно преподано, что те, кто по праву принимают участие в Евхаристии, наслаждаются приобщением к жизни Христа, излитой для людей. Превращение низшего в высшее является целью этого, как и всех других Таинств. Изменение низшей силы путем ее соединения с высшей - это то, к чему стремятся те, кто участвует в этом; и те, кто знает внутреннюю истину и осознает факт высшей жизни, могут в любой религии посредством ее таинств прийти в более полное соприкосновение с божественной Жизнью, которая поддерживает миры, если они привносят в обряд восприимчивую природу, акт веры, открытое сердце, которые необходимы для реализации возможностей Таинства.

Таинство брака проявляет признаки Таинства так же ясно и определеннее, как Крещение и Евхаристия. Здесь присутствуют как внешний знак, так и внутренняя благодать. Материалом служит Кольцо — круг, который является символом вечного. Слово Силы - это древняя формула "Во Имя Отца, и Сына, и Святого Духа". Знаком Силы является соединение рук, символизирующее соединение жизней. Они составляют внешнюю суть Таинства.

Внутренняя благодать - это союз разума с разумом, сердца с сердцем, который делает возможным осознание единства духа, без которого Брак - это не Брак, а просто временное соединение тел. Вручение и получение кольца, произнесение формулы, соединение рук - все это образует живописную аллегорию; если внутренняя благодать не будет получена, если участники не откроются ей в своем желании объединения всей своей природы, Таинство для них потеряет свои благотворные свойства и станет простой формой.

Но брак имеет еще более глубокое значение; религии в один голос провозгласили его образом союза земного и небесного на земле, союза Бога и человека. И даже тогда его значение не исчерпывается, ибо это образ отношения между Духом и Материей, между Троицей и Вселенной. Так глубок, так далеко идущ смысл соединения мужчины и женщины в браке.

Здесь мужчина выступает как представитель Духа, Троицы Жизни, а женщина - как представитель Материи, Троицы формирующего материала. Один дает жизнь, другой получает и питает ее. Они дополняют друг друга, две неразделимые половинки одного целого, ни одна из которых не существует отдельно от другой. Как Дух подразумевает Материю, а Материя - Дух, так и муж подразумевает жену, а жена мужа. Как абстрактное Существование проявляется в двух аспектах, как двойственность Духа и Материи, ни одна из которых не независима от другой, но каждая приходит в проявление вместе с другой, так и человечество проявляется в двух аспектах — мужа и жены, ни те, ни другие не могут существовать порознь и проявляются вместе. Они не двое, а одно, двуликое единство. Бог и Вселенная представлены в Браке; таким образом, муж и жена тесно связаны.

Выше говорилось, что Брак - это также образ союза между Богом и человеком, между универсальным и индивидуализированным Духами. Этот символизм используется во всех великих священных писаниях мира — индуистских, еврейских, христианских. И это было расширено за счет принятия индивидуализированного Духа как Нации или Церкви, совокупности таких Духов, объединенных в единство. Итак, Исайя объявил Израилю: "Творец Твой - Муж твой; Господь Саваоф - имя Его.... Как жених радуется о невесте, так и Бог твой будет радоваться о тебе". [347] Итак, Святой Павел писал, что тайна Брака представляет Христа и Церковь. [348]

Если мы думаем о Духе и Материи как о латентных, непроявленных, тогда мы не видим никакого производства; проявленные вместе, есть эволюция. И поэтому, когда половинки человечества не проявляются как муж и жена, не происходит зарождения новой жизни. Более того, они должны быть объединены для того, чтобы в каждом из них мог происходить рост жизни, более быстрая эволюция, более быстрый прогресс за счет той половины, которую каждый может дать каждому, каждый обеспечивает то, чего не хватает другому. Эти два понятия должны быть объединены в одно, раскрывающее духовные возможности человека. И они также являют совершенного Человека, в природе которого Дух и Материя полностью развиты и идеально сбалансированы, божественного Человека, который объединяет в своем собственном лице

мужа и жену, мужское и женское начала в природе, поскольку "Бог и Человек - это один Христос". [349]

Те, кто таким образом изучает Таинство брака, поймут, почему религии всегда считали Брак нерасторжимым и считали, что лучше, если несколько неподходящих друг другу пар будут страдать в течение нескольких лет, чем если идеал истинного Брака будет постоянно принижен для всех. Нация должна выбрать, примет ли она в качестве своего национального идеала духовные или земные узы Брака, искать в нем духовного единства или рассматривать его просто как физический союз. Первая - это религиозная идея брака как Таинства; другая - материалистическая идея о нем как об обычном расторгнутом договоре. Изучающий Малые Мистерии всегда должен видеть в этом сакраментальный обряд.

Глава XIV.

ОТКРОВЕНИЕ.

Все известные нам религии являются хранителями Священных Книг и обращаются к этим книгам для разрешения спорных вопросов. Они всегда содержат учения, данные основателем религии или более поздними учителями, которые считаются обладающими сверхчеловеческими знаниями. Даже когда религия порождает множество противоречивых сект, каждая секта будет цепляться за Священный Канон и будет давать своему слову толкование, которое наилучшим образом соответствует ее собственным специфическим доктринам. Как бы сильно ни разделялись в вере крайние католики и крайние протестанты, они оба апеллируют к одной и той же *Библии*. Какими бы далекими друг от друга ни были философствующий ведантин и самый неграмотный Валлабхачарья, они оба считают одни и те же *Веды* высшими. Какими бы ожесточенными друг против друга ни были шииты и сунниты, они оба считают священным один и тот же *Куран*. Могут возникать споры по поводу значения текстов, но к самой Книге в любом случае относятся с величайшим почтением. И это правильно; ибо все такие книги содержат фрагменты Откровения, выбранные Кем-то из великих, кому оно доверено; такой фрагмент воплощен в том, что здесь мы называем Откровением, или Священным Писанием, и какая-то часть мира радуется ему, как сокровищу огромной ценности. Фрагмент выбирается в соответствии с потребностями времени, способностями людей, которым он дается, типом расы, которой он предназначен для обучения. Обычно она дается в особой форме, в которой поверхностному или невежественному читателю внешняя история, или сказание, или песня, или псалом, или пророчество кажутся целой книгой; но в этих более глубоких значениях скрыты, иногда в цифрах, иногда в словах, построенных по скрытому плану — фактически, шифре, — иногда в символах, узнаваемых обученным, иногда в аллегориях, написанных как истории, и многими другими способами. В этих Книгах, действительно, есть что-то от сакраментального характера, внешняя форма и внутренняя жизнь, внешний символ и внутренняя истина. Объяснить скрытый смысл могут только те, кто был обучен теми, кто проинструктирован в этом; отсюда изречение Святого Петра о том, что "ни одно пророчество Священного Писания не подлежит никакому личному толкованию". [350] Сложные объяснения текстов Библии, которыми изобилуют тома святоотеческой литературы, кажутся причудливыми и надрывными для прозаичного современного ума. Игра с цифрами, буквами, явно

фантастические толкования абзацев, которые на первый взгляд являются обычными историческими утверждениями простого характера, раздражают современного читателя, который требует, чтобы факты были представлены четко и связно, и, прежде всего, требует того, что, по его ощущению, является твердой почвой под ногами. Он категорически отказывается следовать за легконогим мистиком по тому, что кажется ему трясущимися болотами, в дикой погоне за танцующими блуждающими огоньками, которые появляются и исчезают по непонятному и иррациональному капризу. И все же люди, написавшие эти вызывающие раздражение трактаты, были людьми блестящего интеллекта и спокойного суждения, главными строителями Церкви. И для тех, кто прочитал их правильно, они по-прежнему полны намеков и предложений и указывают на многие неясные пути, ведущие к цели познания, которые в противном случае могли бы быть упущены.

Мы уже видели, что Ориген, один из самых здравомыслящих людей, сведущий в оккультных знаниях, учит, что Священное Писание состоит из трех частей: Тела, Души и Духа. [351] Он говорит, что Основная часть Священных Писаний составлена из внешних слов историй, и он, не колеблясь, заявляет, что это не буквально правда, а всего лишь истории для наставления невежд. Он даже заходит так далеко, что замечает, что в этих историях делаются заявления, которые явно не соответствуют действительности, для того, чтобы вопиющие противоречия, лежащие на поверхности, могли побудить людей задуматься об истинном значении этих невозможных отношений. Он говорит, что до тех пор, пока люди невежественны, им достаточно Тела; оно передает учение, оно дает наставления, и они не видят внутренних противоречий и невозможностей, связанных с буквальными утверждениями, и поэтому они их не беспокоят. По мере роста ума, по мере развития интеллекта эти противоречия и невозможности привлекают внимание и сбивают ученика с толку; затем он побуждается искать более глубокий смысл, и он начинает находить Душу Священных Писаний. Эта Душа - награда разумного искателя, и он освобождается от уз убивающей буквы. [352] Дух Священных Писаний может быть виден только духовно просвещенному человеку; только те, в ком развит Дух, могут понять духовный смысл: "Божьих дел не знает никто, кроме Духа Божьего... о чем и мы говорим, но не теми словами, которым учит человеческая мудрость, но которыми учит Святой Дух". [353]

Причину такого метода Откровения далеко искать не нужно; это единственный способ, с помощью которого одно учение может быть доступно для умов на разных стадиях эволюции и, таким образом, обучать не только тех, кому оно дается немедленно, но и тех, кто позже, со временем, продвинется дальше тех, кому Откровение было сделано впервые. Человек прогрессивен; внешний смысл, давным-давно данный неразвитым людям, неизбежно должен быть очень ограниченным, и если бы в нем не было скрыто что-то более глубокое и полное, чем этот внешний смысл, ценность Священного Писания исчезла бы по прошествии нескольких тысячелетий. Принимая во внимание, что с помощью этого метода последовательных значений ему придается постоянная ценность, и развитые люди могут находить в нем скрытые сокровища до того дня, когда, обладая целым, они больше не будут нуждаться в части.

Таким образом, мировые Библии являются фрагментами Откровения, и поэтому их справедливо называют Откровением.

Следующее, более глубокое значение этого слова описывает массу учений, хранимых великим Братством духовных Учителей в доверии к людям; это учение воплощено в книгах, написанных символами, и в них содержится рассказ о космических законах, о принципах, на которых

основан космос, о методах, с помощью которых он развивается, обо всех существах, составляющих его, о его прошлом, настоящем и будущем; это Откровение. Это бесценное сокровище, которым владеют Хранители человечества и из которого они время от времени отбирают фрагменты для составления мировых Библий.

В-третьих, Откровение, высочайшее, полнейшее, наилучшее, - это Самораскрытие Божества в космосе, раскрытие атрибута за атрибутом, могущества за могуществом, красоты за красотой во всех различных формах, которые в своей совокупности составляют вселенную. Он проявляет Свое величие на солнце, Свою бесконечность в усыпанных звездами полях космоса, Свою силу в горах, Свою чистоту в покрытых снегом вершинах и прозрачном воздухе, Свою энергию в перекачивающихся океанских волнах, Свою красоту в бурлящем горном потоке, в гладком, прозрачном озере, в прохладном, дремучем лесу и на залитой солнцем равнине, Свое бесстрашие в герое, Свое терпение в святом, Свою нежность в материнской любви, Свою покровительственную заботу в отце и короле, Свою мудрость в философе, Свои знания в ученом, Свою целительную силу во враче, Его справедливость - в судье, Его богатство - в купце, Его учительская сила - в священнике, Его трудолюбие - в ремесленнике. Он шепчет нам на ветру, Он улыбается нам в лучах солнца, Он упрекает нас в болезнях, Он стимулирует нас, то успехом, то неудачей. Везде и во всем Он дает нам проблески Себя, чтобы побудить нас полюбить Его, и Он скрывает Себя, чтобы мы могли научиться стоять в одиночестве. Знать Его повсюду - это истинная Мудрость; любить Его повсюду - это истинное Желание; служить Ему повсюду - это истинное Действие. Это Самораскрытие Бога является высшим Откровением; все остальные являются вспомогательными и частичными.

Вдохновенный человек - это человек, к которому часть этого Откровения пришла в результате прямого воздействия вселенского Духа на отделенный Дух, являющийся Его потомством, который почувствовал просветляющее влияние Духа на Дух. Ни один человек не знает истины настолько, чтобы никогда не потерять ее, ни один человек не знает истины настолько, чтобы никогда не усомниться в ней, пока к нему не придет Откровение, как если бы он стоял один на земле, пока Божественное снаружи не заговорит с Божественным внутри, в храме человеческого сердца, и человек, таким образом, узнает сам, а не от другого.

В меньшей степени человек вдохновляется, когда кто-то более могущественный, чем он, стимулирует в нем силы, которые пока еще обычно бездействуют, или даже овладевает им, временно используя его тело в качестве проводника. Такой просветленный человек в момент своего вдохновения может говорить то, что находится за пределами его знаний, и изрекает истины, о которых до тех пор не догадывался. Таким образом, истины иногда изливаются через человеческий канал для помощи миру, и кто-то более великий, чем говорящий, вкладывает свою жизнь в человеческий проводник, и они изливаются из человеческих уст; тогда великий учитель говорит еще более величественно, чем он думает, поскольку Ангел Господень коснулся его уст огнем. [354] Таковы Пророки человечества, которые в некоторые периоды говорили с подавляющей убежденностью, с ясной проницательностью, с полным пониманием духовных потребностей человека. Тогда слова обретают бессмертную жизнь, а говорящий действительно является посланником от Бога. Человек, познавший таким образом, никогда больше не сможет полностью утратить память об этом знании, и он носит в своем сердце уверенность, которая никогда не может полностью исчезнуть. Свет может исчезнуть, и на него опустится тьма; сияние с небес может померкнуть, и его могут окружить облака; угроза, вопрос, вызов могут напасть на него; но в его сердце гнездится Тайна Покоя — он знает или знает, что знал.

Это воспоминание об истинном вдохновении, о реальности скрытой жизни было облечено в прекрасные и правдивые слова Фредериком Майерсом в его хорошо известном стихотворении "С. Пол". Апостол говорит о своем собственном опыте и пытается членораздельно выразить то, что он помнит; считается, что он не в состоянии полностью воспроизвести свои знания, хотя он знает, и его уверенность не колеблется:

Итак, даже Я, жаждущий Его вдохновения,
я, беседовавший с Ним, снова забываю;
Да, много дней со слезами и желаниями,
Предлагаю Богу терпение и боль.

Затем, в середине жалобы моей исповеди,
Затем, в муках и страсти моей молитвы,
Потрясение от Его обладания Проходит,
меня охватывает трепет, и Господь здесь.

Вот, если бы кто-нибудь написал пером на твоих стропилах
"Мене и Мене в складках пламени",
Как думаешь, смогли бы какие-нибудь воспоминания после этого
Полностью воспроизвести двусторонние в том виде, в каком оно появилось?

Вот, если бы какой-нибудь странный внятный гром
Поведал земле тайну звезды,
Едва ли вы уловили бы, к ужасу и изумлению,
Обрывки истории, которая до сих пор гремела!

Едва ли Я улавливаю слова Его откровения,
Едва ли Я слышу Его, смутно понимаю.
Только сила, которая звенит внутри меня,
Живет на моих губах и манит к себе мою руку.

Тот, кто ощутил Дух Высшего,
Не Сможет Ни посрамить, ни усомниться в Нем, ни отрицать;
Да, в один голос, о мир, хотя ты и отрицаешь,
Стой на той стороне, ибо на этой - я.

Скорее мир усомнится, когда ее возвращение

Прольется дождем и вырвется из дерна;
Скорее тот, в ком великое зачатие
Шевельнется в его душе, чтобы оживотвориться в Бога.

Нет, даже если бы ты лишил его славы,
Ослепшего и измученного, обезумевшего и одинокого,
даже на кресте он продолжал бы свою историю,
Да, и в Аду прошептал бы: "Я знал".

Те, кто в каком-либо смысле осознал, что Бог находится вокруг них, в них самих и во всем, смогут понять, как место или объект могут стать "священными" благодаря небольшой объективизации этого постоянного вселенского Присутствия, так что те обретут способность ощущать Его, кто обычно не ощущает Его вездесущности. Обычно это делается каким-нибудь высокоразвитым человеком, в котором внутренняя Божественность в значительной степени раскрыта, и поэтому его тонкие тела реагируют на более тонкие вибрации сознания. Через такого человека или посредством такого человека могут изливаться духовные энергии, и они соединятся с его чистым жизненным магнетизмом. Затем Он может излить их на любой объект, и его эфир и тела из более тонкой материи станут сонастроенными с его вибрациями, как объяснялось ранее, и, кроме того, Божественность внутри него сможет легче проявляться. Такой объект становится "намагниченным", и, если это сделать решительно, объект сам станет магнетическим центром, способным, в свою очередь, намагничивать тех, кто приближается к нему. Таким образом, тело, наэлектризованное электрической машиной, будет воздействовать на другие тела, рядом с которыми оно может находиться.

Объект, который таким образом становится "священным", является очень полезным дополнением к молитве и медитации. Тонкие тела поклоняющегося настроены на его высокие вибрации, и он чувствует себя успокоенным, умиротворенным без каких-либо усилий с его стороны. Он оказывается в состоянии, в котором молитва и медитация легки и плодотворны, а не трудны и бесплодны, и утомительное упражнение становится незаметно восхитительным. Если предмет представляет собой изображение какой-нибудь священной Личности - Распятия, Мадонны с Младенцем, Ангела, Святого, — то возникает еще один выигрыш. Представленное Существо, если его магнетизм был вложен в образ с помощью соответствующего Слова и Знака Силы, может повторно усилить этот магнетизм с очень незначительной затратой духовной энергии и, таким образом, может влиять на преданного или даже показывать себя через образ, когда в противном случае оно бы этого не сделало. Ибо в духовном мире наблюдается экономия сил, и небольшое количество энергии будет израсходовано там, где большее было бы удержано.

Применение этих же оккультных законов может быть использовано для объяснения использования всех освященных предметов — реликвий, амулетов и т. Д. Все они являются намагниченными объектами, более или менее мощными или бесполезными, в зависимости от знаний, чистоты и духовности человека, который их намагничивает.

Места точно так же могут быть сделаны священными благодаря проживанию в них святых, чей чистый магнетизм, исходящий от них, настраивает всю атмосферу на умиротворяющие вибрации. Иногда святые люди или Существа из высших миров непосредственно намагничивают определенное место, как в случае, упомянутом в Четвертом Евангелии, когда Ангел пришел в определенное время года и коснулся воды, придав ей целебные свойства. [355] В таких местах даже беспечные мирские люди иногда ощущают благословенное влияние и временно смягчаются и склоняются к высшим вещам. Божественная Жизнь в каждом человеке всегда пытается подчинить форму и придать ей форму выражения самой себя; и легко увидеть, как этой Жизни поможет то, что форма будет приведена в вибрации, соответствующие вибрациям более высокоразвитого Существа, а ее собственные усилия будут подкреплены более сильной силой. Внешним признанием этого эффекта является ощущение тишины, успокоения и умиротворения; ум теряет свое беспокойство, сердце - тревогу. Любой, кто понаблюдает за собой, обнаружит, что некоторые места больше способствуют спокойствию, медитации, религиозным размышлениям, богослужению, чем другие. В комнате, здании, где было много мирских мыслей, легкомысленных разговоров, просто суеты обычной мирской жизни, гораздо труднее успокоить ум и сконцентрировать мысль, чем в месте, где религиозное мышление продолжалось год за годом, столетие за столетием; там ум становится спокойным и безмятежным, и то, что в первую очередь потребовало бы серьезных усилий, во вторую делается без усилий.

Таково обоснование мест паломничества, временных уединений; человек обращается внутрь себя, чтобы искать Бога внутри себя, и ему помогает атмосфера, созданная тысячами других людей, которые до него искали то же самое в том же месте. Ибо в таком месте присутствует не только магнетизация, произведенная одним святым или посещением какого-то великого Существа невидимого мира; каждый человек, который посещает это место с сердцем, полным благоговения и преданности, и настроен на его вибрации, усиливает эти вибрации своей собственной жизнью и покидает это место лучше, чем оно было, когда он пришел в него. Магнитная энергия медленно рассеивается, и священный предмет или место постепенно размагничиваются, если их отложить в сторону или оставить без присмотра. Они становятся более намагниченными по мере использования или частого посещения. Но присутствие невежественного насмешника вредит таким объектам и местам, создавая антагонистические вибрации, которые ослабляют те, что уже существуют там. Как звуковая волна может быть встречена другой, которая гасит ее, и в результате наступает тишина, так и вибрации насмешливой мысли ослабляют или гасят вибрации благоговейной и любящей. Произведенный эффект, конечно, будет варьироваться в зависимости от относительной силы вибраций, но озорство не может остаться без результата, ибо законы вибрации в высших мирах те же, что и в физическом, а вибрации мысли являются выражением реальных энергий.

Причина и следствие освящения церквей, часовен, кладбищ теперь будут очевидны. Акт освящения - это не просто публичное выделение места для определенной цели; это магнетизация места на благо всех тех, кто его часто посещает. Ибо видимый и невидимый миры взаимосвязаны, переплетены друг с другом, и лучше всего видимому могут служить те, кто может управлять энергиями невидимого.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Мы подошли к концу небольшой книги на великую тему и лишь приоткрыли уголок Завесы, скрывающей Деву Вечной Истины от беспечных людских глаз. Виден был только подол ее одеяния, отяжелевший от золота и богато украшенный жемчугом. Но даже он, медленно колышась, источает небесные ароматы — сандал и розу - ароматы более прекрасных миров, чем наш. Какой была бы невообразимая слава, если бы Завеса была Приподнята, и мы увидели великолепие Лица божественной Матери и на Ее руках Ребенка, который есть сама Истина? Перед этим Ребенком Серафимы всегда закрывают свои лица; кто же тогда, рожденный смертным, сможет взглянуть на Него и остаться в живых?

Но поскольку в человеке пребывает само Его "Я", кто запретит ему пройти за Завесу и увидеть "открытым лицом славу Господню"? От Пещеры к высочайшим Небесам - таков был путь Слова, ставшего плотью и известного как Крестный Путь. Те, кто разделяет мужественность, разделяют также и Божественность и могут идти там, где ступал Он. "Каков Ты, таков и я".

Мир всем Существам

СНОСКИ:

[1] S. Mark xvi. 15.

[2] С. Мэтт vii. 6.

[3] Доникийская христианская библиотека Кларка, том IV. Климент Александрийский. *Строматы*, bk. I., глава xii.

[4] I. Кор. iii. 16.

[5] Там же., ii. 14, 16.

[6] С. Джон, глава 9.

[7] Псалтирь, xlii. 1.

[8] 1 Кор. xv. 28.

[9] Доникийская библиотека, том XII. Климент Александрийский. *Строматы*, bk. V., гл. xi.

[10] Смотрите статью о "Тайнах", *Енсус. Британика* девятое издание.

[11] Пселл, цитируемый в "Ямвлихе о мистериях". Т. Тейлор, стр. 343, примечание к стр. 23, второе издание.

[12] *Ямвлих*, как *предшественный*, стр. 301.

[13] Там же., стр. 72.

[14] В статье "Мистицизм" в *Британской энциклопедии* говорится следующее об учении Плотина (204-206 гг. н.э.): "Единый [Верховный Бог, о котором говорилось выше] возвышен над разумом и "идеями"; он полностью превосходит существование и не может быть познан причина. Оставаясь самим собой в покое, оно излучает, так сказать, из своей собственной полноты образ самого себя, который называется *pois* и который составляет систему идей умопостигаемого мира. Душа, в свою очередь, является образом или продуктом ума, и душа своим движением порождает телесную материю. Таким образом, перед душой открываются два пути — к *сознанию*, из которого она исходит, и к материальной жизни, которая является ее собственным продуктом. Этическое стремление состоит в отказе от чувственного; материальное существование само по себе является отчуждением от Бога.... Чтобы достичь конечной цели, сама мысль должна быть оставлена позади; ибо мысль - это форма движения, а желание души - это неподвижный покой, который принадлежит Единому. Единение с трансцендентным божеством - это не столько знание или видение, сколько экстаз, слияние, *контакт*". Таким образом, неоплатонизм - это "прежде всего система полного рационализма; другими словами, предполагается, что разум способен составить карту всей системы вещей. Но поскольку Бог утверждается за пределами разума, мистицизм становится в некотором смысле необходимым дополнением к предполагаемому всеобъемлющему рационализму. Кульминацией системы является мистический акт".

[15] *Ямвлих, как предшественник*, стр. 73.

[16] *Там же*, стр. 55, 56.

[17] *Там же*, стр. 118, 119.

[18] *Там же*, стр. 118, 119.

[19] *Там же*, стр. 95, 100.

[20] *Там же*, стр. 101.

[21] *Там же*, стр. 330.

[22] Г. Р. С. Мид. *Плотин*, стр. 42.

[23] *Ямвлих*, стр. 364, примечание к стр. 134.

[24] Г. Р. С. Мид. *Орфей*, стр. 285, 286.

[25] *Ямвлих*, стр. 364, примечание к стр. 134.

[26] *Ямвлих*, стр. 285, и далее.

[27] Г. Р. С. Мид. *Орфей*, стр. 59.

[28] *Там же*, стр. 30.

[29] *Там же*, стр. 263, 271.

[30] Г. Р. С. Мид. *Плотин*, стр. 20.

[31] *Шветашватаропанисхат*, vi., 22.

- [32] *Кахопанишхат*, iii., 14.
- [33] I. Кор. xiii. 1.
- [34] *Кахопанисхат*, vi. 17.
- [35] *Мундакопанисхат*, II., ii. 9.
- [36] *Там же.*, III., i. 3.
- [37] I Сам. xix. 20.
- [38] II. Царств ii. 2, 5.
- [39] В разделе "Школа".
- [40] Доктор Уинн Уэсткотт. *Сефер Йецира*, стр. 9.
- [41] S. Марк iv. 10, 11, 33, 34. См. также Евангелие от Матфея. xiii. 11, 34, 36 и евангелие от Луки viii. 10.
- [42] Святой Иоанн xvi. 12.
- [43] Деяния i. 3.
- [44] *Источник. цит. по.* Перевод. Г. Р. С. Мид. I. i. 1.
- [45] S. Matt. vii. 6.
- [46] О гречанке: "Не подобает брать хлеб у детей и бросать псам". — С. Марк vii. 27.
- [47] Евангелие от Луки xiii. 23, 24.
- [48] S. Matt. vii. 13, 14.
- [49] *Катхопанисхат* II. iv. 10, 11.
- [50] *Брихадараньякопанисхат*. IV. iv. 7.
- [51] Rev. vii. 9.
- [52] *Бахгавад-гита*, vii. 3.
- [53] *Ante*, стр. 26.
- [54] Следует помнить, что евреи верили, что все несовершенные души возвращаются, чтобы снова жить на земле.
- [55] S. Matt. xix. 16-26.
- [56] С. Иоанн xvii. 3.
- [57] Евр. ix. 23.
- [58] S. John. iii. 3, 5.

[59] S. Matt. iii. 11.

[60] Там же. xviii. 3.

[61] С. Джон iii. 10.

[62] S. Matt. v. 48.

[63] Ante, стр.24

[64] Обратите внимание, как это перекликается с обетованием Иисуса в евангелии от Иоанна xvi. 12-14: "Мне еще многое нужно сказать вам, но вы не можете вынести этого сейчас. Однако, когда Он, Дух Истины, придет, Он наставит вас на всякую истину.... Он покажет вам грядущее.... Он получит от меня и покажет это тебе".

[65] Другое техническое название в Тайнах.

[66] Eph. iii. 3, 4, 9.

[67] Col i. 23, 25-28. Но С. Климент в своих *Строматах* переводит "каждый человек" как "целостный человек". См. Б. В., гл. х.

[68] Кол. iv. 3.

[69] Доникийская библиотека, том XII. Климент Александрийский. *Строматы*, bk. V. ch. x. Некоторые дополнительные высказывания апостолов можно найти в цитатах из Климента, показывающих, какое значение они имели в умах тех, кто сменил апостолов и жил в той же атмосфере мышления.

[70] I. Тим. iii. 9, 16.

[71] I. Тим. i. 18.

[72] Там же., iv. 14.

[73] Там же., vi. 13.

[74] Там же., 20.

[75] II. Тим. i. 13, 14.

[76] Там же., ii. 2.

[77] Фил. iii. 8, 10-12, 14, 15.

[78] Откр. i. 18. "Я есмь Тот, Кто жив, и был мертв; и вот, Я жив во веки веков. Аминь".

[79] II. Кор. v. 16.

[80] Gal. iii. 27.

[81] Gal. iv. 19.

[82] I. Кор. iv. 15.

[83] I. S. Pet. iii. 4.

[84] Eph. iv. 13.

[85] Кол. i. 24.

[86] II. Кор. iv. 10.

[87] Gal. ii. 20.

[88] II. Тим. iv. 6, 8.

[89] Rev. iii. 12.

[90] Gal. iv. 22-31.

[91] Первое Кор. x. 1-4.

[92] Eph. v. 23-32.

[93] Том I. *Мученичество Игнатия*, глава iii. Используемые переводы взяты из "Доникейской библиотеки" Кларка, наиболее полезного сборника христианской древности. Номер тома, стоящего первым в списке литературы, равен номеру тома в этой Серии.

[94] Там же. *Послание Поликарпа*, гл. xii.

[95] Там же. *Послание Варнавы*, гл. i.

[96] Там же. глава x.

[97] Там же. *Мученичество Игнатия*, глава i.

[98] Там же. *Послание Игнатия к Ефесянам*, гл. iii.

[99] Там же. глава xii.

[100] Там же. *к траллианцам*, гл. v.

[101] Там же. *к филадельфийцам*, глава ix.

[102] Том IV. Климент Александрийский *Строматы*, bk. I. ч. i.

[103] Том IV. *Строматы*, bk. I. глава xxviii.

[104] Похоже, что даже в те дни были некоторые, кто возражал против того, чтобы какая-либо истина преподавалась тайно!

[105] Там же. bk. I, гл. i.

[106] Там же. Б. В., гл. iv.

[107] *Ibid.*.

[108] Там же. глава ix.

[109] Там же. Б. В., ч. x.

[110] Документ. Cit. xv. 29.

[111] *там же*. XVI. 25, 26; версия цитирует отличается на словах, но не в смысле, от английского официальную версию.

[112] *Строматы*, bk. V., ch. x.

[113] *Ibid.*....."

[114] *Ibid.*.

[115] *Там же*. bk. VI., глава xv.

[116] *Ibid.* bk. VI. x.

[117] *Там же*. bk. VI. vii.

[118] *Там же*. bk. I. ch. vi.

[119] *Ibid.* ch. ix.

[120] *Там же*. bk. VI. ch. x.

[121] *Там же*. bk. I. глава xiii.

[122] Том XII. *Строматы*, bk. V. глава iv.

[123] *Там же*. bk. VI. ch. xv.

[124] Книга I. *Против Цельса* находится в томе X. Доникийской библиотеки. Остальные книги находятся в т. XXIII.

[125] Том X. *Ориген против Цельса*, bk. I. глава vii.

[126] *Там же*.

[127] Пример xxv. 40, xxvi. 30 и сравните с Евр. viii. 5 и ix. 25.

[128] *Ориген против Цельса*, bk. IV. ch. xvi.

[129] *Ibid.* bk. III. ch. lix.

[130] *Там же*. глава lxi.

[131] *Ibid.*.....

[132] *Там же*., гл. lx.

[133] Т. XXIII. *Ориген против Цельса*, bk. V. глава xxv.

[134] *Там же*. глава xxviii.

[135] *Там же*. глава xxix.

[136] *Там же*. глава XX xi.

- [137] Там же. глава xxxii.
- [138] *Ibid.* ch. xlv.
- [139] Там же. глава xlv.
- [140] Там же. главы. xlvii.-liv.
- [141] Там же. глава lxxiv.
- [142] Там же. bk. IV., глава xxxix.
- [143] Том X. *Ориген против Цельса*, bk. I., гл. xvii, и другие.
- [144] Там же. глава xlii.
- [145] Том X. *О принципах*, Предисловие, стр. 8.
- [146] Там же. глава i.
- [147] Святой Иоанн xiv. 18-20.
- [148] *Документ. цит. по. ч. i. раздел III. стр. 55.*
- [149] Там же. ч. I. Раздел III. стр. 55, 56.
- [150] Там же. стр. 54, 55.
- [151] "Кажется, было" - несколько слабое выражение после того, что сказано Климентом и Оригеном, некоторые примеры которого приведены в тексте.
- [152] Там же., стр. 62.
- [153] Статья о "Мистицизме".—*Энциклопедия. Британец.*
- [154] Статья "Мистицизм". *Британская энциклопедия.*
- [155] *Орфей*, стр. 53, 54.
- [156] Здесь следует признать обязательность ссылки на статью "Мистицизм" в *Энциклопедии. Brit.*, хотя эта публикация никоим образом не несет ответственности за высказанные мнения.
- [157] *Тайны магии*. Перевод. А. Э. Уэйта, стр. 58 и 60.
- [158] II. С. Петр i. 5.
- [159] Gal. iv. 19.
- [160] II. Кор. v. 16.
- [161] С. Джон и. 14.
- [162] С. Джон и. 32.
- [163] S. Matt. iii. 17.

[164] Там же. iv. 17.

[165] I. Тим. iii. 16.

[166] С. Джон икс. 34-36.

[167] Св. Иоанн xiv. 18, 19.

[168] Валентин. Перевод. Г. Р. С. Мид. *Пистис София*, Б.К. И., I.

[169] *Ante*, стр. 72.

[170] Там же. 60.

[171] Там же. bk. ii., 218.

[172] Там же. 230.

[173] Там же. 357.

[174] Там же. 377.

[175] Том II. Иустин мученик. *Первое извинение*, §§ liv., lxii. и lxvi.

[176] Том II. Иустин мученик. *Второе извинение*, § xiii.

[177] Том VII. Тертуллиан, *О крещении*, гл. v.

[178] Студент может прочитать рассказ Платона о "Пещере" и ее обитателях, вспомнив, что Платон был Посвященным. *Республика*, Bk. vii.

[179] Элифас Леви *Тайны магии*, стр. 48.

[180] Бонвик. *Египетская вера*, стр. 157. Цитируется в *Великом законе* Уильямсона, стр. 26.

[181] Фестиваль "Natalis Solis Invicti", день рождения Непобедимого Солнца.

[182] Уильямсон. *Великий Закон*, стр. 40-42. Тем, кто желает изучить этот вопрос как сравнительный религиозоведческий, нет ничего лучше, чем прочитать "*Великий закон*", автор которого - глубоко религиозный человек и христианин.

[183] Там же. стр. 36, 37.

[184] *Великий закон*, стр. 116.

[185] Там же. стр. 58.

[186] Там же. стр. 56.

[187] Там же. стр. 120-123.

[188] Смотрите на этом начало Евангелия от Иоанна, главы 1-5. Имя Логос, приписываемое проявленному Богу, формирующему материю — "все вещи были сотворены Им" - является

платоническим и, следовательно, напрямую заимствовано из Мистерий; за столетия до Платона "Вак", Голос, происходящий из того же источника, использовался индусами.

[189] См. *Ante*, стр. 124.

[190] См. *Ante*, стр. 93-94.

[191] См. *Ante*, стр. 85.

[192] II. Кор. iv. 18.

[193] II. Кор. v. 7.

[194] Евр. v. 14.

[195] Евангелие от Луки xv. 16.

[196] *Там же*. xiv. 26.

[197] S. Matt. v. 28.

[198] Евр. xi. 27.

[199] С. Мэтт против 45.

[200] Евангелие от Луки ix. 49, 50.

[201] S. Matt xvii. 20.

[202] II. Кор. vi. 8-10.

[203] Кол. iii. 1.

[204] Св. Матф. ст. 8 и св. Иоанн xvii. 21.

[205] Gen . i. 2.

[206] С. Джон i. 3.

[207] *Христианский символ веры*, стр. 29. Это ценнейшая и увлекательная небольшая книга о мистическом значении символов веры.

[208] *Там же*. стр. 42.

[209] Имя Святого Духа.

[210] *Там же*. стр. 43.

[211] *Ante*, стр. 124.

[212] С. Мэтт. xviii. 3.

[213] 2 С. Петр iii. 15, 16.

[214] А. Безант. *Эссе об Искуплении*.

- [215] Там же.
- [216] *Брихадараньякопанисхат*, I. i. 1.
- [217] *Бхагавад-гита*, iii. 10.
- [218] *Брихадараньякопанисхат*, I. ii. 7.
- [219] *Мундакопанисхат*, II. ii. 10.
- [220] Хауг. *Очерки о парсах*, стр. 12-14.
- [221] Rev. xiii. 8.
- [222] У. Уильямсон. *Великий закон*, стр. 406.
- [223] А. Безант. *Девятнадцатый век*, июнь 1895 года, "Искупление".
- [224] Евр. i. 5.
- [225] Там же., 2.
- [226] К.У. Ледбитер. *Христианский символ веры*, стр. 54-56.
- [227] Там же. стр. 56, 57.
- [228] S. Matt. xxv. 21, 23, 31-45.
- [229] Is. liii. 11.
- [230] S. Matt. xvi. 25.
- [231] Святой Иоанн xii. 25.
- [232] Евр. vii. 16.
- [233] *Свет на пути*, § 8.
- [234] Евр. vii. 25.
- [235] Евр. ст. 8, 9.
- [236] I Тим. iii. 16.
- [237] Анни Безант. *"Теософское обозрение"*, декабрь 1898 г., стр. 344, 345.
- [238] К. У. Ледбитер. *Христианский символ веры*, стр. 61, 62.
- [239] Первое Кор. xv. 44.
- [240] I Фес., ст. 23.
- [241] См. Главу IX "Троица".
- [242] См. *Ante*, стр. 84, 99, 100.
- [243] 2 Кор. xii. 2, 4.

[244] S. Matt. v. 48.

[245] Св. Иоанн xvii. 22, 23.

[246] 2 Кор. v. 1.

[247] 1 Кор. xv. 28.

[248] Этот неправильный перевод был очень естественным, поскольку перевод был сделан в семнадцатом веке, и все представления о предсуществовании души и ее эволюции давно исчезли из христианского мира, за исключением учений нескольких сект, считающихся еретическими и преследуемых Римско-католической церковью.

[249] Святой Иоанн iii. 13.

[250] Евр. v. 9.

[251] Rev. i. 18.

[252] Е. П. Блаватская. *Голос безмолвия*, стр. 90, 5-е издание.

[253] С. Джон. xvii. 5.

[254] 1 Кор. xv. 20.

[255] *Чхандогьопанисхат*, VI. ii., 1.

[256] Втор. vi. 4.

[257] 1 Кор. viii. 6.

[258] Ошибка: Эн, или Айн, Соф - не одна из Троицы, но Единое Существование, проявленное в Трех; и Кадмон, или Адам Кадмон, не одна Сефира, а их совокупность.

[259] Цитируется в книге Уильямсона "*Великий закон*", стр. 201, 202.

[260] Х. Х. Милман. *История христианства*, 1867, с. 70-72.

[261] *Азиатские исследования*, i. 285.

[262] С. Шарп. *Египетская мифология и египетская христология*, стр. 14.

[263] Смотрите "*Великий закон*" Уильямсона, стр. 196.

[264] *Loc. Cit.*, стр. 208, 209.

[265] С. Джон i. 3.

[266] Jer. li. 15.

[267] См. *Ante*, стр. 179-180.

[268] Афанасианский символ веры.

[269] Rev. iv. 8.

- [270] S. Luke. i. 38.
- [271] Там же, 35.
- [272] Книга мудрости, viii. 1.
- [273] Том IV. Доникийская библиотека. С. Климент Александрийский. *Строматы*, bk. V., глава ii.
- [274] См. *Ante*, стр. 262.
- [275] См. *Ante*, стр. 207.
- [276] Gen . i. 1.
- [277] Задание xxxviii. 4; Зах. xii. 1; и с.
- [278] Gen . i. 2.
- [279] Gen . i. 2.
- [280] См. *Ante*, стр. 262.
- [281] См. *Ante*, стр. 262.
- [282] С. Джон i. 3.
- [283] *Бхагавад-гита* ix. 4.
- [284] 1 Кор. xv. 27, 28.
- [285] Св. Иоанн xiv. 6. Смотрите также дальнейшее значение этого текста на стр. 272.
- [286] Евр. xii. 9.
- [287] Номер. xvi. 22.
- [288] Gen . i. 26.
- [289] S. Matt. v. 48.
- [290] С. Иоанн xvii. 5.
- [291] С. Джон против 26.
- [292] S. Matt. i. 22.
- [293] Евр. ii. 18.
- [294] Большая часть этой главы уже появлялась в более ранней работе автора, озаглавленной "*Некоторые проблемы жизни*".
- [295] С. Джеймс i. 17.
- [296] Быт. xxviii. 12, 13.
- [297] Смотрите главу xii.

- [298] Евр. i. 14.
- [299] S. Matt. x. 29.
- [300] Деяния xvii. 28.
- [301] Т. Х. Хаксли. *Очерки по некоторым спорным вопросам*, стр. 36.
- [302] Евангелие от Луки xxii. 41, 43.
- [303] С. Джон и. 11.
- [304] Rev. iii. 20.
- [305] Е. П. Блаватская. *Ключ к теософии*, стр. 10.
- [306] Is. xxxiii. 17.
- [307] *О тайнах*, раздел v. глава 26.
- [308] Ps. xl. 7, 8, версия молитвенника.
- [309] С. Лука, ст. 18-26.
- [310] *Там же*. vii. 47.
- [311] Г. Р. С. Мид, переведено. *Loc. cit.*, bk. ii., §§ 260, 261.
- [312] *Там же*. §§ 299, 300.
- [313] S. Matt. xii. 36.
- [314] *Там же*. ix. 2.
- [315] *Цит. по* iii. 9.
- [316] *Там же*. vi. 43.
- [317] *Там же*. ix. 30.
- [318] См. *предыдущую главу*. VIII.
- [319] Это причина мягкости и терпения, которые часто замечают у больных, обладающих очень чистой натурой. Они усвоили урок страдания, и они не создают новую злую карму из-за нетерпения в результате прошлой плохой кармы, которая затем исчерпывает себя.
- [320] С. Лука, vii. 48, 50.
- [321] *ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ*, ix. 31.
- [322] S. Matt. vii. 1.
- [323] *Loc. cit.*, bk. ii. § 305.
- [324] Rev. iii. 20.

- [325] Г. Бруно, пер. Л. Уильямс. *Героические энтузиасты*, том первый, стр. 133.
- [326] Там же., том ii., стр. 27, 28.
- [327] Там же., стр. 102, 103.
- [328] Rev. iv. 5.
- [329] Фраза "сила и материя" используется в том виде, в каком она хорошо известна в науке. Но сила - это одно из свойств материи, то, которое упоминается как Движение. См. *Ante*, стр. 264.
- [330] Задание xxxviii. 7.
- [331] Посмотрите на формах, созданных музыкальными нотами, любую научную книгу по звуку, а также иллюстрированную книгу миссис Уоттс-Хьюз о *фигурах голоса*.
- [332] См. *ante*, стр. 138 и стр. 302.
- [333] В Таинстве покаяния пепел теперь обычно опускают, за исключением особых случаев, но, тем не менее, он является частью обряда.
- [334] См. *предшествующую* стр. 329.
- [335] *Christian Records*, стр. 129.
- [336] *Великий закон*, стр. 161-166.
- [337] См. *ante*, стр. 151.
- [338] *Диагностика*, стр. 219.
- [339] 1 Пет. iii. 4.
- [340] 2 Царств vi. 17.
- [341] 1 Кор. x. 16.
- [342] Jer. xlv.
- [343] Быт. xiv. 18, 19.
- [344] *Великий закон*, стр. 177-181, 185.
- [345] Лев. xvii. 11.
- [346] Rom. xii. 1.
- [347] Исаяя лив. 5; lxii. 5.
- [348] Eph. v. 23-32.
- [349] Афанасианский символ веры.
- [350] 2 Пет. i. 20.
- [351] 1 См. *ante*, стр. 102.

[352] 2 Кор. iii. 6.

[353] 1 Кор. ii. 11, 13.

[354] Ис. vi. 6, 7.

[355] С. Джон против 4.

WILLIAM BYLES & SONS, ТИПОГРАФИЯ, БРЭДФОРД.
